

GEMMA MAGICA

ПРИШЕСТВИЕ ФЕЙ

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ

Salamandra P. V. V.
MMX

GEMMA MAGICA
Материалы и исследования по истории
магии и оккультизма

V

Salamandra P.V.V.

Артур Конан Дойль

ПРИШЕСТВИЕ ФЕЙ

Перевод и комментарии Александра Шермана
Послесловие Екатерины Коути

Salamandra P.V.V.

Конан Дойль А.

Пришествие фей. Пер. с англ. и комм. А. Шермана. Послел. Е. Коути. – Salamandra P.V.V., 2010. – 241 с., илл. – PDF. – (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки.

Его верным Уотсоном становится мистик и теософ Э. Гарднер. Не жалея сил, они идут по следу, собирая доказательства существования фей и других духов природы – элементарей, хранителей растений.

Эта книга стоила Конан Дойлю дружбы и уважения многих людей. Более шестидесяти лет спустя мистификация кузин из Коттингли была разоблачена, но и тогда они продолжали настаивать, что видели у деревенского ручья крошечных крылатых существ.

В невероятной истории фей из Коттингли сплелись спиритуализм и теософия, фольклорные верования и популярная культура, замешанная на оккультизме чувствительность поздних викторианцев и научный прогресс.

Первый полный и откомментированный перевод на русский язык самой скандальной книги Артура Конан Дойля.

© А. Sherman, перевод, комментарии, 2010

© Y. Cotey, послесловие, 2010

© Salamandra P.V.V., оформление, 2010

Arthur Conan Doyle.

Предисловие

В настоящей книге приведены репродукции знаменитых фотографий из Коттингли и изложены все касающиеся их обстоятельства. Внимательный читатель сможет, пройдя весь путь вместе со мной, самостоятельно рассудить, подлинны ли эти изображения. Данное повествование отнюдь не призвано служить доказательством их подлинности, но является лишь собранием фактов, справедливость же моих выводов читатель волен признать или отвергнуть.

Я хотел бы, тем не менее, предостеречь критиков: не стоит безоглядно принимать на веру известный софизм, гласящий, что если тот или иной профессиональный шарлатан, овладевший мастерством обмана, способен воспроизвести некоторый эффект, оригиналы были созданы таким же способом. Лишь немногие грани реальности не поддаются имитации, и давешний аргумент, сводящийся к тому, что поскольку сценические трюки фокусников или обработанные ими фотографические пластинки могут дать определенный результат, схожий результат, полученный неподготовленными людьми в естественных условиях, следует также считать ложным, без сомнения будет признан неправомочным рассудительной аудиторией.

Мне также хотелось бы добавить, что в целом проблема объективного существования низшей по отношению к человеку формы жизни никак не связана с несомненно более важным и животрепещущим вопросом спиритуализма. Будет жаль, если мои доводы в пользу последнего окажутся в малейшей степени поколеблены рассказом об этом странном явлении, которое не имеет ничего общего с посмертным существованием индивидуума.

Артур Конан Дойль

Кроуборо,
Март 1922.

Глава I

С чего все началось

Ряд происшествий, описанных в этой небольшой книге, представляет собой либо самую изощренную и искусную мистификацию, какой от начала времен подвергалась публика, либо же историческое событие, которое рано или поздно будет признано эпохальным. Разум человека не в силах осознать, к чему приведет истинное доказательство существования на нашей планете народца, не менее многочисленного, возможно, чем сам человеческий род – народца, что неведомо для нас ведет свою чуждую жизнь и отделяется от людей лишь ничтожным различием в вибрациях. Мы видим объекты в пределах, очерченных нашим цветовым спектром, тогда как по обе стороны данного спектра остается бесконечное количество незримых вибраций. Представим себе расу существ, сотканных из материи, испускающей более короткие или более длинные волны: существа эти останутся невидимыми, разве что нам удастся приспособить к ним свое зрение или сделать их вибрации доступными для восприятия. Именно такое умение распознать иные вибрации и приспособиться к ним отличает ясновидящих; насколько я могу судить, с позиций науки нет ничего невозможного в том, что одни люди прозревают невидимое для других. Если подобные объекты действительно существуют и на решение задачи будет направлена вся изобретательная мощь человеческого гения, мы сумеем, вероятно, адаптироваться к новым условиям бытия, придумав своего рода духовидческие очки, о которых сейчас даже помыслить не можем. И если

наши механические устройства способны обратить высокое напряжение электричества в низкое и направить его на полезные нужды, сложно понять, отчего аналогичный процесс не может быть применен к вибрациям эфира и световых волн.

Все сказанное, впрочем, не более чем умозрительные рассуждения; они приводят меня к фактам: в мае 1920 года из разговора с моим другом мистером Гоу, редактором журнала «Light»*, я узнал о предполагаемых фотографиях фей. Сам он их не видел, но направил меня к мисс Скатчерд*, даме, чьи познания и суждения я ценю достаточно высоко. Я обратился к ней и выяснил, что фотографии видела ее подруга, мисс Гарднер. 13 мая мисс Скатчерд сообщила мне, что нашла на след, и привела отрывок из письма мисс Гарднер, который я печатаю ниже. Здесь и далее я цитирую подлинные документы, ибо полагаю, что многие желали бы составить цельное впечатление о столь знаменательных событиях и увидеть их подошлеку глазами самих участников. Рассказывая о своем брате, мистере Гарднере, она писала:

«Ты знаешь, конечно, что Эдвард вот уже много лет теософ, а в настоящее время занят чтением лекций и прочими трудами на благо Теософского общества – и хотя долгие годы я считала, что он погряз в заблуждениях и даже мои молитвы едва ли смогут ему помочь, беседы с Эдвардом ныне воодушевляют и вдохновляют меня. Я благодарна небесам за то, что оказалась в Уиллсдене, когда его постигла тяжкая утрата, ибо я никогда не забуду, как вера и убеждения чудесным образом поддерживали и утешали Эдварда. Думаю, теперь он станет посвящать все больше времени и сил путешествиям по стране с лекциями и т.д.

Как жаль, что ты не можешь увидеть замечательную фотографию, найденную Эдвардом! Он верит в фей, пикси, гоблинов и тому подобных созданий – дети часто и впрямь видят их и играют с ними. Эдвард свел знакомство с одной семьей из Бредфорда; у них есть маленькая дочь, Элси, которая вместе со своей кузиной Френсис все время гуляет в лесах и играет с феями. Отец и мать настроены скептически и совсем не расположены выслушивать девичью чепуху, как они это называют, но тетя, с которой удалось побеседовать Эдварду, склонна верить девочкам. Как-то раз Элси призналась, что мечтает заснять фей, и стала упрашивать отца одолжить ей фотоаппарат. Тот все отказывался, но наконец сдался, разрешив ей воспользоваться камерой и дав одну пластинку. И вот они с Френсис отправились в лес, к водопаду. Френсис, по словам девочек, «подманивала» фей, а Элси стояла с камерой наготове. Вскоре появились три феи и одна пикси и принялись танцевать в ауре Френсис. Элси щелкнула затвором – оставалось только надеяться на удачу. Отец долго не проявлял негатив, но в конечном итоге сделал это и, к своему несказанному удивлению, увидел прелестное изображение четырех нежных крошечных фигурок!

Эдвард получил негатив и показал его специалисту по фотографии, который без труда разоблачил бы подделку. Не успел знаток рассмотреть снимок, как все его сомнения улетучились, и он тут же предложил за негатив 100 фунтов наличными. Он заявил, что снимок безусловно подлинный и совершенно восхитительный. Эдвард велел его увеличить и повесил на стену в холле. Он очень увлечен феями и при первой же возможности

намеревается посетить Бредфорд и поговорить с детьми. Что ты обо всем этом думаешь? Феи, говорит Эдвард, располагаются на одной эволюционной ветви с *крылатыми* насекомыми и т.д. и т.п. Боюсь, не смогу изложить весь ход его рассуждений, но уверена, что история с феями тебя очень заинтересует. О, если бы ты видела ту фотографию – и еще один снимок, где девочки играют с самым занятным гоблином, какого ты только можешь вообразить!»

Это письмо обнадежило меня, и я возобновил поиск снимков. Я узнал, что фотографий было две и что обе они были отправлены для изучения мисс Бломфилд, дружившей с этой семьей.

Итак, мое расследование приняло новое направление. Обратившись с письмом к мисс Бломфилд, я получил следующий ответ:

Миртлс, Бекингем
21 июня 1920.

Дорогой сэръ,

Посылаю Вам обе фотографии фей; они *в самом деле* необычны, не находите?

Уверена, мой кузен будет рад тому, что Вы их увидите. Но он говорил (и позднее еще раз подчеркнул в письме), что в настоящее время не хотел бы предавать их гласности. Я думаю, у него имеются на фотографии собственные планы, и вдобавок сейчас он регистрирует

авторские права на эти снимки. Мне кажется, права на фотографии будут принадлежать другим людям. Кузен еще не завершил свои исследования. Я спросила, можно ли мне снять копии с фотографий, чтобы дать их нескольким друзьям, проявившим к ним интерес, но пока что не получила от него разрешения.

Если не ошибаюсь, кузен сейчас в отъезде. Его зовут Эдвард Л. Гарднер, он президент одного из отделений Теософского общества (ложа Блаватской)* и часто выступает с лекциями в зале заседаний общества (Мортимер-холл, Мортимер-сквер W.). Несколько недель назад он читал там лекцию, показывал снимки фей на экране и рассказывал о них.

Искренне Ваша,
Э. Бломфилд.

К письму были приложены две удивительные фотографии, воспроизведенные в настоящем издании – танцующий гоблин и хоровод лесных эльфов. Репродукции сопровождалась объяснительной запиской, где приводились основные сведения о каждой из фотографий. Эти поразительные снимки заворожили меня; я тотчас написал мисс Бломфилд, поблагодарил ее за любезность и предложил провести расследование, которое убедило бы меня в подлинности фотографий. Если будут получены неопровержимые доказательства, писал я, для меня будет честью оказать помощь мистеру Гарднеру в публикации данного открытия. В ответ я получил следующее письмо:

Миртлс, Бекингам
23 июня 1920.

Дорогой сэр Артур,

Я так рада, что вам понравились феи! Я с удовольствием помогла бы Вам, чем возможно, однако мало что могу сделать. Будь фотографии моими (я имею в виду негативы), я была бы счастлива, что такие прекрасные новости поведает обществу человек с Вашей репутацией. Но дело обстоит так, что необходимо заручиться разрешением кузена. Мне кажется, он *хотел бы* сообщить об этих фотографиях публике, однако планы его, как я писала ранее, мне неизвестны, и я не уверена, что он к этому готов.

Отправив Вам первое письмо, я сообразила, что правильной всего было бы переслать Вам адрес его сестры. Она очень рассудительна и практична, много занимается социальной работой и благодаря своей сноровке и отзывчивому характеру весьма в ней преуспела.

Она убеждена, что фотографии фей подлинные. Эдвард человек умный – и добропорядочный. Уверяю Вас, что любой из знакомых Эдварда сочтет его суждения о тех или иных житейских вопросах достойными доверия, поскольку рассуждает кузен трезво и обоснованно. Надеюсь, я не утомила Вас этими подробностями: мне показалось, что некоторое знакомство с людьми, которые, так сказать, «открыли» эти фотографии, позволит Вам хотя бы на *один шаг* приблизиться к истине. Я не считаю, что в этом случае следует опасаться подделки или розыгрыша. Не скрою, впервые увидев отпечатки, я подумала и о такой возможности, вовсе не принимая в

расчет самое простое объяснение: эти снимки являются именно тем, чем кажутся. Они были слишком уж хороши! Но с тех пор всякая мельчайшая деталь, о которой я узнавала, вновь и вновь доказывала мне подлинность снимков; правда, мне приходится полагаться только на то, что рассказывает Эдвард. Он надеется получить от девочек еще несколько фотографий.

Искренне Ваша,
Э. Бломфилд

Примерно в то же время я получил письмо от другой дамы, до которой дошли известия о фотографиях. В нем говорилось:

29 Крофтдаун-роуд, Хайгейт-роуд N.W.
24 июня 1920.

Дорогой сэр Артур,

Рада слышать, что Вас заинтересовали феи. Если фотографии настоящие, в чем, похоже, нет особых причин сомневаться, событие это будет означать открытие нового мира. Между прочим, я рассматривала снимки под увеличительным стеклом и, будучи художницей, сразу заметила, что ручки фей отличаются от наших. Хотя во всем остальном их миниатюрные фигурки имеют человеческие очертания, ручки показались мне вот такими (далее следовал набросок руки, напоминающей плавник рыбы). Борода у малютки-гнома скорее похожа на хоботок насекомого – впрочем, разглядев этого гнома,

ясновидящий вне всякого сомнения назовет ее бородой. Мне кажется, феи такие бледные оттого, что не отбрасывают тени, и поэтому, вероятно, они выглядят такими плоскими и искусственными.

Искренне ваша,
Мэй Боули*.

Теперь я ощутил прилив уверенности: ведь я не только видел фотографии, но и узнал, что мистер Гарднер является человеком достойным, здравомыслящим и рассудительным. Поэтому я напрямую обратился к нему, упомянув, каким образом и от кого именно получил его адрес; в письме говорилось, что я чрезвычайно заинтригован вопросом о феях и считаю необходимым сообщить публике все связанные с ним факты – что позволит, пока еще не поздно, провести независимое расследование*. Я получил нижеследующий ответ:

5 Крейвен-роуд, Харлесден N.W.10
25 июня, 1920.

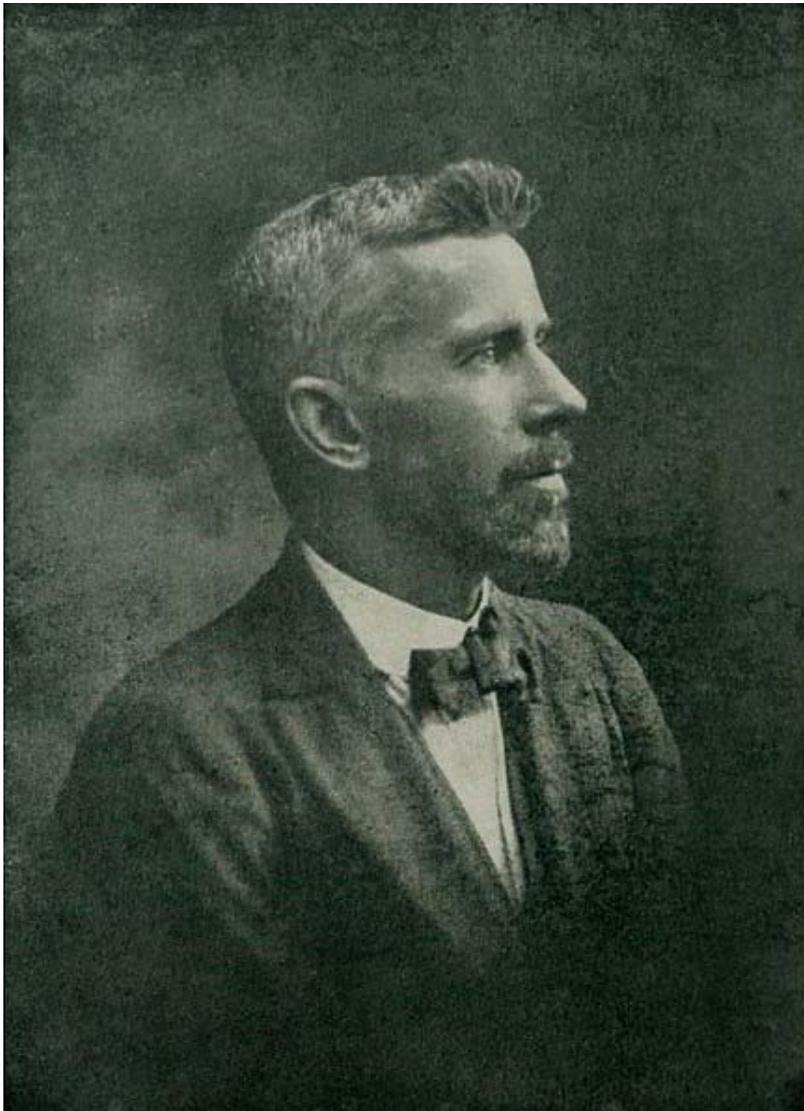
Дорогой сэр,

Ваше любопытное письмо от 22 числа только что было доставлено сюда. Буду рад оказать Вам любую по-настоящему помощь.

История с фотографиями – довольно запутанная, и мне удалось разузнать подробности только потому, что я вел себя осторожно. Должен сказать, что дети, о которых идет речь, очень стеснительны и замкнуты... Они

из семьи йоркширского механика; говорят, дети с младенчества играли с феями и эльфами в лесу близ деревни. Я не смогу изложить в письме все детали. Полагаю, нам стоило бы побеседовать с глазу на глаз. Во всяком случае, когда мне наконец удалось посмотреть отпечатки, кстати говоря, достаточно невзрачные, они произвели на меня такое впечатление, что я попросил предоставить мне негативы. Я передал их двум первоклассным экспертам по фотографическому делу; один из них живет в Лондоне, другой в Лидсе. Первый, совершенно незнакомый с такого рода явлениями, объявил пластинки абсолютно подлинными; он не выявил ни малейших следов фальсификации, но и объяснения никакого не нашел! Второй, который имеет некоторое представление о предмете и успел разоблачить ряд подделок «психического» свойства*, также не выдвинул никаких возражений. Соответственно, я решил продолжать свои исследования.

Я надеюсь получить еще несколько фотографий. Сложность в том, что для этого девочки должны встретиться. Им по 16 или 17 лет, они не так давно начали работать и живут в нескольких милях друг от друга. Может быть, нам удастся устроить их встречу и мы получим снимки других видов помимо тех, что уже представлены на фотографиях. Эти духи природы не обособлены, а составляют целую иерархию существ. Мне не терпится увидеть снимки их высших разрядов. Но дети, подобные этим девочкам, встречаются редко, и я побаиваюсь, что мы опоздали: очень скоро, надо полагать, случится неизбежное, одна из девочек «влюбится» и тогда – все пропало!!

& М-р Э. Л. Гарднер &
Член Исполнительного комитета Теософского
общества (Англия)

Кроме того, мне очень не хотелось бы столкнуться с денежными требованиями*. Рано или поздно это может произойти, но было бы куда предпочтительней вовсе не касаться данной темы. Мы ищем Истину – и ничто не способно так непоправимо запятнать наши поиски. Со своей стороны готов заверить Вас, что любые доступные мне сведения будут полностью Вам предоставлены.

(Подписано)

Эдв. Л. Гарднер

Это письмо побудило меня отправиться в Лондон и встретиться с мистером Гарднером. Он оказался спокойным, уравновешенным и сдержанным человеком, ничуть не напоминавшим безумца или визионера. Мистер Гарднер показал мне превосходные увеличенные копии двух чудесных фотографий и поделился со мною многим из того, что далее изложено в книге. Мы еще не встречались с девочками и потому договорились, что мистер Гарднер лично займется расследованием, а я подвергну результаты критической проверке и придам им литературную форму. Мы также решили, что он при первой возможности отправится в деревню и познакомится со всеми действующими лицами. Тем временем, я показал позитивы и в ряде случаев негативы нескольким друзьям, с чьим мнением в психических материях я считался.

В первую очередь следует упомянуть сэра Оливера Лоджа*. Вспоминаю, с каким изумленным и внимательным видом он разглядывал снимки, которые я разложил перед ним в холле клуба «Атенеум»*. С присущей ему осторожностью, сэр Оливер не стал объявлять их настоящими: напротив, он выдвинул теорию, что кто-то

сфотографировал танцовщиц Калифорнийского классического балета и наложил полученное изображение на английский сельский пейзаж. Я возражал, указывая, что мы тщательно изучили происхождение снимков и что они были сделаны детьми из рабочего класса*, которых едва ли можно заподозрить в фотографическом трюкачестве, однако не сумел его переубедить. Даже сейчас я не уверен, что сэр Оливер окончательно принял аргументы той или другой стороны.

Самыми пылкими критиками оказались спиритуалисты, для которых мысль о наличии еще одного вида существ, так же отличающихся от духов, как последние от людей, была совершенно внове; они опасались, и не без оснований, что их появление лишь усугубит столь значимые для многих из нас спиритические дебаты. Одним из них был джентльмен, которого я назову мистером Ланкастером; располагая значительными психическими способностями, включая ясновидение и яснослышание*, он в то же время успешно трудился на ниве своей весьма прозаической профессии, что, как ни парадоксально, встречается довольно часто. Он утверждал, что нередко собственными глазами наблюдал маленький народец, и поэтому я придавал его мнению особую важность. У этого джентльмена имелся дух-наставник (воочию вижу скептические улыбки); к нему мистер Ланкастер и обратился за разъяснениями. Полученный ответ, о котором он сообщил мне в июле 1920 года, отразил всю силу и одновременно всю слабость подобных психических изысканий. Мистер Ланкастер писал:

«О фотографиях: чем больше я о них размышляю, тем меньше мне все это нравится (подразумеваю фэй с парижскими прическами). Мой наставник говорит, что

снимки были сделаны невысоким человеком со светлыми, зачесанными назад волосами; у него есть студия с большим количеством фотографических камер, причем некоторые из них «снабжены рукоятками». Он сделал эти фотографии отнюдь не для того, чтобы заставить спиритуалистов «проглотить наживку», но для развлечения маленькой девочки, изображенной на снимке – она сочиняла сказки о феях, а он их таким образом иллюстрировал. Сам он не спиритуалист и очень смеялся бы, если бы кто-то принял эти фотографии за подлинные. Он живет далеко от нас, и это место выглядит непривычно, т.к. там нет прямых улиц и дома беспорядочно разбросаны по всей округе. Насколько можно судить, он не англичанин. По описанию, мне кажется, местность похожа на Данию или Лос Анжелес, но это лишь мои догадки.

Сказать по правде, я с удовольствием приобрел бы объектив, который позволяет снимать людей в быстром движении с той же четкостью, с какой они изображены на упомянутой фотографии. У этого объектива должна быть F 4.5, такой стоит около пятидесяти гиней или чуть меньше – вряд ли у детей из рабочей семьи может оказаться на ручном фотоаппарате подобный объектив. И все же, учитывая скорость затвора, водопад на заднем плане сильно размыт и это заставляет предположить по меньшей мере секундную выдержку. Каков Фома неверующий! Вчера мне сказали, что если я когда-нибудь попаду на небеса, а это крайне сомнительно, я должен (а) настоять на том, чтобы все ангелы были внесены в картотеку, и (б) обустроить стрельбище для подготовки к возможному вторжению из Ада. Такова уж моя прискорбная репутация, и люди, считающие себя

моими друзьями, неизбежно воспринимают мои критические ремарки как брюзжание – во всяком случае, до определенного момента».

Психические впечатления и послания зачастую напоминают картину мира, видимого сквозь темное стекло – так курьезно истинное в них смешивается с ошибочным. Когда я переслал это письмо мистеру Гарднеру, он заверил меня, что приведенное описание в целом достаточно точно соответствует мистеру Снеллингу и окружающей его обстановке; речь идет о джентльмене, который и в самом деле работал с негативами, в частности провел некоторые исследования и напечатал увеличенные позитивы. Как можно заключить, именно этот вторичный эпизод, а не исходное событие нашей истории, воспринял и передал нам наставник мистера Ланкастера. Рядовой читатель, разумеется, едва ли сочтет все это надежным свидетельством, но я честно выкладываю на стол все документы.

Поскольку мы придавали большое значение мнению мистера Ланкастера и были полны решимости преодолеть любые трудности во имя достижения истины, мы вновь отправили пластинки на экспертизу, детали которой изложены в следующем письме:

5 Крейвен-роуд, Харлесден N.W.10
12 июля, 1920.

Дорогой сэръ Артур,

Пишу вкратце, чтобы сообщить о последних новостях и поблагодарить Вас за теплые письма и вложение из «Кодака».

Неделю назад, узнав от Вас о мнении мистера Ланкастера, я решил, что следует более тщательно исследовать негативы, несмотря на всю скрупулезность изначальной проверки. Я посетил мистера Снеллинга в Харроу, долго беседовал с ним и вновь подчеркнул, что в данном вопросе нам необходима полная уверенность. Кажется, я уже рассказывал Вам, что мистер Снеллинг, являясь экспертом в данной области, уже тридцать лет тесно сотрудничает с «Autotype Company» и с большим фотографическим предприятием Иллингворта*, да и сам создал немало великолепных этюдов, включая натурные и студийные. Недавно он открыл собственную студию в Уэлдстоуне (Харроу) и дела у него идут хорошо.

Выводы мистера Снеллинга относительно двух негативов положительны и не оставляют места для сомнений. Он говорит, что осмотр негативов полностью убедил его в двух вещах, а именно:

1. Имела место только одна экспозиция;
2. Все фигурки фей двигались во время экспозиции и она была «моментальной».

Я продолжал настойчиво задавать ему вопросы о бумажных и картонных фигурках, задниках, живописном фоне и прочих ухищрениях современных фотографических студий, но он показал мне другие негативы и отпечатки, которые подтверждали его точку зрения. Мистер Снеллинг добавил, что любой опытный фотограф немедленно разглядел бы на негативе темный фон или следы двойной экспозиции. Так же легко было бы заметить неправильности в движениях, что он и доказал на

примере большого количества фотографий аэропланов, которые нашел в своих закромах. Не стану утверждать, что понял все его доказательства, но обязан сказать, что мистер Снеллинг окончательно убедил меня в отношении двух упомянутых пунктов. Мне кажется, что эти доводы, рассматриваемые вместе, полностью отменяют все выдвинутые до сих пор возражения! Мистер С. готов сделать любое заявление касательно того, что сказано выше, и без колебаний ручается своей репутацией, что снимки подлинные.

Меня не будет в Лондоне со следующей среды и до 28-го числа, когда я отправлюсь в Бингли, чтобы провести день или два в расследовании на месте. Предлагаю Вам на протяжении этих двух-трех недель держать оба негатива у себя. Они тщательно упакованы и могут быть безопасно отправлены по почте. Если Вам не хотелось бы брать на себя такую ответственность, я пошлю их мистеру Уэсту из «Юодака» или распоряжусь отвезти их к нему и попрошу и его высказать свое мнение: я согласен с Вами в том, что оно может оказаться нелишним, так как мистер Уэст обладает богатейшим и непосредственным практическим опытом.

Я страстно желаю довести наше предприятие до конца – если я и раньше был вполне уверен в подлинности фотографий, то теперь, после вчерашней беседы, я в этом более чем убежден.

Искренне ваш,
Эдв. Л. Гарднер

& А. ФРЕНСИС И ФЕЙ &

Фотография сделана Элси. Ясный солнечный день в июле 1917 г. Камера «Мидж». Расстояние 4 фт. Выдержка 1/50 сек. Как установили эксперты в фотографическом деле, на оригинальном негативе нет ни малейших следов комбинирования, ретуширования или иной обработки, которая могла бы поставить под сомнение тот факт, что перед нами обычная фотография, сделанная с одной экспозицией на открытом воздухе в естественных условиях. Негатив достаточно выдержан и даже несколько передержан. Водопад и скалы находятся примерно в 20 фт. позади Френсис, которая стоит на берегу ручья. Между двумя феями справа и чуть позади них можно разглядеть пятую фею. Девочки описали цвета фей как блеклые оттенки зеленого, розового, розоватого и розовато-лилового, наиболее ярко выраженные на крыльях и переходящие почти в чистый белый на руках, ногах и накидках. Каждая из фей была окрашена по-своему.

Получив это послание и негативы, я лично отвез их в представительство компании «Кодак» в Кингсвее, где встретился с мистером Уэстом и еще одним экспертом компании. Они внимательно осмотрели пластинки, но ни один из них не сумел обнаружить наложения изображений или какой-либо иной хитрости. С другой стороны, они рассудили, что смогли бы, использовав все богатство своих знаний и технических средств, получить такие изображения обычным путем, и потому не осмелились объявить их сверхъестественными. Такой подход, спору нет, вполне разумен, если рассматривать фотографии только как технический продукт, но он попахивает аргументом, что давно дискредитировал себя в спорах с учением спиритуализма: дескать, если искушенный фокусник может в контролируемых им условиях воспроизвести определенный эффект, женщина или ребенок, которые демонстрируют такой же эффект, наверняка используют методы фокусников. Было ясно, что на этой стадии расследование должно обратиться не столько к самим фотографиям, сколько к характерам и окружению детей. Я уже предпринял попытку завязать отношения со старшей из девочек, послав ей книгу*, и в ответ получил следующую краткую записку от ее отца:

31 Мэйн стрит, Коттингли, Бингли
12 июля, 1920.

Дорогой сэр,

Надеюсь, Вы простите нас за то, что мы не смогли сразу ответить на Ваше письмо и поблагодарить Вас за чудесную книгу, которую Вы так любезно прислали Элси. Она в восхищении от книги. Могу уверить Вас, что

мы ценим оказанную ей Вами честь. Книгу доставили утром минувшей субботы, спустя час после того, как мы отправились на побережье, где провели выходные, и лишь прошлым вечером мы смогли получить посылку. Одновременно нами было получено письмо от мистера Гарднера, который хотел бы посетить нас в конце июля. Не откажетесь ли Вы подождать до тех пор, и тогда мы расскажем все, что нам известно?

Остаюсь благодарный Вам,
Артур Райт.

Было ясно, что пришло время ближе познакомиться с нашими героями; с этой целью мистер Гарднер отправился на север. Он побеседовал со всеми членами семьи, внимательно изучив на месте обстоятельства дела. Результаты его поездки полностью изложены в статье, опубликованной мною в «Strand Magazine»*. Приведу лишь письмо, которое он написал мне по возвращении из Йоркшира:

5 Крейвен-роуд, Харлесден N.W.10
31 июля, 1920.

Мой дорогой Конан Дойль,

Ваше письмо только что пришло. Я успел привести свои дела в порядок и спешу незамедлительно написать Вам, чтобы Вы как можно скорее получили мой отчет. Должно быть, Вы очень заняты, и поэтому постараюсь изложить события по возможности кратко, предоставляя

Вам право воспользоваться этим сообщением по Вашему усмотрению. Проявленные негативы, отпечатки в четверть и половину пластинки, увеличенные копии и картины для волшебного фонаря – все у меня.

Во вторник также будут готовы мои собственные снимки видов долины, включая два пейзажа, которые изображены на фотографиях с феями, а также снимки девочек, сделанные в 1917 году, когда они без туфель и чулок плескались в ручье позади дома. У меня есть еще снимок Элси, где она показывает свою руку*.

Относительно упомянутых Вами вопросов:

1. Я получил полное и недвусмысленное дозволение распоряжаться этими фотографиями так, как сочту наилучшим.

Снимки могут быть опубликованы, условие одно – имена и адреса должны быть скрыты.

2. Копии для публикации в Англии и США уже изготовлены.

3. ... Представители фирмы «Кодак» и компании «Иллингворт» отказываются выступить в роли экспертов. Решение первых, конечно же, Вам и без меня было известно. Иллингворты говорят, что с помощью искусно сработанных студийных задников и макетирования сумели бы получить похожие негативы*. Другой эксперт из той же компании высказал некоторые предположения относительно способов изготовления «декораций»: теперь, увидев местность своими глазами, я нахожу их совершенно ошибочными! Как бы то ни было, нам запрещено

& В. ЭЛСИ И ГНОМ &

Фотография сделана Френсис. Довольно ясный день в сентябре 1917 г. Камера «Мидж». Расстояние 8 фт. Выдержка 1/50 сек. Оригинальный негатив был увеличен, исследован и проанализирован так же тщательно, как и фот. А. Пластика была сильно недодержана. Элси играла с гномом и приглашала его взобраться к ней на колени.

цитировать их в печати. В результате эксперты, за вычетом Снеллинга, сходятся на том, что фотографии *могли быть* сделаны в студии, однако *безусловных* признаков студийной работы при осмотре негативов не наблюдается. (Могу добавить, что Снеллинг, с которым мы снова встречались накануне вечером, с презрением отвергает любую мысль о подделке негативов. Он утверждает, что тотчас распознал бы фальшивку!).

4. Мой отчет прилагается, Вы можете свободно им распоряжаться.

Отец девочек, мистер Артур Райт, произвел на меня самое благоприятное впечатление. Он был очень искренен и открыто высказал свое мнение о нашем деле. По его словам, он не понимает, как именно были сфотографированы феи, зато абсолютно убежден в том, что пластинка, которую он достал из камеры «Мидж»*, была той же, что он зарядил в фотоаппарат утром. Он работает электриком в соседнем поместье. Мыслит он трезво, весьма умен и в целом кажется человеком откровенным и честным. Я узнал, почему семья так тепло ко мне отнеслась. Несколько лет назад миссис Райт соприкоснулась с теософским учением*; она говорит, что это пошло ей на пользу. Она знала, что я и сам связан с Теософским обществом, так что они не испытывали в отношении меня ни малейших подозрений. Отсюда тот сердечный прием, который меня несколько озадачил.

Кстати, мне кажется, что портрет, который набросал для нас Л., напоминает ни в чем не повинного Снеллинга! Прошлым вечером я внезапно осознал, что он

& ЭЛСИ И ФРЕНСИС &

Моментальный снимок, сделанный м-ром Райтом в июне 1917 г. с помощью только что приобретенной фотографической камеры «Мидж» - его первой и единственной камеры.

довольно точно подходит под это описание. Он ведь и впрямь подготовил новые негативы*, с которых были сделаны полученные Вами отпечатки, а его студия загромаждена непонятными механизмами с рукоятками и разного рода фотографическими приспособлениями...

Искренне ваш,
Эдв. Л. Гарднер

Полагаю, читатель согласится, что вплоть до этого этапа мы старались избегать чрезмерной торопливости или доверчивости, что мы предприняли все диктуемые здравым смыслом шаги в целях расследования дела и, будучи непредвзятыми искателями истины, не имели иного выбора, кроме как представить полученные нами результаты на суд публики, чтобы другие могли указать на возможные ошибки, невольно допущенные нами. Заранее приношу свои извинения читателям, которые могут обнаружить, что напечатанная далее статья из «Стрэнда» частично повторяет содержание вступительной главы.

Глава II

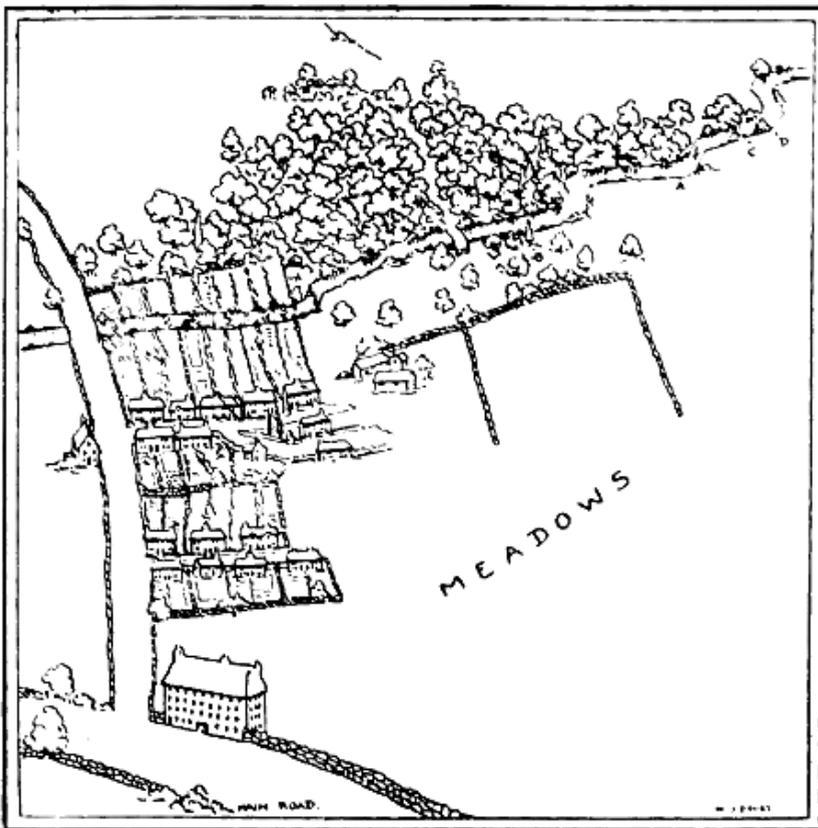
Первый опубликованный отчет – «Стрэнд», рождественский номер, 1920 год

Если происшествия, изложенные в нашем рассказе, и прилагаемые к нему фотографии выдержат залп критики, который несомненно вызовут, мы без преувеличения сможем сказать, что в истории человеческой мысли наступила новая эпоха. Я выставляю все собранные свидетельства на суд публики, надеясь, что она изучит их и вынесет свой вердикт. Считаю ли я вопрос абсолютно и окончательно решенным? Я бы сказал, что развеять последнюю, слабую тень сомнения можно лишь одним способом – результат должен быть повторен в присутствии беспристрастного наблюдателя. В то же время, я сознаю всю сложность подобной задачи, так как столь необычайные результаты зачастую могут быть получены только в определенном месте и в определенный момент. Не располагая полным и окончательным доказательством, но тщательно рассмотрев вероятные упущения, я все же склонен думать, что мы выстроили достаточно прочную систему доводов *prima facie**. Вне всяких сомнений, очень скоро будут выдвинуты обвинения в подделке, которые произведут известное впечатление на тех, кто не имел возможности познакомиться ни с людьми, о которых я рассказываю, ни с местом, где происходили описываемые события. С фотографической точки зрения, были должным образом взвешены и опровергнуты все возражения. Снимки либо вместе выстоят под ударами критики, либо вместе падут. Обе фотографии либо поддельные, либо настоящие. Все обстоятель-

ства дела свидетельствуют в пользу последней гипотезы, и все же в вопросе, связанном с таким невероятным открытием, нам потребуются неоспоримые доказательства, отмечающие любую возможность ошибки.

Приблизительно в мае этого года мисс Фелиция Скатчерд, чье имя хорошо известно в некоторых интеллектуальных кругах, сообщила мне, что на севере Англии были сделаны две фотографии фей, причем обстоятельства съемки, по всей видимости, исключали всякое подозрение в мошенничестве. Такое известие никогда не оставило бы меня равнодушным, вдобавок в тот момент я работал над статьей о феях (которую благополучно завершил)* и собрал поразительное количество рассказов о встречах с этими маленькими созданиями. Репутация свидетелей была безупречна, а их сведения отличались такой основательностью и полнотой, что трудно было заподозрить обман. Однако, будучи по природе человеком скептического склада, я все искал чего-то большего, что заставило бы меня поверить в подобные встречи и убедиться, что речь идет не о мыслительных формах*, сотворенных воображением или ожиданиями наблюдателей. Поэтому слухи о фотографиях весьма заинтриговали меня; поиск вел от одной знающей дамы к другой, пока я наконец не познакомился с мистером Эдвардом Л. Гарднером, который с тех пор стал для меня самым действенным помощником и которому причитаются все лавры открытия. Мистер Гарднер, следует заметить, состоит в Исполнительном комитете Теософского общества и известен своими лекциями по оккультным вопросам.

В то время ему еще не были известны все детали дела, но он с готовностью поделился со мной всем, что знал сам. Я уже видел отпечатки с пластинок и почувствовал

& КОТТИНГЛИ БЕК И ДОЛИНА &

Места, где были сделаны фотографии, обозначены буквами А, В, С, D, Е. Коттедж обозначен буквой N.

немалое облегчение, узнав, что мистер Гарднер располагает негативами и что именно на основании этих негативов два опытных фотографа, включая мистера Снеллинга (26 Бридж, Уэлдстоун, Харроу), пришли к выводу о подлинности фотографий. Далее мы перейдем к рассказу самого мистера Гарднера, поэтому скажу только, что в этот период он сблизился и подружился с семейством Карпентер. Мы по необходимости используем здесь псевдонимы и не приводим точный адрес, поскольку в противном случае, назови мы настоящие имена, этим людям стали бы докучать письмами и визитами*. В то же время, мы отнюдь не станем возражать, если небольшая комиссия по расследованию возьмет на себя труд самостоятельно подтвердить факты при условии сохранения данной анонимности. В настоящее время мы просто будем называть их Карпентерами из деревни Далесби, Уэст Райдинг.

Как мы узнали, около трех лет назад дочь и племянница мистера Карпентера, которым было тогда соответственно 16 и 10 лет, сделали два снимка – первый летом, второй ранней осенью. Вначале отец семейства выказал себя в этом вопросе истинным агностиком, но дочь продолжала утверждать, что они с кузиной постоянно видят в лесу фей и сумели даже познакомиться и завязать дружеские отношения с ними; в конце концов он вручил ей свою камеру с одной пластинкой внутри*. Так была сделана фотография танцующих эльфов. Снимок чрезвычайно удивил отца, проявившего тем вечером негатив. Маленькая девочка, которая на снимке скосила глаза на свою подругу, показывая, что пора нажимать на кнопку – это Элис, племянница, а старшая девочка, чья фотография с причудливого вида гномом была сделана несколько месяцев спустя – Ирис, дочь. В семье рассказывают, что в тот вечер девочки были вне себя от

волнения. Одна из них даже протиснулась в маленькую темную комнату, где отец проявлял негатив; увидев, как на пластинке, погруженной в раствор, возникают фигурки фей, она крикнула другой, которая стояла у двери, вся дрожа: «Ой, Элис, Элис, феи получились – они на пластинке!». Для детей то был настоящий триумф, ведь раньше они встречали только скептические улыбки, подобно многим детям, чьи правдивые рассказы о том, что они видели, слышали и чувствовали, мир приветствует недоверчивой гримасой.

Отец занимает ответственную должность на одной из местных фабрик, вся семья известна и уважаема. Это вполне образованные люди, о чем свидетельствует та легкость, с какой мистер Гарднер сошелся с ними: как выяснилось, миссис Карпентер была знакома с теософскими сочинениями и, по ее словам, извлекла из них духовную пользу для себя. Завязалась переписка; все их письма были откровенны и честны – Карпентеры были даже несколько удивлены тем, что эта история может надевать столько шуму.

Рассмотрев вопрос на встрече с мистером Гарднером, мы поняли, что собранных фактов недостаточно и что нам требуется критическая их оценка. Негативы были доставлены в компанию «Кодак лимитед». Два эксперта компании не смогли обнаружить никаких изъянов, но все же, опасаясь подвоха, отказались выступить в качестве экспертов. Искушенный фотограф-любитель также отказался признать снимки подлинными, ссылаясь на то, что разглядел у маленьких дам утонченные парижские прически. Еще одна фотографическая компания, упомянуть название которой было бы слишком жестоко, заявила, что фон на снимках представляет собой театральные декорации и потому они являются ничего не стоящими фальшивками.

Меня весьма обнадеживало цитируемое ниже мнение мистера Снеллинга, который решительно выступил в защиту фотографий. Утешали и соображения общего свойства: если местные условия соответствовали описаниям, что мы намеревались проверить, едва ли любитель фотографии, живущий в отдаленной деревне, мог располагать лабораторией и необходимыми умениями для производства подделки, какую не распознали бы лучшие лондонские специалисты.

На данной стадии расследования мистер Гарднер вызвался незамедлительно отправиться в деревню и составить отчет – в этой экспедиции я бы и сам с удовольствием принял участие, не будь я загружен работой, которую необходимо было завершить перед близящейся поездкой в Австралию. Прилагаю отчет мистера Гарднера:

5 Крейвен-роуд, Харлесден N.W. 10
29 июля, 1920.

В начале нынешнего, 1920 года, я узнал от своего друга, что на севере Англии были получены фотографии фей. Я навел некоторые справки и в конечном итоге мне были присланы отпечатки вместе с именами и адресами детей, которые по слухам и сделали снимки. Переписка с этой семьей показалась мне столь невинной и обнадеживающей, что я попросил одолжить мне негативы – и через несколько дней почта принесла две пластинки в четверть. Одна была достаточно четкой, другая недодержана.

Негативы оказались и вправду поразительными, так как на них не было заметно никаких следов двойной

экспозиции или каких-либо иных ухищрений – имела место лишь обычная и честная фотографическая работа. Я оседлал велосипед и покатыл в Харроу, чтобы проконсультироваться с опытейшим экспертом, фотографом с тридцатилетним стажем, на объективное мнение которого я смело мог положиться. Ничего не объясняя, я протянул ему пластинки и спросил, что он о них думает. Внимательно рассмотрев негатив с феями, он принялся восклицать: «Это самая поразительная фотография из всех, что я когда-либо видел! Никакой двойной экспозиции! Фигурки двигались! Ни малейших признаков подделки! Откуда у вас этот снимок?»

Вряд ли стоит упоминать, что мы изготовили увеличенные копии и подвергли их самому дотошному осмотру, но мнение фотографа осталось неизменным. Мы тотчас решили напечатать «позитивы» с каждого негатива, сохранить оригиналы в полной неприкосновенности и изготовить более четкие копии негативов, которые лучше подойдут для печати. Оригиналы негативов хранятся у меня в точности в том же виде, в каком я их получил. Вскоре было сделано несколько прекрасных отпечатков и заказаны картины для волшебного фонаря.

В мае эти и другие картины послужили иллюстрациями к моей лекции, прочитанной в лондонском Мортимер-холле; лекция вызвала большой интерес публики, главным образом благодаря упомянутым снимкам и их истории. Примерно неделю спустя я получил письмо от сэра А. Конан Дойля, где он спрашивал о фотографиях – как я понял, он узнал о них от нашей общей знакомой. Встретившись с сэром Артуром, я согласился по возможности скорее лично выяснить происхождение

снимков и заняться этим немедленно, не дожидаясь сентября, когда я собирался отправиться по делам на север.

Сегодня, 29 июля, я вернулся в Лондон из одного из самых незабываемых и удивительных путешествий, какое мне посчастливилось совершить!

Перед моим отъездом мы успели показать оригиналы негативов другим экспертам в фотографическом деле, и одно или два заключения оказались скорее неблагоприятными, нежели положительными. Никто из экспертов не стал с полной убежденностью утверждать, что снимки поддельны, но двое из них заявили, что *могли бы* создать в студии такого рода негативы с помощью живописного фона и т.д., предположив также, что маленькая девочка на первом снимке стоит за столом, замаскированным мхом и папоротниками, что гриб-поганка на переднем плане выглядит как муляж, что на фотографии с гномом рука девочки ей не принадлежит, что ровная затененность сомнительна и пр. Все эти соображения следовало учитывать, и хотя я отправился на север в качестве беспристрастного искателя истины, я был вполне готов к тому, что мое расследование укажет на те или иные следы фальсификации.

Долгое путешествие наконец привело меня в забавную старомодную деревушку в Йоркшире, где я нашел нужный дом и теплый прием. Миссис К. и ее дочь И. (девочка, изображенная на снимке с гномом) ждали меня; вскоре пришел и отец, мистер К.

Некоторые сомнения профессионалов были отвергнуты буквально сразу же, когда я спустя полчаса по приезде стал осматривать очаровательную крошечную долину непосредственно за домом; здесь, у ручья, де-

вочки видели фей и играли с ними. Я нашел прибрежную возвышенность, за которой ребенок на снимке стоит без туфель и чулок; вокруг я заметил множество поганок, точно таких же, как на фотографии, довольно крупных и крепеньких. А как же рука девочки? Что ж – смеясь, она попросила меня держать объяснение в секрете, ведь у нее такие длинные пальцы! Я посетил места, изображенные на фотографиях, и смог без труда распознать каждую деталь. Затем, решив прояснить все подробности дела, я собрал следующие данные, которые в сжатой форме привожу ниже:

Камера: «Мидж», четверть пластинки. Пластинки: «Империял Рапид».

Фотография с феями: июль 1917. Ясный и жаркий солнечный день. Около 3 часов дня. Расстояние: 4 фута. Выдержка: 1-50 секунды.

Фотография с гномом: сентябрь 1917. Ясный день, но не такой солнечный, как первый. Около 4 часов дня. Расстояние: 8 футов. Выдержка: 1-50 секунды.

И. было в то время шестнадцать лет; ее кузине Э. исполнилось десять. Другие попытки съемки оказались неудачными, пластинки не сохранены.

Цвета: Блеклые оттенки зеленого, розового, розовато-лилового. Крылья окрашены сильнее, чем тела, сами тела бледные или белые. По описанию девочек, одежда гнома напоминала черные рейтузы, коричнево-красный жакет и красную остроконечную шапочку. Гном размахивал своей свирелью, держа ее в левой руке, и собирался

взобратся на колени к И., когда Э. сфотографировала его.

Э., гостившая в доме кузина, вскоре уехала; И. говорит, что им нужно быть вместе, чтобы «снимать фотографии». К счастью, через несколько недель они снова встретятся; они обещали, что попытаются сделать еще несколько фотографий. И. добавила, что очень хотела бы прислать мне снимок феи в полете.

Свидетельство мистера К. было веским и убедительным. Дочь долго просила у него разрешения взять фотоаппарат. Сперва он колебался, но однажды в субботу, после обеда, вставил в фотоаппарат «Мидж» одну пластинку и дал камеру девочкам. Они возвратились меньше чем через час и стали упрашивать его проявить пластинку, потому что И. «сняла фотографию». Он так и поступил – результатом, к его величайшему удивлению, стал снимок фей!

Миссис К. хорошо помнит, что девочки отсутствовали совсем недолго, прежде чем вернулись с фотоаппаратом.

Какими бы необычайными и удивительными ни казались эти фотографии, отныне я всецело убежден в их абсолютной подлинности, с чем согласился бы любой, кто подобно мне удостоверился бы в чистосердечии и простоте девочек. Я не стану прибавлять к сказанному собственные объяснения или теории, хотя в нашем случае вполне очевидно, что присутствие двух человек во время съемки, предпочтительней всего детей, помогает выявить при фотографировании тонкие эфирные тела. На этом мне хотелось бы завершить свой отчет – пусть он останется простым и неприкрашенным рассказом о моей роли в указанных событиях.

Мне остается лишь добавить, что указанная семья никогда не предпринимала попыток опубликовать фотографии, что эти люди никоим образом не подталкивали нас действовать в данном направлении и не получили за это никакого денежного вознаграждения.

Эдвард Л. Гарднер

Мне хотелось бы добавить к отчету мистера Гарднера небольшое примечание: в разговоре девочка сказала ему, что не имеет никакой власти над феями и что единственный способ «подманить» их, как она это назвала, заключается в том, чтобы сидеть неподвижно и направить мысли в нужном направлении. Затем, когда еле заметное шевеление травы или отдаленное движение в воздухе возвестит о присутствии фей, подобает чуть кивнуть и показать, что их рады видеть. Именно Ирис указала нам на свирель в руке гнома, которую мы сперва приняли за нечто подобное заднему крылу мотылька. Если листья в лесу не слишком шелестят, добавила она, можно расслышать вдалеке высокое звучание свирели. Иные фотографы возражают, что тени, отбрасываемые фигурками фей, весьма отличаются от человеческих, но на это мы отвечаем, что эктоплазма, как именуется эфирная протоплазма, обладает слабым свечением, которое заметно искажает тени.

Позвольте также прибавить к ясному и, как мне кажется, совершенно убедительному отчету мистера Гарднера несколько слов, которые разрешил нам процитировать мистер Снеллинг, знаток фотографического дела. Мистер Снеллинг проявил большую силу духа и оказал выдающуюся услугу психическим наукам, заняв решительную позицию в этом вопросе и бросив на чашу весов

& ЭЛСИ В 1920 ГОДУ &

Снимок сделан возле места, где в 1917 г. был сфотографирован гном.

свою репутацию эксперта. В течение тридцати лет он сотрудничал с «Autotype Company» и крупным фотографическим предприятием Иллингворта, да и сам создал немало восхитительных этюдов, выполненных как на природе, так и в искусственных условиях студии. Мысль о том, что хоть один фотограф в Англии сумел бы провести его с помощью поддельного снимка, вызывает у мистера Снеллинга смех. «Оба негатива», – утверждает он, – «являются абсолютно настоящими, подлинными photographиями, сделанными с одной экспозицией на открытом воздухе и запечатлевшими движения фигурок фей; не выявлено никаких следов студийной работы с использованием картонных или бумажных декораций, темного фона, нарисованных фигурок и т.д. По моему мнению, это подлинные снимки с натуры, лишенные признаков внешнего вмешательства».

Мы располагаем и вторым независимым заключением; оно, в свою очередь, основано на большом практическом опыте в фотографии и безусловно свидетельствует в защиту подлинности снимков.

Итак, мы изложили дело, подкрепив наши доказательства photographиями тех самых мест, что нерадивый критик объявил театральными декорациями. В психических исследованиях, увы, мы слишком часто сталкиваемся с такого рода критиками, хотя не всегда можем немедленно продемонстрировать всю абсурдность их доводов.

Теперь я перейду к собственным комментариям относительно двух упомянутых изображений, которые я долго и прилежно изучал с помощью мощного увеличительного стекла.

Прежде всего, отмечу любопытный факт – наличие на каждой из photographий двойной свирели наподобие тех, что древние связывали с фавнами и наядами. Но если у

маленького народца имеются свирели, почему бы им не обладать и всеми остальными дарами цивилизации? Разве это не предполагает, что они владеют всем арсеналом орудий и инструментов, востребованных в их мире? Одежда их изготовлена достаточно искусно. Думаю, по мере расширения наших знаний и появления новых способов видения, этот народ станет для нас не менее осязаемым и реальным, чем эскимосы. Флейта эльфов украшена орнаментальным ободком – это показывает, что они не чужды изящным искусствам. А какое счастье выражают их крошечные грациозные фигурки, полностью отдавшиеся танцу! Быть может, и в их жизни, как и у нас, выпадают часы невзгод и испытаний, но в такие минуты сердца их преисполнены радости.

Второе наблюдение состоит в том, что в эльфах мы видим смешение черт человека и бабочки, тогда как гном больше смахивает на мотылька. Возможно, такое впечатление создается из-за недодержанности негатива и пасмурной погоды. Не исключено, что маленький гном на самом деле относится к тому же племени фейри, но является престарелым мужчиной, в то время как феи предстают перед нами шаловливыми юными девушками. Однако большинство из тех, кому довелось наблюдать жизнь народа фей, сообщали, что он разделяется на несколько видов, которые весьма отличаются друг от друга по размеру, внешности и месту обитания – лесные феи, водяные феи, феи равнин и т.д.

Вероятно ли, что это только мыслительные формы? Тот факт, что феи на снимках настолько похожи на распространенное представление о них, говорит в пользу этого предположения. Но если феи умеют быстро двигаться, играют на музыкальных инструментах и так далее, невозможно счесть их «мыслеформами», ибо сам термин предполагает нечто туманное и неосязаемое. В

& ФРЕНСИС В 1920 ГОДУ &

каком-то смысле мы все являемся мыслительными формами, поскольку воспринять нас можно лишь с помощью чувств. Однако эти маленькие фигурки, похоже, объективно реальны, как и мы, пусть даже в конечном итоге и выяснится, что свойственные им вибрации способны уловить лишь наделенный психическими дарованиями медиум или чувствительная фотографическая пластинка. Их традиционный облик может объясняться тем, что люди испокон веков сталкивались с феями и до нас дошли некоторые точные их описания.

Необходимо остановиться еще на одном моменте в расследовании мистера Гарднера. Нам стало известно, что Ирис умеет рисовать и в свое время даже придумала несколько моделей украшений для ювелирного магазина*. Разумеется, это потребовало от нас осторожности, хотя искренняя и честная натура девочки, как я понимаю, является достаточной гарантией для всех, кто с ней знаком. Мистер Гарднер, тем не менее, решил испытать ее способности к рисованию и нашел, что у нее неплохо выходят пейзажи; но когда она попробовала нарисовать по памяти фей, их фигурки оказались безжизненны и ничуть не походили на снимки. И последнее: внимательный критик, вооруженный сильной лупой, наверняка заметит что-то похожее на изображенное карандашом лицо рядом с правой фигурой, но это лишь край прически, а не нарисованный от руки профиль, как может показаться с первого взгляда.

Должен признаться, что после многих месяцев размышлений я все еще не в силах осознать истинные последствия этого события. Одно или два из них очевидны. К детским впечатлениям станут относиться с большей серьезностью. В распоряжении детей окажутся фотоаппараты. Последуют новые, достоверно подтвержденные случаи. Мы познакомимся с нашими соседями, малень-

ким народом, который отделяет от нас лишь незначительное расхождение в вибрациях. Мысль об этих созданиях, пусть и незримых, придаст очарование каждому ручейку, каждой долине, наполнит романтическим чувством всякую загородную прогулку. Осознание их бытия высвободит разум двадцатого века из глубокой колеи материализма и заставит его понять, что в жизни есть место для чуда и тайны. Вслед за этим открытием миру не так трудно будет признать столь убедительное спиритическое послание, доказанное физическими явлениями. Я вижу все это, но не исключаю и большего. Когда Колумб пал на колени и вознес молитву на берегу Америки, чей пророческий взор сумел бы провидеть будущее нового континента и его влияние на судьбы мира? Ныне и мы, как кажется, ступили на побережье неведомого континента, отделенного от нас не океанами, но тончайшими и проницаемыми духовными границами. С благоговением и трепетом гляжу я в будущее. Быть может, соприкосновение с нами принесет горе этим крошечным созданиям и новый Лас-Касас* оплатит их падение! Если так, проклят будет тот день, когда мир узнал об их существовании. Но дела человеческие вершит рука провидения, и мы можем лишь верить и следовать за нею.

Глава III

Отзывы на первые фотографии

Хотя в тот момент меня не было в Англии, эхо первых фотографий, напечатанных в «Strand Magazine» и вызвавших громадный интерес публики, донеслось до меня и в Австралии. Газеты, как правило, высказывались с осторожностью, но без особой враждебности. Давешний боевой клич «Фальшивка!» оказался не столь громким, как можно было ожидать – в последние годы отношение прессы к психическим феноменам постепенно меняется к лучшему и, в отличие от прежних времен, газеты уже не так склонны приписывать всякое новое явление мошенничеству. Некоторые йоркширские издания затеяли дотошные расследования; мне говорили, что репортеры подвергли допросу всех фотографов в округе, стараясь выяснить, не являются ли они соучастниками подлога. Газета «Truth»*, которой овладела навязчивая идея, что спиритуалистическое движение и все связанное с ним представляет собой один гигантский бессмысленный заговор, придуманный шарлатанами для обмана дураков, выстрелила своими обычными презрительными и презрения достойными статьями, в довершение чего призвала Элси перестать водить людей за нос и откровенно признаться, как были сделаны фотографии. Честь лучшей критической атаки принадлежит «Westminster Gazette»*, которая бросила на раскрытие тайны специального корреспондента и 12 января 1921 года напечатала его отчет. С любезного разрешения редакции, эта статья воспроизводится ниже:

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ФЕЙ?

РАССЛЕДОВАНИЕ В ЙОРКШИРСКОЙ ДОЛИНЕ

ЗАГАДКА КОТТИНГЛИ

ИСТОРИЯ ДЕВУШКИ, СДЕЛАВШЕЙ ФОТОГРАФИИ

Публикация фотографий фей, играющих с детьми – точнее говоря, одного снимка фей и другого с изображением гнома – вызвала немалый интерес не только в Йоркшире, где предположительно обитают эти создания, но и по всей стране.

История с феями, изначально окруженная покровом таинственности, стала еще более загадочной по причине того, что сэр А. Конан Дойль в своем рассказе о ней в журнале «Стрэнд» использовал фиктивные имена – желая, по его словам, оградить действующих лиц от потока писем и визитов. Это ему сделать не удалось. Боюсь, сэр Конан не знает йоркширцев, особенно жителей долин: попытка скрыть чье-либо имя немедленно возбуждает их подозрения, а в худшем случае доходит до того, что автора начинают обвинять в недостаточной честности.

Поэтому не стоит удивляться, что к рассказу сэра Конана йоркширцы относятся достаточно сдержанно. Все, с кем я встречался во время своего краткого пребывания в Йоркшире, решительно отрицают правдивость этой истории. Добавлю, что в течение нескольких недель ее здесь только и обсуждали, прежде всего потому, что были раскрыты настоящие имена участников событий.

& С. ФРЕНСИС И ПРЫГАЮШАЯ ФЕЯ &

Фотография сделана Элси в августе 1920 г. Камера «Камео». Расстояние 3 фт. Выдержка 1/50 сек. Этот и два последующих негатива (D и E) были исследованы так же придирчиво, как и первые, и вновь все указывало на то, что перед нами совершенно подлинные фотографии. Было также доказано, что эти фотографии были сделаны на переданных девочкам пластинках, так как каждая пластинка без их ведома и в частном порядке была предварительно помечена.

Целью моей поездки в Йоркшир был поиск свидетельств, которые по возможности доказали бы или опровергли теорию о существовании фей. Признаюсь честно, я потерпел неудачу.

Йоркширское царство фей – живописный уголок в стороне от проторенных дорог, в двух или трех милях от Бингли, где расположена деревушка под названием Коттингли. Она прячется в долине, окруженной холмами; ручеек, известный как Коттингли Бек, течет через долину и менее чем через милю впадает в реку Эйре*. «Героиня» статьи сэра Конан Дойля, мисс Элси Райт*, проживает с родителями в номере 31 по Линвуд-террас. Крошечный ручей протекает прямо за домом, и фотографии были сделаны не более чем в ста ярдах отсюда. Мисс Райт встречалась с феями вместе со своей двоюродной сестрой Френсис Гриффитс, проживающей на Динроуд в Скарборо.

Первая из фотографий, снятая мисс Райт летом 1917 года, в возрасте шестнадцати лет, изображает ее десятилетнюю кузину, перед которой пляшут в воздухе четыре феи; на второй, сделанной несколько месяцев спустя, Элси сидит на траве, а рядом танцует курьезный гном.

Все собранные мною свидетельства никак не подчеркивают ряд очевидных фактов. Никому, кроме девочек, не доводилось видеть фей, хотя все в деревушке наслышаны об их предполагаемом существовании; Элси не умела пользоваться фотоаппаратом, однако снимок ей удалось сделать с первой же попытки; девочки не приглашали никого из посторонних на свои встречи с чудесными гостями и не предпринимали никаких усилий, чтобы оповестить мир о своем открытии.

В первую очередь я побеседовал с миссис Райт, которая откровенно изложила мне все подробности истории с феями, никак их не комментируя. Девочки, сказала она, проводили целые дни в лощине и даже часто брали с собой корзинку с обедом, хотя от этого места рукой подать до дома. Элси не отличалась крепким здоровьем и в летние месяцы не работала, так что игры на свежем воздухе шли ей на пользу. Она нередко рассказывала о встречах с феями, но родители считали ее слова детскими фантазиями и не обращали на них внимания. В 1917 году мистер Райт приобрел небольшой фотоаппарат и как-то в субботу уступил настойчивым просьбам дочери и позволил ей взять камеру. Он вставил в фотоаппарат одну пластинку и объяснил девочке, как нужно снимать «карточку». Дети радостно убежали, вернулись меньше чем через час и стали упрашивать мистера Райта проявить негатив. Во время проявки Элси заметила, как на пластинке проступают очертания фей, и возбужденно крикнула кузине: «Ой, Френсис, феи получились, они прямо там!». Второй снимок оказался не менее удачным. Несколько отпечатков, сделанных с этих негативов, родители около года назад подарили друзьям семьи в качестве сувениров. По всей видимости, снимки не привлекли особого внимания, пока одна из фотографий не была показана минувшим летом делегатам Теософского конгресса в Харроугейте.

Миссис Райт произвела на меня впечатление человека искреннего и отвечала на все вопросы без утайки. Она рассказала, что Элси всегда считалась правдивой девочкой, и некоторые соседи поверили в историю о феях только потому, что были с ней хорошо знакомы. Я спросил, чем занимается Элси, и она сказала, что после

окончания школы девочка несколько месяцев работала у фотографа на Меннингем-лейн в Бредфорде. В основном ей приходилось бегать по поручениям; помимо того, Элси лишь проверяла негативы на предмет пятен от пыли или неровностей эмульсии. Ни одно из этих занятий не могло бы научить четырнадцатилетнюю девочку «фабриковать» снимки. Затем Элси недолгое время проработала в ювелирном магазине. Непосредственно перед тем, как была сделана фотография, она на протяжении многих месяцев оставалась дома, причем никто из ее знакомых не располагал фотоаппаратом.

Отец ее в 1917 году также не был сведущ в фотографии и, как он выразился, «всему научился сам, играясь с камерой». Поэтому любое предположение о том, что он каким-то способом подделал негатив, не соответствует действительности.

Когда мистер Райт вернулся домой с деревенской мельницы и узнал о цели моего визита, он сказал, что «сыт по горло» всей этой историей и добавить ему нечего. Тем не менее, он повторил рассказ жены вплоть до совпадения в каждой детали, а рассказ самой Элси, с которой я встретился в Бредфорде, ничего нового к их сообщениям не прибавил. Таким образом, я в разное время получил сведения от трех членов семейства и не обнаружил никаких расхождений между их версиями. Родители признались, что вначале им было нелегко поверить в подлинность фотографий, и они начали было расспрашивать девочек, как именно те подделали негативы. Но дети стояли на своем и отрицали все обвинения. Тогда родители решили «так это и оставить». Даже сейчас их вера в существование фэй значит лишь

то, что они принимают на веру заявления дочери и ее кузины.

Мне рассказали, что школьный учитель называл Элси «мечтательной»; мать девочки сказала, что ее влечет к себе все фантастическое. Сомневаюсь, что Элси сумела бы в шестнадцать лет изобразить фей. В последнее время она занялась акварельной живописью; я внимательно просмотрел ее работы и не нашел, что они выказывают блестящее дарование, хотя для любительницы она прекрасно владеет цветом.

Сэр А. Конан Дойль говорит, что на первых порах сомневался в существовании фей и предполагал, что они могут являться мыслительными формами, порожденными воображением или ожиданиями наблюдателей. Мистер Э. Л. Гарднер, член Исполнительного комитета Теософского общества, который провел расследование на месте и подобно мне беседовал со всеми членами семьи, убежден в том, что фотографии подлинны.

Из Коттингли я в тот же день отправился в Бредфорд и встретился с мисс Райт в «Мастерской рождественских открыток Шарпа». Она работала в верхней комнате и поначалу отказалась от встречи со мной, передав, что не желает давать интервью. Вторичная просьба увенчалась успехом и она появилась за маленьким прилавком у входа в мастерскую.

Я увидел высокую, стройную девушку с пышными светло-каштановыми волосами, схваченными узкой золотистой лентой, обвитой вокруг головы.

Как и родители, она сказала, что о фотографиях ей рассказать нечего; любопытно, что она воспользовалась точно тем же выражением – «я сыта по горло всей этой историей».

& D. ФЕЯ ПРЕДЛАГАЕТ ЭЛСИ БУКЕТ КОЛОКОЛЬЧИКОВ &

Фея стоит почти неподвижно, балансируя на ветвях кустарника. Крылья с желтыми прожилками, верхняя часть наряда бледно-розовая.

Немного погодя она разговорилась и рассказала мне, как сделала первую фотографию.

На вопрос, откуда появились феи, она отвечала, что не знает.

«Вы видели, как они появились?» – спросил я; получив утвердительный ответ, я спросил, не заметила ли она, где до этого прятались феи.

Мисс Райт помедлила и со смехом ответила: «Я не могу вам сказать». Она также не сумела пояснить, куда исчезли феи после танца, и смутилась, когда я продолжал настаивать на более подробном объяснении. Два или три вопроса остались без ответа, а на мое предположение о том, что феи, должно быть, «растворились в воздухе», она отозвалась кратким: «Да». Феи, сказала она, не разговаривали с нею, и она не пыталась заговорить с ними.

Вместе с кузиной они часто видели фей и раньше. Впервые они увидели их совсем детьми, заметила она, и никому об этом не сказали.

«Но согласитесь», – допытывался я, – «естественно ожидать, что ребенок, впервые увидев фей, расскажет о них матери». Она лишь повторила, что никому ничего не рассказывала. Как оказалось, впервые они увидели фей в 1915 году.

В ответ на дальнейшие расспросы мисс Райт сказала, что позднее не раз видела фей и фотографировала их; пластинки, сказала она, хранятся у мистера Гарднера. Хотя друзья семьи получили несколько отпечатков с первых негативов, изображавших фей, мисс Райт никому не рассказывала о новых встречах с этими созданиями. Ее ничуть не удивило то обстоятельство, что ни один из жителей деревни не встречался с феями.

Мисс Райт твердо убеждена, что подобная удача выпала лишь ей и кухне; более того, она считает, что феи никогда не покажутся другим людям. «Если там появится кто-нибудь еще», – сказала она, – «феи не придут».

Я продолжал задавать вопросы, надеясь прояснить смысл этой фразы, но девушка только улыбалась и наконец многозначительно заметила: «Вы просто не понимаете».

Мисс Райт все еще верит в существование фей и с нетерпением ждет встречи с ними будущим летом.

Феи из Коттингли, как показалось девочкам, предпочитают хорошую погоду: мисс Райт сказала, что они показывались только в ясные солнечные дни, и никогда не появлялись, если на дворе было пасмурно или моросил дождь.

Самым загадочным в рассказе девушки было упоминание о том, что в последнее время феи стали «прозрачнее», чем в 1916 и 1917 годах, когда их было «гораздо легче разглядеть». Затем она добавила: «Видите ли, мы были тогда совсем детьми». Это замечание она никак не пояснила, несмотря на все мои старания.

Неизвестная доселе деревня обещает стать нынешним летом местом массового паломничества. В Йоркшире есть старинная поговорка: «Что увижу – в то поверю», и эта сентенция до сих пор сохраняет свою ценность.

Наш корреспондент, судя по общему тону статьи, был бы только счастлив вернуться в редакцию с сенсационным разоблачением. Тем не менее, он оказался человеком рассудительным и непредвзятым и быстро превратился из прокурора в толерантного судью. Заметим также, что он не приводит никаких фактов, которые не

были бы упомянуты в моей статье, за исключением одного любопытного момента: снимок фей безусловно являлся для девочек первым в их жизни опытом фотографии. Мыслимо ли, что в таких условиях им удалось создать поддельный снимок, который ввел в заблуждение столько экспертов? Поскольку честность отца мы принимаем как данность и ее никто и никогда не ставил под сомнение, остается Элси – подобное изображение она могла создать лишь с помощью вырезных фигурок, причем фигурки эти должны были быть изготовлены втайне от родителей, обладать замечательной красотой и разнообразием, да еще и настолько искусно передавать движение, что любой эксперт при взгляде на них способен был обмануться. Что и говорить, нелегкая задача!

Как показывает статья в «Вестминстер», автор не слишком хорошо знаком с психическими исследованиями. Иначе никак не объяснишь его удивление по поводу того, что молодая девушка не знает, откуда появились и куда подевались видения, эти психические формы, которые материализуются в ее индивидуальной ауре. К тому же давно известно, что психические феномены всегда активней проявляются в теплую, солнечную погоду, нежели в сырую или холодную. И последнее: замечание девушки о том, что видимые ею формы становятся все прозрачнее, наводит на некоторые размышления. Определенные виды медиумизма связаны с детским возрастом; по мере того, как дитя превращается в женщину и разум становится более искушенным и прозаичным, эта фаза обычно проходит. Вторая серия фотографий и особенно фигурка, протягивающая цветок, говорят именно о таком процессе развития. Мы опасаемся, что теперь он завершился и из данного источника мы больше не получим никаких сведений о жизни фей.

& Е. ФЕЙ И ИХ СОЛНЕЧНАЯ ВАННА &

На этой фотографии изображено нечто незнакомое девочкам. Они никогда раньше не видели ничего подобного колыбели или кокону, который можно заметить в центре снимка, среди листьев травы. Любители и наблюдатели фей описывают это сооружение как магнетическую ванну, которую феи очень быстро плетут; феи пользуются такими ваннами после затяжных периодов пасмурной погоды и в особенности осенью.

Появление всевозможных подделок заставило многих усомниться в подлинности фотографий. Доводы звучали следующим образом: «Взгляните-ка, это превосходная фотография, и все же автор признается в фальсификации. Можете ли вы быть уверены, что и ваши снимки не подделаны?» Ошибочность подобного умозаключения состоит в том, что данные имитации были созданы искусными мастерами, в то время как исходные снимки были сделаны неопытными детьми. Вновь повторяется давний и давно прогнанный аргумент, с помощью которого бесконечно дурачили мир: дескать, если фокусник в контролируемых им условиях может создать имитацию определенного явления, самого явления вовсе не существует.

Необходимо признать, что некоторые подделки были выполнены весьма неплохо, однако в ходе внимательного изучения мы с мистером Гарднером распознали все до единой. Лучшая из них была сделана мисс Иной Инман, дамой-фотографом из Бредфордского института; она была так хороша, что на протяжении нескольких недель мы никак не могли вынести окончательное заключение. Имелась также странная, но впечатляющая композиция судьи Докера из Австралии. И все же в феях мисс Инман, к примеру, несмотря на всю продуманность исполнения, не было ни следа природной грации и свободы в движениях, отличавших восхитительную группу фей из Коттингли.

В числе газетных статей, представлявших наибольший интерес, следует упомянуть публикацию мистера Джорджа А. Уэйда в лондонской «Evening News»* от 8 декабря 1920 года. В статье рассказывалось о любопытной череде событий в Йоркшире и, в частности, говорилось следующее:

«Существуют ли ныне на земле настоящие феи? Этим вопросом задается сэр Артур Конан Дойль, представляя фотографии, которые якобы изображают «маленький народец».

До меня дошли сведения о ряде случаев, что могут пролить некоторый свет на вопрос, существуют ли подлинные феи, настоящие эльфы и гномы и предстоит ли нам встретиться с ними в долинах Йоркшира – где, как утверждается, и были сделаны фотографии.

В прошлом году я провел день в гостях у моего друга, известного романиста Халливелла Сатклиффа*, который и сам живет в тех краях. К моему громадному удивлению, мистер Сатклифф рассказал мне историю о лично знакомом ему школьном учителе, живущем по соседству; учитель постоянно твердил, что встречался, беседовал и играл с самыми настоящими феями в близлежащих лугах! Романист упомянул об этом случае как о курьезном явлении, которое сам он не в силах был объяснить. Подчеркнув образованность и безупречные качества личности и характера учителя, он сказал, что тот заслуживает доверия и никогда не стал бы предаваться иллюзиям или сознательно кого-либо обманывать.

Еще один житель тех мест, человек кристальной честности, тогда же рассказал мне о молодой леди, проживающей в Скиптоне. В разговорах с ним она не раз упоминала, что часто навещалась в — (название этой долины я опускаю), где «играла и танцевала с феями»! Когда мой знакомый выразил глубочайшее изумление, она вновь повторила свои слова и заявила, что говорит чистую правду!

Как-то мне довелось беседовать о «маленьком народце» с моим другом, мистером Уильямом Райли, автором

романов «Уиндиридж»*, «Нетерлей» и «Джерри и Бен», писателем, знающим все долины и вересковые пустоши Йоркшира как свои пять пальцев. Мистер Райли сказал, что сам он никогда не видел в тех местах фей, однако встречал нескольких вполне здравомыслящих жителей долин, чья вера в них была непоколебима. Несмотря на все возражения, они продолжали уверять, что частенько видели пикси в излюбленных теми укромных уголках Верхнего Эйрдейла и Уорфедейла*.

Некоторое время спустя, когда моя статья о фейри была опубликована в йоркширской газете, в редакцию пришло письмо от одной дамы, живущей вдалеке от тех мест. Дама эта писала, что мой отчет подтверждал достоверность странного происшествия, случившегося с нею на отдыхе в указанной долине над Скиптоном.

Однажды вечером, во время одинокой прогулки по склонам холмов, она была несказанно удивлена картиной, открывшейся на лугу у подножия холма, где играла и плясала толпа фей и сильфид. Рассудив, что то был сон или галлюцинация, дама ущипнула себя и протерла глаза, дабы убедиться, что бодрствует. Полностью удостоверившись в этом, она снова взглянула вниз – ошибки быть не могло, на лугу забавлялся «маленький народец». Дама наблюдала за феями долгое время, пока они наконец не исчезли, и подробно описала их игры. Вне всякого сомнения, она твердо верила в свою правоту.

Как нам относиться к подобным рассказам? Ответа у меня нет. Трудно поверить, что столько незнакомых друг с другом людей внезапно сговорились между собой и принялись кормить публику выдумками. Имеется и еще одно примечательное совпадение, если не сказать большее. Две девочки из рассказа сэра Артура Конан Дойля,

школьный учитель, упомянутый мистером Сатклиффом, молодая женщина из Скиптона и дама, написавшая в йоркширскую газету – все они, с точностью до мили или двух, указывают на одну и ту же местность, где обитают феи.

Вопрос лишь в том, можно ли там повстречать настоящих фей?»

Самую яростную атаку на фотографии фей предпринял майор Холл-Эдвардс, известный исследователь радия*. Согласно статье, напечатанной в «Birmingham Weekly Post», майор заявил:

«Сэр Артур Конан Дойль считает само собой разумеющимся, что упомянутые фотографии являются подлинными снимками фей, хотя никаких сведений о том, как именно они были сделаны, до сих пор представлено не было. Любой, кому приходилось сталкиваться с удивительными эффектами, которые порой демонстрируют нам операторы в кинематографе, должен понимать, что при наличии времени и возможностей на поддельной фотографии можно с успехом воплотить едва ли не любую прихоть воображения.

Стоит напомнить, что мать старшей из девочек описывает ее как весьма мечтательного ребенка, что долгие годы девочка рисовала фей и какое-то время состояла ученицей в фотографическом заведении. Мало того, она живет в краю прелестнейших рек и долин, которые легко пробуждают фантазии в душе юной девушки.

Один из снимков изображает младшую девочку на берегу реки; она сидит, опираясь на локоть, а вокруг нее

& ВИД РУЧЬЯ В 1921 ГОДУ &

танцуют несколько фей. Ребенок не глядит на фей – девочка просто-напросто позирует перед камерой. Такое явное равнодушие к шаловливым созданиям объясняют тем, что к феям девочка давно привыкла и во время съемки ее интересовал лишь фотоаппарат.

«Сфабриковать» подобное изображение можно было двумя способами. Либо крошечные вырезные фигурки фей, предварительно наклеенные на картон, были незаметно размещены рядом с маленькой натурщицей, тогда как сама фотография снималась на меченую пластинку; либо же на исходную фотографию, где и в помине не было никаких «фей», наклеивались фигурки, вырезанные из книги или журнала. Затем полученное изображение переснимали: если это сделать достаточно умело, любой фотограф готов будет поклясться, что видит первоначальный, нетронутый негатив».

Майор Холл-Эдвардс также заметил, что защитники фотографий придают громадное значение прозрачности крылышек фей на снимке, в то время как искусный фотограф без труда воспроизвел бы подобный эффект.

«Вполне возможно, – отметил он, – срезать у насекомых прозрачные крылышки и прикрепить их к изображениям фей. Можно, скажем, взять прозрачные крылышки больших мух и закрепить их так, что некоторые детали снимка будут просвечивать сквозь них, получив таким образом весьма реалистичное изображение.

Ранее указывалось, что «феи» на фотографии якобы застыли в танце – и действительно, нам со всей определенностью говорят, что они плясали. Однако же на снимках не заметно никаких признаков движения. Девушка, сделавшая фотографию, поясняет нам, что движения фей чрезвычайно медлительны, их можно срав-

нить с замедленной съемкой, которая иногда применяется в кинематографе. Это доказывает, что юная леди обладает весьма глубокими познаниями в фотографии.

Миллионы фотографий, сделанных детьми и взрослыми, запечатлели сельские виды и места, где по слухам обитают нимфы и эльфы, но до появления этих удивительных девочек на фотографической пластинке мы ни разу не видели изображения феи. На основании изложенных фактов, я твердо заявляю, что фотографии могли быть подделаны. Я порицаю тех, кто склонен видеть в обстоятельствах съемки нечто сверхъестественное. Как медик, я полагаю, что внушение детям столь абсурдных мыслей в дальнейшем может вызвать у них проявления нервных болезней и душевного расстройства. Несомненно, детей можно приучить любоваться красотами природы и без того, чтобы заполнять их воображение горами пусть и живописной, но бессмысленной чепухи и неуместными мечтаниями».

Мистер Гарднер отвечал ему так:

«Майор Холл-Эдвардс утверждает, что «никаких сведений о том, как именно были сделаны снимки, до сих пор представлено не было». Но самое меньшее, что обязан сделать человек, претендующий на роль критика – это прочитать наш отчет. Сэр А. Конан Дойль якобы «считает само собой разумеющимся, что упомянутые фотографии являются подлинными снимками фей». Трудно даже вообразить более вопиющее извращение фактов. Негативы и контактные отпечатки выдержали

самую тщательную проверку, причем многие из экспертов в фотографическом деле были настроены откровенно скептически. Как было доказано, пластинки подверглись одной-единственной экспозиции и не имели каких-либо характерных признаков использования многочисленных способов фальсификации, известных в фотографии. Мы отнюдь не воспринимаем все это как окончательное доказательство: в своем отчете о расследовании я неоднократно отмечал, что с помощью высокохудожественных и требующих большого мастерства методов можно, как считается, получить схожие негативы. Лично мне очень хотелось бы взглянуть на результат серьезной попытки такого рода. Конечно, те немногие фотографии, что мы видели, бесконечно превосходят неуклюжие примеры, приведенные майором Холлом-Эдвардсом, однако никак не выдерживают простейшего анализа.

С самых первых шагов мы были вынуждены обратить внимание на личные мотивы действующих лиц и возможные причины фальсификации. Именно эта сторона вопроса потребовала от нас такой напряженной работы: ведь мы полностью отдавали себе отчет в насущной необходимости заручиться исчерпывающими доказательствами персональной честности всех участников событий, прежде чем объявлять снимки подлинными. Такие доказательства были нами получены. Нашу тщательность подтверждает тот факт, что никакие газетные расследования, последовавшие за публикацией названия деревни, фамилий и т.д., так и не выявили каких-либо противоречий в моем первом отчете. Едва ли вновь стоит подчеркивать, что лучшим доказательством служит удивительная простота дела и честность семьи, о

WINDLESHAM
CROISSBOROUGH

THE ATHENEUM,

June 30

FALL HALL, S.W.1.

Dear Miss Elsie Wright

I have seen the wonderful pictures of
the fairies which you and your cousin Frances
have taken, and I have not been so
interested for a long time. I will send you
tomorrow one of my little books for I am
sure you are not too old to enjoy adventures.
I am going to Australia soon, but I only
wish before I go that I could get to Bradford
and have half an hour's chat with you, for
I should like to hear all about it. With best
wishes

Yours sincerely

Mr Gardner told me
about it.

Arthur Conan Doyle

ПИСЬМО А. КОНАН-ДОЙЛЯ К ЭЛСИ РАЙТ,
30 ИЮНЯ 1920 ГОДА

которой идет речь. И фотографические, и личные обстоятельства доказывают нашу правоту.

Некоторые критические соображения майора Холла-Эдвардса не стоило бы упоминать, возможно, просто по доброте душевной. Всерьез предполагать, что посещение кинематографа и умение рисовать подразумевает «весьма глубокие познания в фотографии», может лишь человек, который считает работу рассыльной в студии гарантией фотографического мастерства! Мы вовсе не столь наивны и к тому же никак не можем поверить, что двое неопытных детей могли без посторонней помощи за полчаса изготовить поддельную фотографию, сравнимую с «Элис и феями».

В дополнение к критическим ремаркам майора Холла-Эдвардса, известный писатель Морис Хьюлетт в пух и прах разнес фотографии в «John O'London»*. Статья его содержала некоторые возражения, на которые мистер Гарднер ответил в последующем письме. Доводы мистера Хьюлетта были таковы:

«В настоящее время сэр А. Конан Дойль дошел до того, что верит в подлинность так называемых «фотографий Карпендеров», не так давно опубликованных в журнале «Стрэнд». На снимках читатели могут видеть двух самых обыкновенных девочек за привычным для них занятием – общением с крылатыми созданиями, чей рост, насколько я могу судить, составляет примерно 18 дюймов. Если сэр Артур верит в эти фотографии, сразу напрашиваются, так сказать, два вывода: первое, что он также верит в существование подобных созданий; и вто-

рое, что механическая операция, в которой все людское участие сводилось к подготовке пластинки, фокусировке, нажатию на кнопку и печати снимка, сделала видимым нечто, что нельзя разглядеть невооруженным глазом. Вот в сущности и все, что говорит нам сэр Артур. Он верит, что фотографии настоящие. Остальное прилагается. Но почему он так считает? Потому что юные леди сказали ему, что снимки подлинные. Увы и ах!

Сэр Артур поясняет нам, что при всем желании не может самолично отправиться в Йоркшир и подробно расспросить юных леди, хотя нам и кажется, что такого желания он вовсе не испытывает. Что ж, он посылает вместо себя друга, мистера Э. Л. Гарднера, человека с не менее восприимчивым умом, устоявшимися взглядами на теософию и родственные науки и очевидным дефицитом логического мышления. Далее мистер Гарднер и сам фотографируется то ли на том же месте, где юные леди снимали друг друга, то ли где-то поблизости. Вкрут него не роятся крылатые создания, что заставляет нас задаться вопросом, почему: а) мистер Гарднер сфотографировался и б) опубликовал эти фотографии в журнале «Стрэнд».

Единственный ответ, который мне приходит на ум, напоминает старинную историю о явлении Богоматери с Младенцем неким пастухам в персиковом саду близ Вероны. Пастухи рассказали приходскому священнику, что Дева Мария воистину пришла к ним лунной ночью, приняла в дар чашу с молоком, а затем сорвала с дерева персик и съела. Священник посетил вместе с ними то место и обнаружил под деревом персиковую косточку. Вопрос был решен. Священник убедился, что Мадонна

действительно побывала в саду, ведь персиковая косточка это доказывала.

Мне приходится сделать вывод, что мистер Гарднер сфотографировался в определенном месте с целью доказать подлинность сделанных там ранее фотографий. Логика такова: фотографии сняты в некоем месте; вот и я снялся там же; следовательно, фотографии подлинны. Цепочка заключений ошибочна, но эта ошибка ведет мистера Гарднера к цели, а все остальное, по счастью, не имеет никакого значения.

Несомненно, в подобном вопросе следует выбирать линию наименьшего сопротивления. Во что сложнее поверить: в подделку фотографии или в фактическое существование созданий восемнадцати дюймов в высоту? Разумеется, обычному человеку скорее покажется невероятной вторая возможность; но давайте рассмотрим первую. Даже если подобные создания существуют и порой становятся видимы, и если фотоаппарат способен открыть всему миру то, что скрыто от большинства людей, мы все еще не сможем с уверенностью сказать, что фотографии Карпентеров в самом деле изображают этих существ. Ибо мы, заметьте, никогда с ними не сталкивались. Справедливо и другое: нам всем доводилось видеть изображения быстро движущихся животных и людей – скачущих лошадей, гончих собак, преследующих зайца, бегущих по полю людей и т.д. Мы рассматривали их на картинах, видели и фотографии; и вот в чем странность: фотография бегущего существа ничуть и никоим образом не напоминает картину или рисунок.

Собственно говоря, лошадь, собака или человек на фотографии вовсе не кажутся подвижными. И это вполне понятно, ведь в момент фотографирования они и в

самом деле *неподвижны*. Свет воздействует на пластинку с такой непредставимой скоростью, что становится возможным изолировать и запечатлеть отдельный момент быстрого движения. Если последовательно соединить серию фотографий и заставить их двигаться, мы получим подобие того движения, какое видим на картинах или рисунках.

Но создания, которые вьются вокруг головы и плеч девочки на фотографии Карпентеров, показаны нам не в фотографическом, а в *картинном полете*. Это совершенно очевидно. Феи на снимках совершают общепринятые движения танца, диктуемые живописными или, иначе говоря, пластическими условностями. Движения эти переданы достаточно плохо. Феи кажутся застывшими даже по сравнению, к примеру, с хороводом гномов на обложке журнала «Punch»*. В них нет ничего от неистового и капризного биения крыльев бабочки. Это лишь миленькая попытка изобразить воздушный танец. Фотографии слишком малы, и я не могу точно сказать, были ли феи нарисованы на картоне либо же использовались объемные фигурки; но как бы то ни было, *фигурки не двигались*.

И еще одно – мелкая деталь, но в таких вопросах никакая мелочь не бывает лишней. Я считаю это соображение таким же очевидным, как и предыдущее. Если бы танцующие фигурки действительно были живыми, пляшущими созданиями, ребенок смотрел бы на них, а не в объектив. Я знаю детей.

Зная детей и зная, что у сэра Артура Конан Дойля имеется голова, я заключаю, что юные мисс Карпентер ее окончательно заморочили. Тем временем хочу сказать

ему, что эпохи возникают сами по себе, а не создаются по чьей-то воле»*.

Мистер Гарднер опубликовал свой ответ в следующем номере:

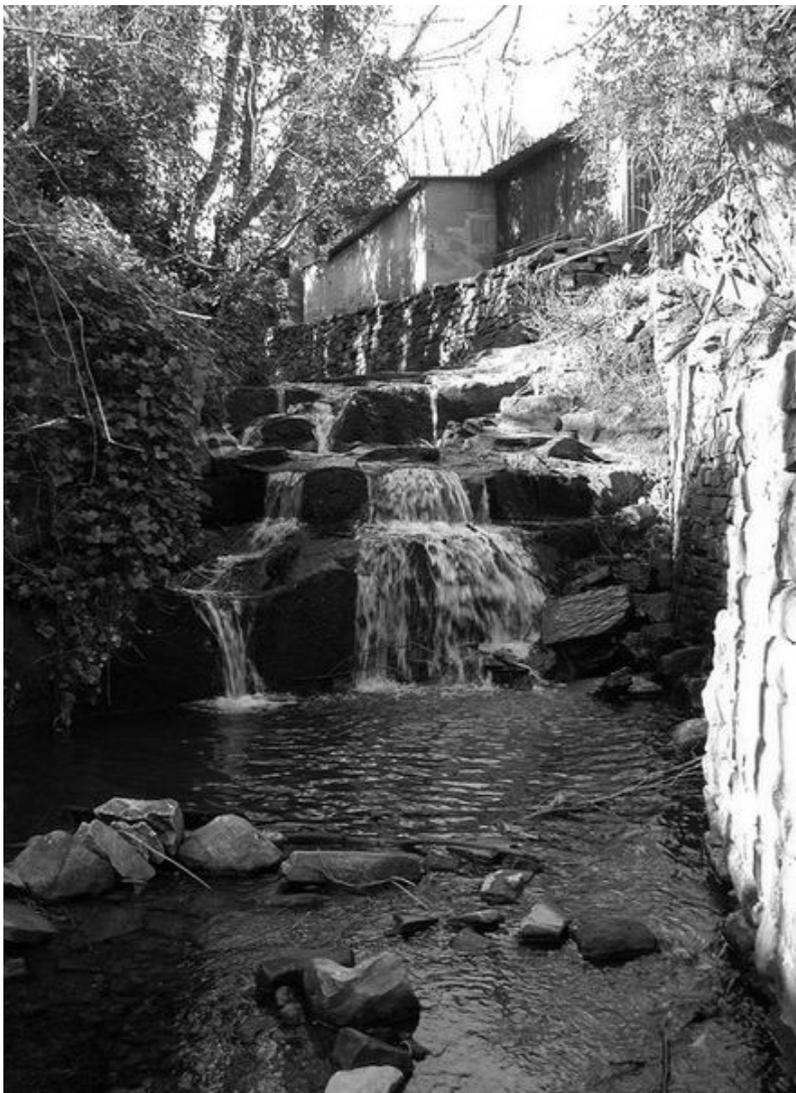
«Хотелось бы, чтобы мистер Морис Хьюлетт, который с известной долей игривости отрицает подлинность фотографий фей, напечатанных в рождественском номере журнала «Стрэнд», не забывал и о точности. Пожалуй, единственный серьезный довод сводится к различию между фотографическим и живописным отображением движения: мистер Хьюлетт считает, что именно последнее представлено на снимках.

В отношении фотографий местности могу сказать, что причина их публикации вполне очевидна. Хотя на негативах не прослеживается никаких признаков использования какого-либо метода фальсификации (как-то двойной экспозиции, повторной съемки с увеличением нарисованных фигурок, муляжей из картона или других материалов), эксперты в области фотографии уверяли, что подобные результаты в принципе могли быть получены благодаря искусной студийной работе. Требовалось также прояснить определенные неясности, а именно наличие дымки над головой девочки и сбоку от нее, размытость водопада в сравнении с четкостью фигурок и т.д. Единственным способом найти ответ на эти вопросы мне виделся осмотр и дополнительная съемка мест, где были сделаны фотографии. Как выяснилось, водопад находился примерно в двадцати футах позади ребенка и потому оказался не в фокусе, а несколько

больших скал, расположенных на том же расстоянии рядом с водопадом, стали причиной дымки. Эти фотографии, из числа которых было напечатано лишь по одному изображению интересующих нас мест, полностью доказывают факт существования ландшафта – но не фей.

Касаясь фотографирования движущихся объектов, мистер Хьюлетт делает поразительное заявление: оказывается, в момент съемки они *неподвижны* (курсив мистера Х.). Интересно, когда же они движутся и что получилось бы, если бы их в этот момент сфотографировали! Конечно же, движущийся объект в момент съемки находится в движении, и в этом смысле не столь важно, составляет ли выдержка одну пятидесятую или одну миллионную часть секунды – правда, не один только мистер Хьюлетт допускает эту распространенную ошибку. К тому же, любая из фигурок фей на негативе выказывает признаки движения. Это мы выяснили в самом начале расследования.

Конечно, я готов признать, что эти доводы никак не объясняют, почему в движениях феи проявляют куда большую грациозность, чем движущаяся лошадь или человек на заурядном моментальном снимке. Однако, если мы говорим о феях, чьи тела, как предполагается, сотканы из чистейшего эфира и обладают гибким строением, а не о млекопитающих, ограниченных в движениях скелетом, будет ли так уж нелогично признать утонченное изящество феи присущим им от природы качеством? Ввиду неоспоримых доказательств подлинности фотографий, которыми мы располагаем, это вполне похоже на правду.

КОТТИНГЛИ БЕК (СОВРЕМЕННЫЙ ВИД)

Обратимся к последнему возражению – да, ребенок смотрит в объектив, а не на фей. Дело в том, что Элис не имела никакого опыта позирования и совершенно не знала, как подobaет себя в таких случаях вести. Камера, в отличие от фей, казалась ей чем-то новым и интригующим, к тому же никогда раньше ей не приходилось видеть фотоаппарат так близко. Нам это может показаться странным, но во время съемки больше всего ее занимала камера. Кстати говоря, неужели хитроумный мошенник, способный подделать такую фотографию, позволил бы себе столь элементарную ошибку и не подумал бы о позе объекта съемки?»

Среди других примечательных и веских суждений, в целом подтверждающих наши заключения, хотелось бы выделить отзыв мистера Г. А. Стаддона из Гудмейса, джентльмена, чьим хобби являются фотографические фальшивки. Его отчет содержит множество технических деталей и чересчур объемист для включения в книгу; могу лишь сказать, что мистер Стаддон весьма подробно рассматривает фотографии с точки зрения композиции, проявки, контрастности, плотности почернения, освещенности, баланса, текстуры, пластинок, атмосферы, фокуса, вуалирования и в итоге приходит к выводу, что в соответствии с этими критериями вероятность подлинности снимков составляет не менее 80 процентов.

Добавлю, что в ходе демонстрации этих фотографий (на заседаниях и собраниях теософских организаций, с которыми тесно связан мистер Гарднер) нередко случалось так, что на экране они показывались с громадным увеличением. Однажды в Уэйкфилде такое изображение

возникло на громадном экране в луче мощного проекционного фонаря – и оператор, человек весьма умный и ранее настроенный скептически, стал горячим защитником фотографий, полностью убедившись в их подлинности. По его словам, подобное увеличение тотчас выявило бы на снимках малейшие следы использования ножниц и любые другие поддельные детали; абсурдно даже предполагать, добавил он, что вырезная фигурка или муляж остались бы незамеченными. Но линии на фотографиях выглядели неизменно ровными, четкими и непрерывными.

Глава IV

Вторая серия

В июле, во время поездки в Йоркшир, мистер Гарднер передал Элси хороший фотоаппарат: ему стало известно, что Френсис собиралась навестить кузину и тем самым появлялась возможность получить еще несколько фотографий. Одна из сложностей состояла в том, что для этого требовалось слияние аур обеих девочек. В сфере психических материй широко распространено подобное единение аур, поскольку вместе воздействие их сильнее, нежели в изоляции друг от друга. Мы надеялись, что в августе единение психической силы девочек принесет желанные плоды. Прощаясь с мистером Гарднером перед отъездом в Австралию, я сказал, что буду с особенным нетерпением ждать письма, в котором он сообщит мне о результатах нашего предприятия. В глубине души, надо признаться, я едва ли ожидал успеха, ибо миновало уже три года и я прекрасно сознавал, что процессы полового созревания часто оказываются губительны для психических способностей.

Представьте же мое удивление и радость, когда в Мельбурне я получил от мистера Гарднера письмо, уведомлявшее меня о полном успехе нашей затеи; к письму прилагались три новые и великолепные фотографии, снятые в долине фей. Любые сомнения, какие еще могли у меня оставаться касательно честности девочек, окончательно рассеялись, потому что эти изображения и главным образом снимок фей в траве полностью исключали возможность подделки. Сейчас, когда я располагаю не-

малым опытом в вопросах воплощения образов в психической фотографии и влияния мысли на эктоплазмические картины*, мне порою думается, что эти явления могут послужить альтернативным объяснением. Я никогда не забывал о том любопытном совпадении, что столь удивительное происшествие случилось в семье, некоторые члены которой изначально тяготели к эзотерическим наукам и предположительно могли бы создать мыслительные картины оккультных феноменов. Такого рода объяснения должны приниматься в расчет, хотя мне они представляются чрезмерно замысловатыми и маловероятными.

В радостном письме, которое я получил в Мельбурне, говорилось:

6 сентября 1920.

Мой дорогой Дойль,

Приветствия и наилучшие пожелания! Вспоминаю, как перед отъездом Вы сказали, что с огромным нетерпением распечатаете мое письмо. Оно Вас не разочарует – чудо произошло!

Я получил от Элси еще три негатива, снятые несколько дней назад. Описывать их нет нужды, так как в отдельном конверте прилагаются три отпечатка. «Летающая фея» и «Беседка фей» – безусловно самое поразительное из всего, что доводилось видеть современному человеку! Я получил эти пластинки в пятницу утром и с тех пор не переставал о них думать.

Пластинки сопровождало милое маленькое письмо: девочки извинялись (!), что не могут прислать больше фотографий, поскольку погода была очень плохой (и впрямь, стоял отвратительный холод). Лишь дважды, в послеобеденные часы, Элси и Френсис удалось посетить долину (сейчас Френсис возвратилась в Скарборо, так как в школе начались занятия). Письмо очень простое и непосредственное. В заключение девочки выражают надежду, что я смогу провести с ними еще один день в конце месяца.

Я немедленно отправился в Харроу, и Снеллинг уверенно заключил, что все три снимка подлинны, как и первые два, объявив также, что фотографию с «беседкой» фей в любом случае никак невозможно подделать! Кстати, по этому поводу могу добавить, что сегодня я встречался с людьми из «Иллингворта» и, к некоторому моему удивлению, они согласились с его мнением. (Теперь, если Вы еще не вскрыли конверт со снимками, попрошу Вас сделать это, а я тем временем продолжу...)

Я еду в Йоркшир 23-го для чтения лекций и собираюсь провести день в К., сделать фотографии местности и забрать с собой все «испорченные» негативы, которые станут полезным дополнением к снимкам. Между прочим, девочки совершенно не понимают, как у них получилась фотография «беседки». Они заметили степенную фею, которую можно увидеть на этом снимке справа, и Элси, не пытаясь попасть в кадр, поднесла фотоаппарат вплотную к высокой траве и нажала на спуск...

На это письмо я ответил следующим образом:

Мельбурн,
21 октября, 1920.

Дорогой Гарднер,

Я был чрезвычайно обрадован, получив здесь, в далекой Австралии, Ваше письмо и три чудесных снимка, подтверждающих опубликованные нами результаты. Нам с Вами подтверждений не требовалось, но подобный ход мысли будет настолько непривычен для обычного, занятого своими делами человека, который не следит за психическими исследованиями, что доводы придется повторять снова и снова, прежде чем он осознает, что этот новый вид жизни действительно существует и его следует воспринимать не менее серьезно, чем пигмеев Центральной Африки*.

Я чувствовал себя виноватым, когда заложил эту мину замедленного действия и уехал из страны, оставив Вас разбираться с последствиями взрыва. Вы знали, однако, что иначе поступить я не мог. Теперь я счастлив, ведь у Вас появилась надежная защита от любых атак, которые скорее всего выльются в назойливые требования новых фотографий; критикам будет невдомек, что такие снимки и в самом деле имеются.

Сказанное не имеет прямого отношения к более насущному вопросу о нашей собственной судьбе и судьбе тех, кого мы потеряли – что и привело меня сюда. Но все, что расширяет духовные горизонты человека и доказывает, что известная нам материя отнюдь не являет-

ся пределом нашей Вселенной, непременно поможет нам низвергнуть грубый материализм и вывести человеческую мысль на более высокий духовный уровень.

Временами мне кажется, что мудрые сущности иного мира, руководящие нашей борьбой и использующие нас как скромные инструменты, отшатнулись в отвращении при виде этой бесконечной и мрачной глупости, против которой, по словам Гете, даже боги бессильны*, и придумали план нового наступления: оно проторит нам путь и в корне подорвет так называемую «религиозную» позицию, которая в сущности противоречит религии. Фей не уничтожить с помощью допотопных писаний, а когда будет признано существование фей, людям будет легче признать наличие других психических феноменов.

До свидания, мой дорогой Гарднер; я горжусь тем, что разделил с Вами это эпохальное открытие. Полученные на сеансах послания давно уже говорили нам о том, что грядет видимый знак – быть может, это событие и имелось в виду. Человечество не заслужило новых свидетельств, оставив в небрежении прежние. Но наши друзья с той стороны более терпеливы и благожелательны, чем я. Признаюсь, душа моя преисполнена холодным презрением к тупому равнодушию и моральной трусости, которые я вижу вокруг.

Искренне ваш,

Артур Конан Дойль

В последующих письмах мистер Гарднер сообщал мне, что в сентябре, сразу же после того, как была сделана вторая серия фотографий, он вновь отправился на север и вернулся донельзя убежденным в честности всего семейства Райт и подлинности снимков. Приведу некоторые выдержки из этих писем:

«Моя поездка в Йоркшир оказалась крайне удачной. Я провел целый день вместе с семьей и сделал фотографии новых уголков, где появлялись феи – они находятся поблизости от прежних. Прилагаю несколько отпечатков. «Колыбель» или беседка фей была сфотографирована рядом с прудом, который Вы можете видеть на снимке. Фея, снятая в воздухе, запечатлена скорее в прыжке, нежели в полете. Элси сказала, что та раз пять или шесть выпрыгивала из куста и словно замирала в воздухе. На пятый раз Элси щелкнула затвором. К сожалению, полет был таким стремительным, что Френсис невольно откинула голову – ей почудилось, будто фея сейчас прыгнет ей на лицо. Это движение видно на снимке. Фея с другой фотографии, глядящая на Элси, держит букет миниатюрных колокольчиков. Мне показалось, что у нее «мальчишеская» стрижка и что в целом она выглядит модницей, ведь платье у нее такое современное! Но Элси сказала, что ее волосы были мелко завиты, а не подстрижены. Относительно «колыбели» Элси говорит следующее: обе девочки ясно рассмотрели фею, показанную на снимке справа, и чопорного вида сильфиду слева от нее, но самой беседки не заметили. По ее словам, между феями виднелась легкая дымка и она не сумела разглядеть подробности. Нам удалось сделать с этого негатива великолепный отпечаток. Эксперты

готовы письменно подтвердить, что этот снимок «сфабриковать» невозможно, так что мы, похоже, получили решающее доказательство. Выдержка в каждом случае составляла одну пятидесятую секунды, расстояние от трех до четырех футов, использовался фотоаппарат «Камео»*, который я лично отправил Элси, и пластинки были те самые, что я ей послал.

Я собрал все сведения о цветах и раскраске платьев, крыльев и т.д., но приведу эти детали чуть позднее, когда представится возможность составить более полный отчет...»

«27 ноября, 1920.

О фотографиях:

В сентябре я побывал в Йоркшире, где исследовал вторую серию снимков. Разумеется, я сделал фотографии местности и подробно расспросил девочек о том, как они добились успеха. За те две недели, что дети провели вместе в августе, солнце показывалось из-за туч лишь дважды, всякий раз на час или около того. Им удалось сделать две фотографии в четверг и еще одну в субботу. Будь погода обычной для этого времени года, мы получили бы десяток или больше. Но лучше, вероятно, не торопиться – хотя я предлагаю снова вернуться к этому вопросу в мае или июне. Использовался тот самый фотоаппарат, что я прислал, и те же пластинки (все они в закрытом порядке и без всякого моего вмешательства были помечены компанией «Иллингворт»). Три новых негатива с фаями сделаны именно на этих пластинках, что может подтвердить управляющий компании. Кажет-

ся, я уже писал Вам, что по мнению экспертов негатив с «колыбелью» или «беседкой» совершенно невозможно подделать, и на этот счет я могу получить письменные заверения...»

В более подробном отчете, составленном позднее, мистер Гарднер рассказывал:

«Несколько фотографий были сделаны в четверг, 26 августа, в послеобеденные часы; к счастью, день был довольно ясным и солнечным (едва ли что-то мешало нам так, как погода, ибо лето выдалось необычайно холодным). Еще несколько были сделаны в субботу, 28 августа. Три снимка, воспроизведенные здесь, можно смело назвать наиболее поразительными из всех. Жаль, что читатели не могут насладиться дивной красотой увеличенных отпечатков, сделанных прямо с негативов! Изящество и грациозность летающей феи не поддаются описанию – все феи и впрямь кажутся миниатюрными сверх-Павловыми*. На другом снимке фея протягивает Ирис цветок, эфирный колокольчик, и весь ее облик дышит нежностью и благородством. Но мне хотелось бы выделить третий снимок, достойный особого и самого пристального внимания. Никогда и никому, безусловно, не удавалось еще сфотографировать беседку фей!

Центральное эфирное строение, невесомо зависшее в травинках, нечто среднее между коконом и раскрытой хризалидой, и есть беседка или колыбель. В верхнем левом углу, развернув к зрителю крыло, сидит обнаженная фея и, должно быть, раздумывает, не пора ли вставать. Справа видна фея постарше с роскошной копной

волос и прелестными крыльями; она уже давно проснулась. Тело ее слегка плотнее, чем у подруги, и просвечивает сквозь платье. Позади нее, также справа, вырисовывается голова озорного улыбающегося эльфа в плотно надвинутой на уши шапочке. Левее – чопорная сильфида с парой прозрачайших крыльев, а прямо над ней, с раскинутыми крыльями и протянутыми руками, парит еще одна, собираясь опуститься на траву. Эта сильфида оказалась не в фокусе, и ее лицо, видимое нам в полупрофиль, можно разглядеть только на очень резком и тщательно отретушированном отпечатке, который имеется у меня. В целом, я считаю, фотография беседки является самой поразительной и интересной из всех удачных снимков этой серии, хотя некоторые и могут отдать лавры первенства восхитительной грации летящей фигурки.

Судя по всему, сравнительная нечеткость последнего снимка объясняется тем, что изображенный на нем мирок фей не был затронут человеческой аурой, гораздо более осязаемой, нежели аура фей. Девочки сумели показать нам очаровательное гнездышко фей с близкого расстояния, но для них самих, кстати говоря, это стало полной неожиданностью. Они увидели в высокой траве степенную фигурку старшей феи и на сей раз даже не пытались попасть в кадр: Ирис поднесла камеру вплотную к траве и сделала снимок. Ей просто повезло, что беседка находилась так близко. Показывая мне негатив, Ирис лишь заметила, что фотография получилась довольно странная и она не может разобрать, что на ней изображено!»

& ДЕВОЧКИ БЛИЗ МЕСТА, ГДЕ В 1920 ГОДУ БЫЛА
СДЕЛАНА ФОТОГРАФИЯ ПРЫГАЮЩЕЙ ФЕИ &

Таковы собранные нами факты. С тех пор не произошло ничего, что могло бы поставить под сомнение подлинность фотографий. Нетрудно догадаться, что мы стремились получить новые снимки – и потому в августе 1921 года устроили девочкам еще одну встречу, предоставив в их распоряжение лучшее фотографическое оборудование, включая стереоскопическую камеру и киноаппарат. Но судьба сыграла с нами злую шутку, поскольку обстоятельства сложились крайне неудачно. Так, Френсис смогла провести в Коттингли всего две недели, и все это время почти беспрестанно лил дождь, покончивший в конце июля с долгой засухой в Йоркшире. К тому же, в Долине фей был найден небольшой угольный пласт и вся местность оказалась чрезвычайно заражена человеческим магнетизмом. Эти трудности, возможно, мы смогли бы преодолеть, но главным препятствием были для нас перемены в самих девочках: одна из них становилась молодой женщиной, на другой сказалось пребывание в школе-интернате*.

В связи с этим стоит упомянуть об одном событии. Девочки утратили способности к материализации и были теперь не в состоянии усиливать образы до той степени, что позволяет запечатлеть их на фотографической пластинке, однако сохранили силу ясновидения и по-прежнему замечали множество сильфид и эльфов, все еще обитавших в долине. Разумеется, скептический критик возразит, что мы располагаем лишь словами девочек, но это не так. У мистера Гарднера есть друг, которого я назову мистером Сарджентом*. Во время войны он служил в танковом корпусе и является достопочтенным джентльменом, не имеющим ни желаний, ни малейших причин кого-либо обманывать. Упомянутый джентльмен давно открыл в себе завидный дар ясновидения, ныне весьма развитый, и мистер Гарднер решил обратиться к нему

для проверки утверждений девочек. Мистер Сарджент, человек очень занятой, с всегдашним добродушием согласился пожертвовать неделю из своего краткого отпуска ради этого любопытного мероприятия – но результат, мне думается, вознаградил его более чем щедро. Передо мной лежит его отчет, составленный в форме заметок, которые он вел в ходе своих наблюдений в долине. Погода, как уже сказано, стояла по преимуществу хмурая, хотя время от времени небо прояснялось. Сидя на траве рядом с девочками, мистер Сарджент видел точно то же, что и они, и даже больше, поскольку его способности существенно превосходили дарования девочек. Заметив психический объект, он указывал рукой в направлении данного феномена и просил девочек описать увиденное, причем их описания, в пределах духовидческих возможностей девочек, всегда оказывались достоверными. Вся долина, согласно его отчету, буквально кишела различными формами стихийной жизни; он видел не только лесных эльфов, гномов и гоблинов, но и редко встречающихся русалок, которые плескались в ручье. В следующей главе я привожу обширные выдержки из достаточно беглых записей мистера Сарджента.

Глава V

Наблюдения ясновидящего в долине Коттингли, август 1921 года

Гномы и феи. Видели в поле фигурки ростом с гнома. Они строили затейливые гримасы и конвульсивно дергались во все стороны. Одному, судя по всему, особенно нравилось стучать коленом о колено. Эти формы являлись Элси поодиночке – одна растворялась в воздухе, другая появлялась на ее месте. Я же, напротив, разглядел целую группу, причем одна из фигур заметно выделялась среди прочих. Элси заметила гнома, похожего на того, что изображен на снимке, но бесцветного и не так ярко одетого. Затем я увидел толпу женских фигурок: они были заняты игрой, чем-то напоминавшей детскую игру в «апельсины и лимоны»*. Они стояли в кругу, а сама игра походила на большую цепь в лансье*. В центре застыла одна из фей, тогда как остальные, украшенные полевыми цветами, кружились вокруг, сверкая необычными для фей красками. Некоторые из них, взявшись за руки, образовали арку, другие ныряли внутрь, исчезали и вновь появлялись, как в лабиринте*. Я заметил, что игра породила вихрь энергии, который взметнулся вверх на высоту приблизительно четырех или пяти футов над землей. Также я заметил, что в тех местах, где трава была гуще и темнее, наблюдался сходный всплеск деятельности различных существ из числа фейри.

Водяная нимфа. В ручье у массивной скалы, возле небольшого водопада, я видел духа вод. То была совершенно нагая женская фигура с длинными белокурыми волосами, которые она то ли расчесывала, то ли перебирала

руками. Я не сумел в точности разглядеть, имелись ли у нее ноги. Все ее тело сияло розовым и белым, лицо было прекрасно. Удлиненные изящные руки вздымались подобно волнам. Временами казалось, что она поет, хотя до меня не доносилось ни звука. Она пряталась в пещерке, созданной мхами и нависающим краем скалы. По всей видимости, крыльев у нее не было; она совершала волнообразные, змееподобные движения, все время полулежа. Ореол этой нимфы, по моим ощущениям, был иным, нежели у фей. Она ничем не показывала, что знает о моем присутствии, но тем не менее оставалась в своем укрытии и почти сливалась с окружением, так что я напрасно ждал с камерой в руках.

Лесные эльфы. (Под старыми буками в лесу, Коттингли, 12 августа, 1921). Два крошечных лесных эльфа промчались по поляне, где мы сидели на стволе поваленного дерева. Увидев нас, они резко остановились на расстоянии примерно пяти футов и стали разглядывать нас с живым изумлением и без всякого страха. Одежда их, точно сделанная из одного куска кожи, плотно облегалa тела и немного поблескивала, как если бы была влажной. Кисти и ступни казались чрезмерно большими по отношению к телу. Ноги тонковаты, уши большие, грушевидной формы, заостренные сверху. По всей поляне сновало множество гномов. Носы их показались мне довольно острыми, рты широкими. Во рту, насколько мне удалось разглядеть, нет ни зубов, ни челюстей, ни даже языка. Они выглядели словно бы вылепленными из желе. Их окружало зеленоватое свечение, похожее на испарения химикалий: так эфирный двойник окружает физическое тело. Когда Френсис подошла поближе и уселась в футах от них, гномы несколько встревожились и отбежали футов на восемь, где и оставались: как видно, они рассматривали нас и обменивались впечатлениями. Эти

двое живут меж корней громадного бука – они (совсем как люди в пещере) исчезли в расщелине, ведущей под землю.

Водяная фея (14 августа, 1921). У маленького водопада, окруженного завесой водяной взвеси, мы увидели в пелене капель миниатюрную и совершенно призрачную фигурку феи. Заметно выделялись два основных цвета: верхняя половина тела и аура бледно-фиолетовые, нижняя часть светло-розовая. Цвета словно просвечивали сквозь ее ауру и более плотное тело, очертания последнего сливались с аурой. Это создание застыло в воздухе, грациозно откинувшись назад, левая рука была высоко поднята над головой, будто ее поддерживала жизненная сила брызг, как ветер несет парящую чайку. Очертания тела были человеческими, однако я не заметил никаких признаков пола. На несколько мгновений она застыла недвижно в этом положении, затем исчезла из виду. Крыльев у нее я не заметил.

Феи, эльфы, гномы и брауни. (Воскресенье, 14 августа, 9 часов вечера. В поле). Чудесный безветренный лунный вечер. Все поле оживает, здесь обитает множество духов природы – брауни, фей, эльфов и гномов.

Брауни. Он повыше их обычного роста, скажем, около восьми дюймов, одет во все коричневое с более темной отделкой и обшлагами, на голову нахлобучен мешковатый колпак в форме почти правильного конуса, бриджи до колен, чулки, тонкие лодыжки и большие заостренные ступни, как у гномов. Он стоит и разглядывает нас, не выказывая никакого страха, вид у него вполне дружелюбный и любопытный; он вглядывается в нас широко раскрытыми глазами с выражением крайнего интереса, намекающим на пробуждение интеллекта. Складывается впечатление, что он пытается осознать нечто, превышающее его умственные возможности. Он оглядывается, ви-

дит группу фей, которые приближаются к нам, и отходит в сторону, будто уступая им дорогу. Его душевное состояние напоминает мечтательный полусон ребенка, бормочущего себе под нос: «Стоял бы так и глядел весь день без усталости». Вполне очевидно, что он хорошо различает наши ауры и находится под сильным воздействием наших эманаций.

Феи. Френсис видит миниатюрных фей, танцующих в кругу, фигурки их постепенно увеличиваются в размерах, пока не достигают восемнадцати дюймов, круг также расширяется. Элси видит вертикальное колесо фей, совершающих медленное круговое движение; коснувшись травы, каждая делает несколько быстрых шагов, затем продолжает медленное кружение в воздухе. Танцующие феи одеты в длинные юбки, сквозь которые просвечивают ноги; в астральном спектре круг испускает золотисто-желтый свет, по краям бесчисленные цветовые оттенки с преобладанием фиолетового. Танец фей похож на кружение «Большого колеса» в Эрлс Коурт*. Феи медленно парят, их тела, руки и ноги остаются неподвижны, пока они вновь не касаются земли. Танец сопровождается музыкой, напоминающей звон колокольчиков, и кажется скорее церемонией, чем игрой. Две фигурки фей, видит Френсис, затеяли представление, словно на сцене; одна из них крылатая, другая лишена крыльев. Их тела сверкают и переливаются, подобно бликам на воде в солнечный день. Бескрылая фея изогнулась назад, словно гимнастка, ее голова касается земли, а крылатая склонилась над ней. Френсис видит маленькую фигурку, похожую на Панча, в чем-то вроде уэльской шляпы*, которая приплясывает и ударяет пятками о землю, одновременно приподнимая шляпу и раскланиваясь. Элси замечает цветочную фею в облике гвоздики, голова виднеется там, где стебель соединяется с цветком, листики

чаши образуют тунику, под которой просматриваются руки, в то время как лепестки, точно юбка, прикрывают тоненькие ножки. Она вприпрыжку бежит по траве. Тело ее по цвету напоминает розовую гвоздику, цвет бледный и размытый. (Записано при свете луны). Вижу несколько пар ростом около фута, среди них есть мужчины и женщины, они танцуют медленный, подобный вальсу танец посреди поля и даже, как мне кажется, вальсируют в левую сторону. Они окутаны эфирной материей и похожи на призраков. Тела окружает серое свечение, так что разглядеть их в подробностях довольно сложно.

Элси видит маленького бесенка, схожего с обезьянкой, тот медленно кружится вокруг стебля, уцепившись за его верхушку. На лице у него проказливое выражение: он смотрит в нашу сторону, как будто дает представление в нашу честь.

Здесь и там, точно хозяин цирка, мелькает брауни. Примерно в двадцати футах впереди вижу форму, которую можно описать как фонтан. Этот многоцветный поток силы фей восходит от земли – и разлетается высоко в воздухе наподобие рыбьего хвоста. Френсис также это видит.

(Понедельник, 15 августа. В поле). Три фигурки бегут по полю к лесу – ранее такие встречались нам в лесу. Оказавшись ярдах в десяти от стены, перепрыгивают через нее и скрываются из виду. Элси замечает посреди поля прекрасную фею. Она немного напоминает изображения Меркурия, но без крылатых сандалий; крылья у нее обычные. Нагая, с короткими вьющимися волосами, она опустилась на колени у темных зарослей травы и рассматривает что-то на земле. Время от времени фея меняет положение, опускается на пятки и затем выпрямляется, продолжая стоять на коленях. Она гораздо выше других фей, рост ее – примерно восемнадцать дюймов.

«ЗАГОВОР ФЕИ». РИС. К. ШЕППЕРТОНА

(«Princess Mary's Gift Book», 1914)

Теперь она взмахивает руками над каким-то предметом, лежащим на земле. Поднимает что-то с земли (как мать подняла бы младенца), прижимает к груди и, кажется, молится. У нее греческие черты лица и она похожа на греческую статую или героиню античной трагедии.

(Вторник, 16 августа, 10 часов вечера. В поле). При свете маленькой фотографической лампы.

Феи. Элси видит, как феи, пританцовывая и взявшись за руки, водят хоровод, отвернувшись от центра круга. В центре появляется фигура и в тот же миг все феи поворачиваются лицами внутрь.

Гоблины. Группа гоблинов бежит к нам из леса и останавливается ярдах в пятнадцати. Они заметно отличаются от лесных эльфов и больше похожи на гномов, хотя ниже их ростом и близки по размерам к маленьким брауни.

Фея. Элси видит совсем неподалеку от нас красивую фею; обнаженная, с золотистыми волосами, она стоит на коленях в траве, руки положила на колени, смотрит в нашу сторону и улыбается нам. У нее очень красивое лицо, и она не сводит с меня глаз. Эта фигурка находилась футах в пяти от нас и, едва я успел ее описать, растворилась в воздухе.

Эльф. Элси замечает создание, похожее на эльфа: волосы его развеваются, как если бы он перемещался с невероятной быстротой, вокруг словно свистит ветер, при том он остается неподвижен, хоть и кажется бегущим сломя голову.

Гоблины. Элси наблюдает полет маленьких, схожих с бесенятами карликов, которые косо спускаются в траву. В воздухе они выстраиваются в две линии, по мере снижения линии эти пересекаются. Один ряд вертикально устремляется вниз, причем ноги верхних гоблинов касаются голов нижних, а другой плечом к плечу рассекает

их строй. Достигнув земли, они с озабоченным видом разбегаются в разные стороны, точно спеша по делам. Лесные эльфы в большинстве своем без толку носятся по полю – их присутствие и беготня лишены всякого смысла. Некоторые пробегают мимо и даже не останавливаются, чтобы поглазеть на нас. Эльфы кажутся самыми любопытными из фейри. Френсис видела троих и назвала их гоблинами.

Фея. Голубая фея. Крылья, как и весь ее окрас, голубовато-зеленые, цвета морской волны, перетекающего в розоватый. Крылья сетчатые и сверкают разными цветами, подобно крыльям бабочки. Идеальные линии почти полностью обнаженного тела. В волосах блестит золотая звезда. Эта фея явно привыкла повелевать, но сейчас мы видим ее одну, без придворных.

Прибытие фей. Итак, в поле внезапно появилась повелительница фей в сопровождении множества фейри. Их прибытие ознаменовалось ярким сиянием, разлившимся по полю и видимым на расстоянии шестидесяти ярдов. Наставница фей очень властна, твердо отдает приказания и, как видно, ожидает беспрекословного подчинения. Фейри рассыпаются по полю и образуют вокруг нее постепенно расширяющийся круг – и одновременно над травой внутри круга разгорается мягкое свечение. Они словно вносят жизнь в траву и заставляют ее расти. Этот передвижной двор фей, как видно, прибыл издалека: они пронеслись высоко над деревьями и спустились на поле. За две минуты круг расширился до двенадцати футов и теперь излучает чудесный свет. Каждая фея соединена с повелительницей тонким световым лучом. Лучи различаются по цвету, преобладает желтый, переходящий в оранжевый. Они сходятся в центре, растворяясь в ее ауре, свет непрерывно переливается между ними. Форма напоминает перевернутую вазу для

фруктов – фея в центре играет роль ножки, а световые линии, расходящиеся изящными ровными дугами, образуют края чаши. Все они погружены в лихорадочную работу, словно им предстоит совершить очень многое и времени для этого недостаточно. Наставница черпает силы и мудрость в самой себе и ее сознание, как кажется, пребывает на более тонком астральном уровне, чем тот, где она сама действует сейчас.

Фея. Элси видит, как высокая и величественная фея пересекает поле и приближается к кусту колокольчиков. Она что-то несет в руках, быть может, это младенец-фейри, окутанный дымчатой субстанцией. Она кладет ношу в заросли колокольчиков, опускается на колени, будто поглаживая что-то, и через некоторое время растворяется в воздухе. Краем глаза мы замечаем четвероногих существ, их оседлали тонкие крылатые фигурки, которые пригнулись к шеям своих коней, как жокеи. Это неизвестные верховые животные, напоминающие гусениц.

Среди деятельных фейри, заполнивших все вокруг, то и дело возникают фигурки гномов, с серьезной миной пересекающих поле, в то время как лесные эльфы и другие существа, похожие на бесенят, суетятся под ногами у фей, занятых более осмысленной работой. Мы втроем постоянно видим престранных существ элементарного свойства.

Элси замечает около дюжины фей: они летят к нам, выстроившись полумесяцем. Когда они оказываются совсем близко, Элси восторженно отмечает их совершенную красоту – но тотчас они становятся страшны, как смертный грех. Выглядит так, словно феи стремятся поймать ее на лжи. Феи бросают на Элси косые и злобные взгляды и исчезают. Возможно, эта встреча отражает ту антипатию и недоверие, что многие фейри испытывают к людям на данной стадии эволюции.

Френсис видит рядом с нами семь крошечных фей – это странные маленькие фигурки, лежащие вниз лицом.

(В долине, 18-е, 2 часа дня). Френсис замечает фею ростом с себя, на ней лиф и юбка с фестонами у бедер. Одежда телесного цвета и плотно облегает фигуру; крылья у нее очень широкие, фея распахивает их, поднимает руки над головой и грациозно машет ими в воздухе. Прекрасное лицо светится добротой и словно приглашает Френсис в страну фей. Волосы ее коротко подстрижены, крылья прозрачны.

Золотистая фея. Исключительно красивая фея, точно окутанная мерцающими переливами золотистого света. Она высоко вздымает крылья, причем каждое из них, насколько можно разглядеть, делится на верхнюю и нижнюю части. Нижняя часть меньше верхней и остро удлиняется книзу, подобно крыльям у некоторых видов бабочек. Эта фея, как и прежняя, также поводит руками и трепещет крыльями. Слова изменяют мне – это просто золотистое чудо. Она улыбается и, несомненно, видит нас. Прикладывает палец к губам. Продолжает наблюдать за нами с одобрительной улыбкой, скрываясь за ветвями и листьями ивы. Едва ли она видима на физическом уровне. Она указывает правой рукой вниз, описывая круг у своих ног, и я вижу несколько – шесть или семь – херувимов (крылатые лица); их словно бы заставляет сохранять форму чья-то незримая воля. Она насылает на меня заклятие, поработощающее разум, и я гляжу безумным взором в просвет между цветов и листьев.

Создание, похожее на эльфа, взбегает с земли к фее по наклонной ветви ивы. Не самый приятный гость – весьма типичное, я бы сказал, существо из низшего сословия.

Глава VI

Независимые свидетельства о феях

По любопытному совпадению, если это всего только совпадение, я узнал о доказательствах объективного существования фей как раз в тот момент, когда завершил статью, посвященную данному вопросу. В ней я изложил подробности ряда происшествий, в ходе которых, как утверждалось, люди сталкивались с этими созданиями, и привел веские доводы, заставляющие полагать, что подобные формы жизни действительно существуют. Ниже я воспроизвожу эту статью, дополнив ее еще одной главой, содержащей новые свидетельства, что появились уже после публикации снимков фей в «Strand Magazine».

Мы давно привыкли к мысли о невидимых и неизвестных нам земноводных существах, которые обитают, быть может, в глубинах вод и могут изредка показаться нам, принимая солнечные ванны на песчаном берегу, а затем вновь кануть в неизвестность. Представим себе, что такие случаи достаточно редки и что некоторым очевидцам удастся лучше других разглядеть неведомых существ; разгорелась бы весьма оживленная дискуссия, причем скептики вполне логично заявили бы: «Опыт подсказывает нам, что на суше живут лишь сухопутные существа, и мы решительно отказываемся верить в животных, которые обитают то в воде, то на суше. Если вы нам покажете их, мы, пожалуй, рассмотрим сей вопрос». Эти резонные возражения поставили бы очевидцев в тупик – только представьте, как они, запинаясь, слабым

голосом произносят, что видели загадочных существ своими глазами, но не в силах заставить их вновь появиться. Сомнений нет, скептики победили бы.

Нечто подобное может иметь место и в области психических явлений. Вполне можно представить, что существует разделительная линия, эдакая кромка воды, словом, линия того, что мы условно называем вибрациями более высокой частоты. Принимая теорию вибраций как рабочую гипотезу, несложно понять, что различные создания, повышая или понижая частоту своих вибраций, смогут оказываться по разные стороны этой линии материальной видимости, подобно тому, как черепаха выползает из воды на сушу и возвращается в волны прибою, в свою безопасную гавань невидимости. Разумеется, это только предположение, однако рациональные предположения, основанные на доступных нам фактах, являются двигателем научного прогресса, и не исключено, что именно в этом направлении лежит путь к решению задачи. Я говорю сейчас не о спиритическом общении, поскольку в данной области за семьдесят лет тщательных исследований мы сумели вывести ряд определенных и точных законов, а о феноменах призраков и фей, которые наблюдались веками и даже в наши материалистические времена порой самым неожиданным образом вторгаются в жизнь некоторых людей.

Викторианская наука готова была оставить мир пустынным, безжизненным и голым, как лунный пейзаж; но упомянутая наука – не более чем малый свет во тьме, тогда как вне этого ограниченного круга точного знания мы видим очертания и тени грандиозных и фантастических возможностей, которые постоянно напоминают о себе нашему сознанию с такой явственностью, что сбросить их со счетов не представляется возможным.

КОТТИНГЛИ

Снимок 1906 г.

Мы располагаем множеством неравноценных свидетельств касательно пограничных форм, что появляются или исчезают в действительности или в воображении; последнее, несомненно, встречается чаще всего. Отбросив плоды воображения, мы все же получаем некий остаток, который по логике вещей должен указывать на определенные факты. Во избежание пагубной расплывчатости, в этом эссе я ограничусь лишь вопросом о фейри и, не касаясь исторической традиции (самой по себе широко распространенной и последовательной), попытаюсь рассмотреть несколько современных примеров. Они показывают, что мир устроен гораздо сложнее, чем мы себе представляем, и что на земле рядом с нами могут обитать странные соседи, бытие которых откроет для наших потомков невообразимые доселе пути научного познания, в особенности если наша поддержка и доброжелательность помогут этим созданиям всплыть из глубин и ступить на берег.

Большое количество собранных мною свидетельств позволяет выделить два момента, общих почти для всех. Первый заключается в том, что дети гораздо чаще взрослых рассказывают о своих встречах с фейри. Это может объясняться повышенной чувствительностью детского восприятия; возможно также, что эти крошечные создания считают детей, в отличие от взрослых, менее опасными для себя. Второй связан с тем, что встречи с ними происходят по преимуществу в очень жаркие, безветренные дни, в такие часы, когда все вокруг раскалено и мерцает на солнце. «Конечно же, солнце расплавало мозги ваших очевидцев», – скажет скептик. Вполне возможно, но не обязательно. Если встречи с феями зависят от вибраций нашего окружения и повышения их частоты, можно предположить, что безмолвный, недвижимый жар создает наилучшие условия для подобных

изменений. Что представляет собой пустынный мираж? Что за видения холмов и озер открываются караванам, когда глаза кочевников смотрят туда, где на тысячи миль простирается пустыня и нет ни холмов, ни озер, ни единого облака или капли влаги, в которой может преломиться их отражение? Я всего лишь задаю вопрос, но не пытаюсь дать на него ответ. Очевидно одно – этот феномен не стоит путать с теми вертикальными или, как нередко бывает, опрокинутыми картинами, которые можно наблюдать в местах скопления влаги и облаков.

Удивительно, как много детей утверждают, что видели фейри, стоит только завоевать их доверие и вызвать их на откровенность. Младшее поколение моей семьи состоит из двух мальчиков и маленькой девочки; это очень правдивые дети, и каждый из них подробно описывает обстоятельства встречи с фейри и их внешний вид. С каждым из детей это случалось лишь однажды, и всякий раз они видели единственную крошечную фигурку; в двух случаях фейри появлялись в саду и один раз – в детской комнате. Расспросы среди друзей показали, что многие дети имеют схожий опыт встреч с фейри, но сразу замыкаются в себе, столкнувшись с недоверием и насмешками. Порой эти создания ничем не напоминают тех, что могли бы встретиться детям в книжках с картинками. «Фейри похожи на орехи и мох», – замечает ребенок в прелестном сочинении о семейной жизни, написанном леди Гленконнер*. Мои собственные дети расходятся в определении размеров этих созданий, которые и впрямь могут различаться между собой, но их описания нарядов фейри во многом совпадают с традиционными представлениями – каковые, в конечном итоге, также могут оказаться вполне точными.

Многие люди, запомнив подобные встречи с детства, во взрослом возрасте пытаются найти для них всевоз-

возможные материалистические истолкования, никак не кажущиеся приемлемыми или логичными. Например, в своей превосходной книге о фольклоре преподобный С. Баринг-Гулд* сообщает о личном опыте такой встречи, причем его рассказ может послужить иллюстрацией некоторых высказанных мною соображений. «В 1838 году», – говорит он, – «когда мне едва исполнилось четыре года, мы ехали жарким летним днем в Монпелье по длинной прямой дороге, пересекающей каменистую, усеянную валунами равнину, где не растет ничего, за исключением кое-каких пряхных трав. Я сидел на козлах рядом с отцом и внезапно, к огромному своему удивлению, увидел множество карликов, ростом примерно в два фута, бегущих рядом с лошадьми; некоторые из них, хохоча во все горло, уселись на оглоблях, другие же цеплялись за упряжь, пытаясь вскарабкаться на спины лошадей. Я рассказал об увиденном отцу, он резко остановил повозку и пересадил меня внутрь, к матери; поскольку повозка была закрытой, я оказался защищен от солнечных лучей. В итоге толпа бесенят постепенно начала редеть, пока совсем не рассеялась».

Здесь, конечно, сторонники идеи о солнечном ударе получают в свое распоряжение сильный, но отнюдь не решающий довод. Второе свидетельство мистера Баринг-Гулда более весомо:

«Когда моей жене», рассказывает он, – «было пятнадцать лет, она шла как-то по тропинке в Йоркшире, между двумя живыми изгородями из кустов бирючины, и вдруг заметила, что в одном из кустов затаился маленький, отменно сложенный зеленый человечек, который уставился прямо на нее черными, похожими на бусинки глазами. Росту в нем было дюймов пятнадцать или фут. Она в страхе побежала домой. Жена вспоминает, что все это случилось в летний день».

ДОМ СЕМЕЙСТВА РАЙТ В КОТТИНГЛИ

(Современный вид)

Пятнадцатилетняя девушка представляется достаточно надежным свидетелем: и четкие детали, что ей запомнились, и ее поспешное бегство говорят о реальности этого происшествия. Заметим, речь снова идет о жарком летнем дне.

Баринг-Гулд приводит и третий случай. «Однажды мы велели сыну», – пишет он, – «нарвать в саду гороховых стручков, чтобы кухарка налущила их к обеду. Вскоре он вбежал в дом, белый как мел, и принялся рассказывать, что во время сбора гороха увидел между двумя грядками маленького человечка в красном колпаке, зеленой куртке и коричневых бриджах до колен. Лицо его было старым и изнуренным, борода седой, глаза напоминали черные и твердые на ощупь ягоды терновника. Он так пристально глядел на мальчика, что тот бросился наутек, не помня себя от испуга».

Упоминание гороховых стручков вновь дает нам понять, что дело происходило летом и, возможно, в жаркий полуденный час. И опять приведены очень точные детали, которые вполне совпадают, как я покажу далее, с рядом независимых свидетельств. Мистер Баринг-Гулд склонен объяснять все эти случаи жарой, вызывающей в воображении знакомые картинки из книг о феях, но рассказы других очевидцев покажут читателю, что такое объяснение сомнительно.

Сравним эти три происшествия с прямым свидетельством миссис Вайолет Твидейл*, чье мужество в публикации результатов своих опытов, полученных благодаря выдающимся психическим способностям, достойно глубокого уважения любого исследователя этих материй. Потомки едва ли поймут, как трудно в наши дни получить свидетельства из первых рук, подписанные именами очевидцев, ибо они забудут времена, когда любой наблюдатель, будь он человеком сколь угодно почтен-

ным и умеренным во взглядах, немедленно слышал крики о «фальшивке», «мошенничестве» или «обмане», издаваемые людьми, которые ничего либо почти ничего не знали о предмете. Миссис Твидейл рассказывает:

«Лет пять назад со мною произошел чудесный случай, который убедил меня в существовании фей. Был летний день, я в одиночестве шла по дорожке к Лаптон-хаус в Девоншире. Погода стояла совершенно безветренная, ни один листок не шевелился. Вся природа, казалось, дремала под горячими лучами солнца. Мой взгляд привлекли судорожные подергивания длинного клинообразного листа дикого ириса в нескольких ярдах впереди. Лист то раскачивался, то резко сгибался, в то время как само растение сохраняло неподвижность. Ожидая увидеть на листе мышшь-полевку, я осторожно подкралась поближе. К моему радостному удивлению, там обнаружился маленький зеленый человечек. Он был около пяти дюймов ростом и раскачивался на листе, повиснув спиной вниз. Его крошечные зеленые ножки, обутые, как мне показалось, в зеленые сапожки, охватывали лист; руки он поднял над головой и цеплялся ими за края листа. Мелькнуло веселое маленькое личико и что-то похожее на красную шапочку на голове. Целую минуту он оставался на виду, продолжая раскачиваться на листе. Затем он исчез. Впоследствии я не раз видела, как на неподвижном растении вдруг начинал резко дергаться один-единственный лист, но никогда больше мне не удавалось определить причину этих подергиваний».

Одежда фейри в рассказе миссис Твидейл, а именно зеленая куртка и красная шапочка, в точности совпадают с независимым свидетельством сына Баринг-Гулда, и мы вновь встречаем такие детали, как жара и безветрие. Можно не без оснований возразить, что многие художники изображали фейри в подобных нарядах и что эти

цвета запечатлелись в сознании обоих наблюдателей. Но поскольку подергивания ириса указывают на действительное событие и не могут быть сочтены галлюцинацией, случай этот кажется мне вполне убедительным свидетельством.

Миссис Х. – дама, занятая весьма ответственной работой, с которой я состоял в переписке – рассказывает о встрече, живо напоминающей историю миссис Твидейл. «Единственный случай, когда я видела фейри», – говорит она, – «произошел в большом лесу в Западном Сассексе около девяти лет назад. Это было крошечное создание в полфута ростом, кутавшееся в листья. Самым удивительным в его лице было то, что в глазах не отражалось никаких признаков души. Он весело играл на поляне среди высоких трав и цветов». И снова мы имеем указание на лето. Рост и окрас этого создания соответствуют описанию миссис Твидейл, в то время как его взгляд, лишенный признаков души, можно сравнить с «твердыми» глазами, описанными сыном Баринг-Гулда.

Одним из самых одаренных ясновидящих в Англии был покойный мистер Терви из Борнмута, чья книга «Начала ясновидения»* является настольной для любого уважающего себя исследователя. Мистер Лонсдейл из Борнмута также известен своими способностями к ясновидению. Последний ознакомил меня со следующим отчетом о событии, которое он наблюдал несколько лет назад в присутствии мистера Терви:

«Мы сидели у него в саду в Брэнксом-парке», – рассказывает мистер Лонсдейл. «Мы находились в садовом домике, откуда открывался вид на лужайку. Вот уже некоторое время мы хранили молчание, не разговаривали и не двигались, как часто было у нас заведено*. Внезапно мне почудилось некое движение на краю лужайки, там, где она граничила с сосновой рощей. Приглядевшись, я

заметил, что сквозь кусты на нас глядят несколько маленьких фигурок, одетых в коричневое платье. Несколько минут они оставались неподвижны, затем исчезли. Через несколько секунд около дюжины крошечных созданий примерно двух футов ростом, в ярких одеждах, высыпали с сияющими лицами на поляну и затеяли жизнерадостную пляску. Я обернулся к Терви и, желая убедиться, что он также их видит, прошептал: «Вы видите их?» Он кивнул. Фейри, по-прежнему занятые игрой, потихоньку приближались к домику. Нас очень повеселил один маленький храбрец – он подобрался к крокетным воротцам неподалеку от садового домика и, используя их как турник, принялся вращаться в воздухе. Некоторые из фейри стали глазеть на него, другие продолжали плясать. Нельзя сказать, что то был упорядоченный танец, скорее выражение чистейшего веселья. Так продолжалось минуты четыре или пять, как вдруг, словно услышав тревожный сигнал, который подали им одетые в коричневое существа, все это время остававшиеся на краю лужайки, фейри бросились в лес. Сразу после этого из дома вышла служанка и подала нам чай. Трудно было выбрать более неподходящий момент, так как появление чайных приборов, вполне очевидно, стало причиной исчезновения наших маленьких гостей». Мистер Лонсдейл добавляет: «Я несколько раз встречался с фейри в Нью-Форест*, но никогда еще не видел их так близко». И здесь действие разворачивается в жаркий летний день, тогда как разделение фейри на два различных вида полностью совпадает с общими описаниями этих созданий.

Зная мистера Лонсдейла как ответственного, уравновешенного и достопочтенного человека, я считаю, что пренебречь его свидетельством будет непросто. По крайней мере, в этом случае можно смело отбросить гипотезу

о солнечном ударе, поскольку оба джентльмена сидели в тени садового домика и подтверждают свидетельства друг друга. С другой стороны, следует отметить невероятное психическое развитие обоих, как и миссис Твидейл – вполне могло случиться, к примеру, что служанка вовсе не заметила бы фейри, даже если бы появилась на лужайке чуть раньше.

Я знаком с одним джентльменом, представителем ученой профессии, чья карьера (допустим, хирурга) может пострадать, если его имя будет упомянуто в статье о фейри. Дело в том, что этот джентльмен, несмотря на свою импозантную профессию, а также зрелый и практичный склад ума, наделен той способностью – назовем ее способностью воспринимать высшие вибрации – что открывает для своего обладателя врата, ведущие к чудесам. Мой знакомый говорит о своих талантах весьма сдержанно, но утверждает, точнее признается, что открыл в себе силу такого восприятия еще в раннем детстве и постоянно удивлялся не столько тому, что видел, сколько неспособности других увидеть то же самое. Пытаясь доказать, что его ощущения имеют под собой реальную почву, он как-то рассказал следующую историю: однажды, прогуливаясь в полях, он заметил маленькое создание, которое нетерпеливо поманило его за собой. Он послушался и через некоторое время увидел, что маленький проводник с важным видом указывает на землю. Там, между двух борозд, лежал кремневый наконечник стрелы, и мой знакомый унес его с собой на память об этом приключении.

Другой мой друг также утверждает, что способен видеть фейри. Это мистер Том Тиррелл*, знаменитый медиум, наделенный блестящим даром ясновидения и развитыми психическими дарованиями в целом. Не могу забыть, как однажды вечером в йоркширской гостинице

над его головой разразилась буря постукиваний, словно кто-то громко щелкал пальцами; мистер Тиррелл, держа в одной руке кофейную чашку, принялся энергично отмахиваться другой, будто пытался избавиться от своих непрошенных гостей. На мой вопрос о фейри он ответил так: «Верно, доводилось мне видеть этих маленьких пикси или фей. Я их десятки раз видел. Но только в лесах и только после небольшого поста. Для меня они вполне живые. Что они из себя представляют? Не могу сказать. Мне никогда не удавалось подобраться к этим оборванцам ближе, чем на четыре-пять ярдов. Похоже, они меня боятся – сразу лезут на деревья, как белки. Приходи я в лес почаще, думаю, мы сумели бы подружиться. Смахи-вают на людей, это точно, только очень маленькие, дюймов двенадцати или пятнадцати ростом. Цвет у них коричне-вый и головы довольно крупные. Уши торчком и кажутся слишком большими. Ноги кривые. Я говорю о том, что своими глазами видел. Читал я, будто многие такое рассказывают, только вот не попадался мне другой ясновидящий, который бы их разглядел. Видать, как-то они связаны с делами природы. Да, волосы у их мужчин совсем короткие, а у женщин длинные и прямые».

Мысль о том, что эти маленькие создания могут сознательно воплощать в жизнь планы природы, уподобляясь пчелам, разносящим цветочную пыльцу, разделяет доктор Ванстоун, ученый, который сочетает глубокие теоретические познания с большим практическим опытом (хотя высокое интеллектуальное развитие, несмотря на пример Сведенборга, зачастую препятствует психической чувствительности). Если эта мысль верна, нам придется, возможно, вернуться к тому пониманию наяд, фавнов и духов деревьев и рощ, что мы находим в классической литературе античности. Доктор Ванстоун, чьи исследования устремлены к пограничной области между

объективным опытом и миром невидимого, воспринимаемым лишь чувственно, пишет мне следующее: «Я совершенно убежден в наличии миниатюрных разумных существ, имеющих отношение к эволюции растительности, в особенности в определенных местах, как-то в Экклесбурн Глен*. Однако наилучшее понимание жизни фейри дают мне наблюдения над жизнью прудов, а не растительным миром. Возможно, я лишь выражаю свое субъективное сознание с помощью воображаемых образов, но для меня эти создания реальны, и я вижу в них наделенных чувством и разумом существ, способных так или иначе вступать с нами в общение. Я склонен думать, что элементарные существа, подобно рабочим на фабрике, обеспечивают действие законов природы».

Еще один джентльмен, утверждающий, что обладает этим замечательным даром, а именно мистер Том Чарман, выстроил себе хижину в Нью-Форест и охотится за фейри, точно энтомолог за бабочками. В ответ на мои расспросы он рассказал, что способность к ясновидению проявилась у него в детстве, но впоследствии не давала о себе знать много лет, причем сила видения обычно обостряется или слабеет в зависимости от его близости к природе. По словам этого ясновидца, фейри бывают различных размеров и рост их колеблется от нескольких дюймов до нескольких футов. Среди них есть мужчины, женщины и дети. За все время наблюдений он не услышал от фейри ни малейшего звука, однако считает, что они способны издавать звуки, не воспринимаемые человеческим слухом. Их можно видеть и днем, и ночью, когда они слабо светятся в темноте, словно светлячки. Они носят самые разнообразные наряды. Таков рассказ мистера Чармана.

Нам, чувствуящим лишь более материальные по своему характеру вибрации, проще всего решить, что эти яс-

новидящие пали жертвами самообмана или душевного недуга. Безусловно, им будет сложно защитить себя от подобных обвинений. И все же я хотел бы напомнить противной стороне, что за многочисленными свидетельствами стоят очевидцы, которые являются людьми вполне уважаемыми, практичными и преуспевающими. Один из них – известный писатель, другой – светило офтальмологии, третий – успешный специалист в своей области, четвертая – дама, занимающаяся общественной деятельностью и т.д. Мы не можем отвергнуть их свидетельства только потому, что они не согласуются с нашим собственным опытом, если не желаем впасть в интеллектуальную заносчивость, чего не позволит себе ни один разумный человек.

Любопытно сравнить между собой различные современные и полученные из первых рук сведения о встречах с фейри. Как указывалось ранее, во многих случаях мы имеем дело с вибрациями высокой частоты – свидетели, похоже, ощущают их в полуденном мареве ярких солнечных дней. Тем не менее, необходимо признать, что в остальном впечатления очевидцев значительно расходятся. В их рассказах появляются создания от пяти дюймов до двух с половиной футов ростом. Защитник фейри сказал бы, что согласно традиции создания эти производят потомство, как и мы – следовательно, мы видим их на различных стадиях развития, что и объясняет расхождения в росте.

Мне кажется, однако, что более убедительным выглядит предположение о наличии в стране фей многочисленных рас, которые могут существенно отличаться друг от друга и населять различные местности; поэтому наблюдатель, подобный мистеру Тирреллу, будет все время встречаться с лесными эльфами, никак не похожими на гномов или гоблинов. Одеты в коричневое обезьяно-

подобные создания выше двух футов ростом, о которых рассказывал мой друг, весьма напоминают тех, что пытались оседлать лошадей в рассказе юного Баринг-Гулда. В обоих случаях, как можно видеть, эти высокие фейри появляются в плоской, равнинной местности. Крохотные старички не имеют ничего общего с миниатюрными танцующими сильфидами, так полюбившимися Шекспиру. Мистер Терви и мистер Лонсдейл одновременно встречали два различных вида, поглощенных совершенно разными занятиями: ярко одетые эльфы танцевали, а прислужники в коричневом охраняли их.

Утверждение, что «круги фей», часто встречающиеся на лугах или в болотистой местности, были вытоптаны фейри во время танцев, не выдерживает критики, поскольку эти проплешины бесспорно являются результатом деятельности грибков, к примеру *Agaricus gambosus* или *Marasmius oreades*: такие грибки разрастаются из центра и, оставляя позади опустошенную землю, набрасываются на свежую растительность. Постепенно формируется полный круг – он может быть как сравнительно небольшим, так и достигать двенадцати футов в диаметре. Не менее часто «круги фей» появляются в лесах, однако там их рост сдерживают опавшие листья, в гуще которых находят себе пропитание грибки. Вне сомнения, фейри никак не связаны с появлением этих кругов. С другой стороны, можно предположить и трудно отрицать, что подобный круг, возникший по той или иной причине, представляет собой очаровательную площадку для танцев и игр. Поэтому легенды традиционно связывают «круги фей» с забавами маленького народца.

Современные сведения о встречах с фейри заставляют нас внимательней отнестись к повествованиям предков; несмотря на всю фантастичность деталей, в них может содержаться зерно истины. Я говорил о «предках», но и

сегодня в Саут Даунс* некоторые пастухи во время обеда бросают через плечо кусочки хлеба и сыра в качестве угощения для маленького народца. Во всем Соединенном королевстве, и особенно в Уэльсе и Ирландии, вера в фейри распространена прежде всего среди людей, которые чаще других соприкасаются с природой. Издавна считалось, что фейри обитают под землей. Такие представления вполне естественны, ведь иначе никак нельзя было объяснить внезапные исчезновения «маленьких людей». В целом, фейри не приписывались гротескные черты, и их описания совпадают с приведенными выше рассказами. «Они малого роста, не выше двух футов», – говорит знаток уэльской старины, которого цитирует миссис Льюис в книге «Страннее вымысла»*, – «а лошадки их размером с зайца. Одежду носят больше белую, но порой их видят и в зеленом. Поступь их легка, взгляды пылки и преисполнены любви... Между собой живут в мире и добром согласии, игривы и милы, в танцах и забавах прелестны». Упоминание лошадок несколько выпадает из общей картины, но остальное вполне подтверждает сказанное ранее.

Одно из лучших старинных описаний фейри принадлежит перу Р. Кирка, священника из прихода в Монтей на краю Шотландского высокогорья, который приблизительно в 1680 году сочинил трактат «Тайное содружество»*. Взгляды Кирка на этих маленьких созданий были весьма ясными и определенными, к тому же он отнюдь не относился к визионерам, но был человеком больших достоинств, впоследствии посвятившим себя переводу Библии на гэльский язык. Его сведения о фейри отлично согласуются с мнением валлийца, цитируемого выше. Кирк дает волю воображению, утверждая, что древние кремневые наконечники некогда украшали эльфийские стрелы, но в основных чертах его мнения

ФЕИ МИСС ИНМАН

Одна из фотографий, сделанных после появления снимков из
Коттингли

совпадают с современными воззрениями. Согласно этому шотландскому священнику, фейри делятся на племена и ранги. Они принимают пищу. Они разговаривают друг с другом на высоком свистящем наречии. Они рожают детей, умирают и устраивают похороны. Они любят веселые танцы. У них имеется государственный строй и особый образ правления, властители и законы, бывают судебные разбирательства и даже битвы. Эти беспечные создания не испытывают враждебности к человеку, если только у них не появляется веских причин злиться на людей, и даже склонны им помогать: к примеру, широко распространенное поверье гласит, что брауни с готовностью займутся домашней работой, если хозяевам дома посчастливится завоевать их расположение.

Похожие истории рассказывают и в Ирландии, хотя тамошний маленький народец, похоже, впитал дух острова и стал более непоседливым и вспыльчивым. Во многих рассказах фейри проявляют свою силу, чтобы отомстить людям за какую-либо провинность. В номере от 31 марта 1866 года, согласно «Истинным ирландским историям о призраках», газета «The Larne Reporter»* напечатала отчет о подобном происшествии: камень, на который заявили свои права фейри, употребили при строительстве дома, после чего невидимые злоумышленники принялись день и ночь бомбардировать дом камнями; их снаряды не причиняли увечий, но без конца донимали обитателей дома. Истории о метании камней встречаются повсеместно и подробности этих случаев в самых разных уголках света настолько согласуются между собой, что их можно определить как известный сверхъестественный феномен – вне зависимости от того, виной ли подобным бомбардировкам фейри или другие формы озорных психических сущностей. В цитируемой выше

книге приводится и еще один замечательный случай: земледелец, который построил дом на принадлежавшей фейри тропе между двумя «горками» или холмами фей, подвергся настоящему преследованию; постоянные стук и другие бедствия наконец заставили все семейство спастись бегством и искать убежища в маленьком домике, где они раньше жили. Эту историю рассказывает корреспондент из Уэксфорда, утверждая, что лично проверил все факты, посетил брошенный дом, тщательно расспросил его владельца и удостоверился, что рядом с домом и в самом деле имеются два холма, причем дом стоит прямо посередине между ними.

Я располагаю подробными сведениями об аналогичном происшествии в Западном Сассексе – в этом случае поиск источников рассказа привел меня непосредственно к его героине. Упомянутая дама, желая разбить у себя альпийский сад, велела привезти с соседнего поля несколько больших валунов, давно известных как «камни пикси», и установить их в качестве основы для каменной горки. В один из летних вечеров она заметила крошечную серую женщину, сидящую на валуне. Стоило нашей даме появиться в саду, как маленькое создание тотчас скрылось, но позднее не раз объявлялось на валунах. В конце концов деревенские жители попросили ее вернуть камни в поле. «Ведь это камни пикси, и если их сдвинуть с места, они навлекут на деревню несчастье», – сказали они. Пришлось даме вернуть валуны на прежнее место.

Но если допустить, что фейри действительно существуют, какова *сущность* этих созданий? На этот вопрос мы можем ответить лишь гипотетически, с большей или меньшей степенью достоверности. Мистер Дэвид Гоу, редактор журнала «Light» и признанный исследователь психических материй, изначально предположил, что это

самые обычные духи людей, воспринимаемые – скажем так – сквозь перевернутый телескоп ясновидения и потому кажущиеся такими крошечными. Изучение подробных отчетов о разнообразных проявлениях фейри заставило мистера Гоу изменить свое мнение и заключить, что они представляют собой формы жизни, развивавшиеся в виде отдельной эволюционной ветви и по некоей морфологической причине принявшие человеческий облик: так природа по странной прихоти воспроизводит собственные творения, заставляя корни мандрагоры принять форму человеческого тела, а морозные узоры на стекле – изобразить листья папоротника.

В своей замечательной книге «Странник в духовных мирах», изданной в 1896 году, мистер Фарнезе* излагает многие тайны, сообщенные ему духом, касаясь среди прочего и фейри. Его слова не только полностью согласуются с изложенными выше фактами, но открывают и большее. Говоря об элементах, он замечает: «Иные из них напоминают своим видом гномов и эльфов, которые, как утверждается, живут в горных расселинах. Таковы и феи, встречающиеся в пустынных и уединенных местах. Некоторые из этих созданий относятся к низшим формам жизни, почти сравнимым с высшими отрядами растений, и отличаются от них лишь способностью двигаться. Другие жизнерадостны и любят забавные и невинные шалости... По мере того, как народы земли развиваются и духовно растут, эти низшие формы жизни вымирают и навсегда исчезают из астрального измерения земной сферы, так что последующие поколения начинают вначале сомневаться, а затем отрицать, что они когда-либо существовали». Это вполне правдоподобное объяснение исчезновения фавнов, дриад, наяд и других существ, так хорошо знакомых классическим авторам Греции и Рима.

Уместно задаться вопросом, как предания о фейри соотносятся с общим строением психической философии? Связь между ними непрочна и косвенна и состоит лишь в том, что любые факты, расширяющие наше понимание возможного и позволяющие выбраться из колеи привычного мышления, возвращают нам утраченную было гибкость ума и делают нас более восприимчивыми к новым учениям. Вопрос о фейри бесконечно мал и незначителен в сравнении с вопросом о нашей собственной судьбе и судьбах всего человечества. Свидетельства, которыми мы располагаем, впечатляют куда меньше психических откровений, хотя – надеюсь, мне удалось это доказать – пренебрегать ими также не стоит. Как бы то ни было, создания эти далеки от нас, и доказательство их существования в действительности немногим важнее открытия неизвестных животных и растений. Вековые тайны «лилии, что цветет уединенно»* и расточительства природы, столь щедро рассыпающей благодеяния, которыми человек не может воспользоваться, несомненно будут раскрыты, как только мы осознаем, что рядом обитают иные виды жизни, разделяющие с нами единую землю и земные дары. По меньшей мере, эта любопытная мысль придаст дополнительное очарование молчанию лесов и первобытной глуши вересковых пустошей.

Глава VII

Некоторые новые случаи

На основании предыдущей главы мы можем с уверенностью сделать вывод, что и до появления фотографий фей существование этих крошечных созданий подтверждалось множеством свидетельств, оспорить которые будет не так-то просто. Очевидцы событий ровно ничего не выигрывали, рассказывая о подобных происшествиях; свидетельства их не запятнаны какими-либо корыстными мотивами. То же касается новых сведений о встречах с фейри, которые я получил после публикации моей статьи в журнале «Стрэнд». Один или два рассказа оказались на проверку более или менее остроумными мистификациями, а из числа остальных я отобрал ряд случаев, представляющихся вполне достоверными.

Джентльмен, которого я выше называл мистером Ланкастером, тот самый, кто так сомневался в подлинности снимков, является духовидцем. Он говорит следующее:

«Лично я описал бы фейри как существ ростом от 2 футов 6 дюймов до 3 футов, одетых в наряды из коричневой шерсти. Это обезьяны спиритического мира – таково самое близкое определение, что я могу найти. Они обладают активным мозгом обезьян и инстинктивно сторонятся людей, хотя многие из них способны невероятно привязываться к людям или отдельному человеку. В любой момент такое существо может вас укусить, точно обезьяна, и немедленно ощутить раскаяние.

Их коллективный опыт, который при желании можно назвать «наследственной памятью», насчитывает тысячи лет, но они лишены способностей к логическому мышлению. Они напоминают Питера Пэна* – это дети, что никогда не станут взрослыми.

Помнится, я однажды спросил у одного из членов нашего спиритического кружка, известно ли ему средство познакомиться с брауни. Он отвечал, что для этого нужно отправиться в лес: если удастся подманить коричневых кроликов, другие коричневые создания, а именно брауни, появятся вместе с ними. В общем и целом мне кажется, что любой, кому доводилось встречаться с феями, непременно следовал духовной заповеди «Будьте как дети»* – иначе говоря, он или она должен был представлять собой либо тип простеца, либо Будду».

Последняя фраза поразительна. Любопытно, что слова мистера Ланкастера подтверждает письмо джентльмена по имени Мэтьюз из Сан-Антонио в штате Техас, отправленное мне 3 января 1921 года. Он утверждает, что три его дочери, ныне замужние женщины, все как одна видели фей до наступления половой зрелости, но впоследствии утратили дар ясновидения. Феи сказали им: «Эволюция нашего рода отлична от человеческой. Лишь немногие люди когда-либо посещали нас. Проникнуть к нам могут только древние души, достигшие высших ступеней развития, или дети в состоянии половой невинности». В этом письме независимым образом повторяется мысль, высказанная мистером Ланкастером.

Похоже, девочки впадали в состояние транса, прежде чем очутиться в стране фей – стране разумных крошеч-

ных созданий ростом от 12 до 18 дюймов. По их словам, феи приглашали их на званые обеды и торжества, катали на лодках по великолепным озерам и т.д. Каждая из девочек умела мгновенно впадать в транс. Так они поступали всегда, стоило им захотеть вновь навеститься в Страну фей; но в такие часы, когда феи сами приходили к ним, что большей частью бывало в сумерках, девочки оставались в обычном своем состоянии и тихо сидели, наблюдая, как феи танцуют. Отец добавляет: «Благодаря этому мои дочери выучились танцам и на празднествах и приемах в городе все зрители восхищались ими, хотя так и не узнали, откуда пришло к ним умение танцевать».

Мой корреспондент не пишет, существует ли заметная разница между европейскими и американскими феями. Если приведенные сведения найдут свое подтверждение и исследования будут продолжены, в будущем мы несомненно составим точную классификацию народа фей. И, если можно доверять ясновидческим дарованиям епископа Ледбитера*, мы сумеем показать, что имеются четкие различия между элементарной жизнью различных стран, в то время как в каждой из них в отдельности обитают многочисленные виды фейри.

Об одном замечательном происшествии, связанном с фейри, рассказывает нам его непосредственный участник, преподобный Арнольд Д. Холмс. Он пишет:

«Я рос на острове Мэн, где сам воздух словно пропитан суевериями (если вам угодно их так называть) – простой и прекрасной верой мэнских рыбаков, детскими надеждами девушек Мэна, которые и по сей день не забывают оставить у камина щепки и уголек: вдруг «маленькие люди» забредут в гости и захотят погреться у огня. Высшей наградой для прилежной хозяйки станет

хороший муж, а девушка, пренебрегающая обычаям, получит дурного или вовсе никогда не выйдет замуж. Но мне хотелось бы рассказать об удивительном явлении, свидетелем которого я стал, возвращаясь из Пила в свой деревенский приход Сен-Марк.

Не успел я миновать Грибский замок, живописный дом сэра Холла Кейна*, как моя лошадь – надо сказать, весьма норовистая – вдруг остановилась прямо посреди дороги; поглядев вперед, я увидел в неверном свете туманных лучей луны целый отряд крошечных, размытых фигурок в полупрозрачных, словно сотканых из паутины одеждах. Вид у них был донельзя счастливый – они вприпрыжку неслись по дороге со стороны лесистой и очень красивой Грибской долины, где высится лишенная кровли церковь святого Триниана*. По местным легендам, церковь издавна служит любимым приютом фейри; дважды жители пытались возвести над нею крышу, и всякий раз фейри за ночь разрушали построенное днем. Последние сто лет никто даже не пытается починить кровлю – церковь предоставили «маленькому народцу», который считает ее своей собственностью.

Моя лошадь едва не обезумела от страха, я же зачарованно глядел на маленькую веселую армию. Они повернули к Ведьминому холму и взобрались на поросший мхом склон; один «маленький человечек» покрупнее остальных, ростом около 14 дюймов, стоял на страже, пока все они с танцами и песнями, погруженные в радостное забвение, не прошли через луга в долине к холму святого Джона».

Чрезвычайно интересный рассказ миссис Харди, жены колониста в землях маори в Новой Зеландии, позволяет сделать вывод, что фейри широко распространены по всему земному шару:

«Прочитав чужие истории о встречах с фейри, я наконец нашла в себе смелость рассказать Вам о происшествии, случившемся со мной лет пять назад. Надеюсь, вы простите, если я вначале приведу кое-какие подробности нашего быта, имеющие отношение к рассказу? Наш дом стоит на вершине холма. На некотором расстоянии вокруг земля была скрыта и выровнена для закладки фундамента дома, хозяйственных построек, лужаек и так далее. С обеих сторон склоны холма круто обрываются вниз; слева у его подножия находится фруктовый сад, справа загон для скота и обсаженная кустами аллея, выходящая на проезжую дорогу. Однажды, когда уже смеркалось, я вышла во двор, чтобы развесить на веревке для белья несколько кухонных полотенец. Спускаясь с веранды, я услышала приглушенный конский топот, доносившийся со стороны сада. Я решила, что наверняка ошиблась и что звук доносится с дороги, где маори часто пускают своих лошадей в галоп. Я подошла к веревке и только успела поднять руки, собираясь закрепить полотенце прищепками, как услышала за спиной топот копыт. Внезапно маленькая фигурка верхом на крошечном пони промчалась прямо под моими поднятыми руками. Я огляделась и лишь теперь заметила, что меня окружили восемь или десять крошечных всадников на маленьких пони, напоминавших карликовых шетландцев*. Маленькая фигурка всадника, приблизившегося вплотную ко мне, хоро-

шо выделялась в луче света, падавшем из окна, но он повернулся спиной к свету и лицо его я не смогла разглядеть. Лица других были довольно-таки коричневые, пони также коричневого цвета. Если у них и была одежда, то что-то обтягивающее, как детский вязанный костюмчик. Они были похожи на очень маленьких карликов или двухлетних детей. Я вздрогнула от удивления и громко воскликнула: «Господи, что это?» Видимо, это восклицание испугало их, потому что при звуке моего голоса все они промчались сквозь розовые кусты и поскакали вниз по аллее. Я слышала, как мягкий топот копыт стихает вдали, и все стояла там, пока не наступила полная тишина, а после вернулась в дом. Моя дочь, обладающая кое-каким спиритическим опытом, сказала мне: «Мама, ты такая бледная и испуганная! Что случилось? И с кем ты сейчас разговаривала во дворе?» Я ответила: «Я только что видела фейри верхом на конях!»

Крошечные лошадки фейри упоминаются несколькими авторами, и все же следует признать, что их присутствие существенно осложняет ситуацию и затрудняет ее понимание. Если есть лошади, почему нет собак? Мы оказываемся в новом, совершенно неизвестном измерении мира фейри. Я убедился в том, что имеются неоспоримые свидетельства, которые доказывают существование фейри, но мне никак не удается убедить себя в наличии у них домашних животных.

Нижеследующее письмо от знакомой мне юной леди из Канады, дочери одного из самых влиятельных жителей Монреаля, не лишено интереса благодаря прило-

женной фотографии, которую я воспроизвожу здесь. Она пишет:

«Прилагаемая фотография была сделана этим летом в Уотервилле, штат Нью-Хэмпшир, камерой «2А Брауни» (с портретным объективом)*. Снимала девочка одиннадцати лет по имени Альверда. Ее отец – человек деловой и здравомыслящий, большой любитель гольфа и игры в бильярд; мать увлекается японским искусством; никто из родителей никогда особо не интересовался психическими материями. Девочка болезненна и мечтательна, но очень мила и правдива.

Мать рассказала мне, что была вместе с девочкой, когда та сделала фотографию. Ребенку понравились грибы, и девочка опустилась на колени и сделала снимок. Это красные мухоморы *Amanita muscaria*, вполне обычного размера.

Ни мать, ни дочь не заметили фигурки, которая видна на снимке.

Двойной экспозиции не было. Проявленный негатив поразил их до глубины души. Родители клянутся, что фотография подлинная, но при этом теряются в догадках.

Считаете ли Вы, что все объясняется игрой света и тени и т.д.? Мне кажется, линия правого плеча и руки выделяется весьма отчетливо, так что одной светотени маловато для объяснения».

Я склонен согласиться с последним утверждением, но предоставляю читателю право самостоятельно решить этот вопрос, изучив фотографию. Вне всяких сомнений,

& ФОТОГРАФИЯ ИЗ КАНАДЫ &

по сравнению со снимками из Йоркшира эта фотография выглядит достаточно расплывчатой и неопределенной.

Похоже, Новую Зеландию можно назвать истинным средоточием фей, так как передо мной лежит еще одно письмо от дамы, проживающей на этих прекрасных островах. Письмо это не менее любопытное и доказательное, чем то, что было процитировано выше. Моя корреспондентка сообщает:

«Феи встречались мне по всей Новой Зеландии, особенно часто в поросших папоротником горных долинах Северного острова. Мои медиумические дарования начали развиваться в Окленде; в то время я проводила долгие часы в саду и чаще всего видела фей вечерами, сразу после захода солнца. Как подсказывают мои наблюдения, они либо живут, либо часто появляются возле многолетних растений. Мне доводилось видеть коричневых и зеленых фей – и те, и другие обладали тонкими прозрачными крыльями. Я нередко разговаривала с ними и просила их позаботиться о том, чтобы мои любимые растения и черенки, которые я сажала в саду, хорошо росли; уверена, так они и поступали, судя по результатам. С тех пор, как я поселилась в Сиднее, мне по-прежнему встречаются зеленые феи. Прошлой весной я решила устроить один эксперимент. В саду у меня растут нарциссы вида «фазаний глаз»*. Я видела, как вокруг них вьются феи. Когда одно из растений достигло половины обычного размера, я пересадила луковицу в горшочек и, отправившись ненадолго на отдых, взяла цветок с собой. Я попросила фей помочь цветку поскорее вырасти. Каждый вечер я внимательно

наблюдала за растением: на горшочке под цветком появлялась зеленая фея, иногда две или три; не знаю, что они делали с цветком ночью, но наутро я видела, что нарцисс заметно увеличился. Несмотря на пересадку и т.д., он расцвел на три недели раньше остальных нарциссов в саду. Сейчас я живу в рочдейлском кооперативе в Сиднее*; среди моих друзей есть как австралийцы, так и спиритуалисты, и все они с детства видели фей. Я убеждена, что животные также их видят. Феи появляются каждый вечер в маленьком нетронутым уголке сада, который мы оставили для них, а наш кот усаживается и внимательно наблюдает за феями, но не пытается напасть, как поступил бы с любимым другим движущимся предметом. Сведения, содержащиеся в этом письме, Вы можете использовать по своему усмотрению, если Вам это понадобится».

Еще одно интересное письмо прислала мне миссис Робертс из Данидина, чрезвычайно одаренная в психическом отношении женщина, с которой я познакомился во время путешествия по Австралии. Как и предыдущая корреспондентка, миссис Робертс обращает внимание на тесную связь между элементарными формами жизни и цветами и утверждает, что часто видела, как феи ухаживают за растениями в ее собственном саду.

Несколько историй о феях были получены из Ирландии; они кажутся совершенно правдивыми, хотя следует учитывать возможность определенных ошибок восприятия. Одно из этих писем, похоже, связывает царство фей со спиритическим общением. Автор письма, мисс Уинтер из Бларни, графство Корк, сообщает следующее:

«Несколько раз мы получали послания от фейри по имени Бебел, причем один из сеансов длился почти час. Послания были быстрыми и решительными, словно исходили от исключительно сильного духа. Он сообщил нам, что является лепреконом (мужчиной) и что разрушенную крепость, расположенную неподалеку, населяют пикси. В наших владениях с незапамятных времен обитают лепреконы во главе с королевой Писель, которая передвигается верхом на великолепной стрекозе; в наших землях они нашли все, что им нужно для жизни.

Бебел с большой любовью расспрашивал меня о моих маленьких внуках, часто посещающих нас, и позднее завел привычку общаться с ними: в такие моменты мы полностью уступали им стол* и только слушали, как они веселятся и шутят. Он рассказал моим внукам, что фейри без труда находят общий язык с кроликами, но не любят собак, потому что те вечно бросаются за ними вдогонку. Временами они забавляются с курицами и катаются на них верхом, хотя птицы эти им не нравятся, так как частенько «потешаются» над фейри. Когда он упомянул старую крепость, я сперва подумала, что речь идет о соседнем замке Бларни*; я рассказала об этом дочери фермера, чья семья очень давно живет в наших краях, и та сообщила, что домик рабочего в самом начале нашей улицы построен на развалинах древней крепости, о чем мы раньше и представления не имели».

К списку свидетелей следует прибавить еще несколько имен, хотя ими он далеко не исчерпывается. Мисс Холл из Бристоля пишет:

«ТАНЕЙ ФЕЙ». РИС. К. ШЕППЕРТОНА

(Иллюстрация к стихотворению А. Нойеса «Заговор феи»,
«Princess Mary's Gift Book», 1914)

«Я также видела фейри, но до сих пор не решалась заговорить об этом, опасаясь насмешек. Это случилось много лет назад. Я была тогда совсем ребенком, лет шести или семи от роду, но уже тогда, как и сейчас, я страстно любила цветы, которые казались мне живыми существами. В тот день я сидела посреди дороги, проходившей через кукурузные поля, и играла с маковыми цветами. Никогда не забуду своего громадного удивления, когда я внезапно увидела забавного маленького человечка – он принялся играть в прятки среди маков, как будто пытался меня развлечь. Он буквально летал в цветах, словно стрела. Я наблюдала за ним довольно долго, пока он наконец не исчез. Он показался мне веселой крошкой, но я никак не могу вспомнить его лицо. Цвета он был серовато-зеленого, с округлыми руками и ногами, похожими на стебли герани. Стройный, ростом примерно в три дюйма и, кажется, без одежды. Я часто надеялась вновь повстречать его, но больше ни разу его не видела».

Мистер Д. Фут Янг, известный лозоискатель, занимающийся розысками водных источников, сообщает:

«Несколько лет назад меня пригласили вместе с друзьями провести послеобеденные часы на восхитительных склонах Оксфордского холма в графстве Дорсет. Поскольку в этой местности нет ни деревьев, ни изгородей, вид с холма открывается прекрасный. Я прогуливался с приятелем, который живет поблизости. Мы немного отделились от остальных, как вдруг, к своему удивлению, я заметил несколько фигурок; сперва они

показались мне маленькими детьми. Их было около двадцати, все голоногие, одетые в короткие юбочки ярких расцветок. Они весело танцевали в правильном кругу, держась за руки и высоко поднимая руки над головой. Мы некоторое время стояли и глядели на них, как вдруг в мановение ока все они исчезли. Мой приятель объяснил мне, что то были фейри и что они часто устраивают в этом месте свои празднества. Должно быть, наше присутствие потревожило их».

Миссис Этель Инид Уилсон из Уортинга пишет:

«Я убеждена в существовании фейри. Конечно же, на самом деле это духи природы. Я часто видела, как в ясные солнечные дни они играли в море и катались на волнах, но никто из сопровождавших меня так и не сумел их разглядеть, за исключением одного случая, когда их увидели мои маленькие племянники и племянницы. Фейри напоминали маленьких кукол, совсем крошечных, с красивыми блестящими волосами, и они постоянно танцевали и носились вокруг нас».

Беседуя о фейри с миссис Роуз из Саутенда-он-Си, я услышал от нее следующее:

«Думаю, фей я видела всегда. Я все время вижу их прямо здесь, в кустарнике у берега моря. Они собираются вместе под деревьями или парят вокруг деревьев, а гномы приходят, чтобы их охранять. Гномы похожи на

маленьких старичков, у них миниатюрные зеленые шапочки, одежда чаще всего неброского зеленого цвета. Феи носят легкие накидки. Я также видела их у себя в оранжерее, где они порхали среди растений и цветов. Кажется, феи бесконечно заняты игрой и лишь иногда отдыхают на дерне или на ветвях деревьев. Однажды я видела группу гномов, стоявших друг у друга на плечах, подобно цирковым гимнастам. Они выглядели не менее живыми, чем я сама. Это отнюдь не вымысел. Я видела, как гномы устраивали нечто вроде моховой постели для фей, совсем как птицы, укладывающие спать своих птенцов. Я не слышала, чтобы гномы или феи издавали какие-то звуки, но они всегда выглядят счастливыми, словно веселятся всюю».

Мисс Эва Лонгботтом из Бристоля, очаровательная и слепая от рождения вокалистка (лицензиат Королевской музыкальной академии и ассоциат Королевского музыкального колледжа), рассказала нам в разговоре следующее:

«Мысленным взором (т.е. с помощью ясновидения) я видела множество фей. Они относятся к разным видам. Музыкальные феи, например, очень красивы. Я бы описала их словом «серебристость», потому что они напоминают серебро и у них такие нежные, серебристые голоса. Они поют и разговаривают, но скорее звуками, чем четко различимыми словами – таков их собственный язык, наречие фей. Их музыку мы не в силах воссоздать. Она существует сама по себе. Сомневаюсь, что Мендельсону действительно удалось передать ее дух, но музыка мис-

тера Кольриджа-Тэйлора* напоминает мне мелодии, которые я слышала от самих фей; его «баллады фейри» прелестны.

Есть и танцующие феи. Их танцы утонченны и полны изящества, это милые старинные танцы, в них нет никакой вычурности. Обычно я вижу фей, когда нахожусь в одиночестве, но не обязательно в лесу – их можно заметить в любом уголке, где царит поэтическая атмосфера. Они совершенно реальны.

Встречаются также феи поэзии. Они более эфирны по своему строению и окутаны оттенками фиолетового. Представьте себе Пердиту из «Сна в летнюю ночь»*, но не в сценическом костюме, а в облике настоящей феи, и вы получите достаточное представление о феях поэзии. У них прекрасный девичий характер. То же можно было бы сказать о Миранде*, но она более сентиментальна.

Весьма замечательны цветные феи. Только вообразите, что каждый цвет превратился в фею: это даст вам некоторое представление о том, как они выглядят. Это воздушные формы, они поют и танцуют соответственно тональностям своих цветов. Брауни я никогда не видела, поскольку домашняя сторона жизни фейри меня не слишком интересует.

В детстве я твердо считала, что феи существуют только в воображении, и мне никак не удавалось в них поверить, но лет в четырнадцать я начала их видеть, а теперь люблю всей душой. Вероятно, их привлекло то, что я так усердно занималась искусствами. Я ощущала симпатию к феям, они же в ответ дали мне почувствовать, что стали моими друзьями. У меня в жизни было много счастья и удач – быть может, в какой-то мере мне следует благодарить за это фей».

Последними примерами я обязан мистеру Джону Льюису, редактору «Psychic Gazette»*, собравшему эти сведения. Думается, мы имеем достаточно оснований заключить, что данные свидетельства, присоединенные к тем, что уже цитировались в статье о фейри, а также рассказам и фотографиям детей из Коттингли, позволяют вполне убедительно представить нашу точку зрения публике.

Глава VIII

Теософский взгляд на фейри

За исключением древнего учения, ныне называемого теософией, ни одна из известных мне религиозных или философских систем западного мира не отводит места для элементарных форм жизни. Поскольку мы привели некоторые независимые доказательства их существования, целесообразно будет всесторонне взвесить мнение теософов и рассудить, насколько оно соответствует тем фактам, что нам удалось собрать или продемонстрировать.

Никто не обладает большим правом рассуждать об этом предмете, чем мой соратник, мистер Э. Л. Гарднер: ведь он является не только первооткрывателем фейри, но и признанным авторитетом в области теософской мысли. Поэтому я с радостью включаю в книгу его заметки, посвященные данному вопросу.

«Коммерческий дух нашего времени», – пишет он, – «повинен в том, что факт существования фейри оказался отодвинут в тень и одна из самых восхитительных и очаровательных загадок естественных наук долгое время оставалась скрытой от нас. Двадцатый век сулит нам надежду на то, что мир наконец сумеет избавиться от самых мрачных теней прошлого. Быть может, неожиданная встреча с подлинными фотографиями очаровательных маленьких созданий, издавна сосланных в царство воображения и фантазий, станет для нас первым лучом этой надежды.

Итак, что представляют собой фейри?

В первую очередь, следует четко понимать, что все *доступное* фотографированию должно являться физическим телом. По природе вещей, ни один объект более тонкого свойства не может повлиять на чувствительную фотографическую пластинку. Так называемые спиритические фотографии, к примеру, подразумевают определенную степень материализации, прежде чем «форма» окажется в пределах досягаемости даже самой чувствительной эмульсии. При этом и в рамках нашей физической октавы существуют уровни плотности, недоступные для обычного человеческого зрения. Глаз человека не в силах разглядеть мириады звезд, что способна запечатлеть фотографическая камера; точно так же мы можем говорить о громадной совокупности живых существ, обладающих, с нашей точки зрения, настолько разреженным и тонким строением, что обычные органы чувств их попросту не воспринимают. Этих существ видят многие дети и медиумы, откуда и происходят наши легенды о фейри – основанные на реальных, а теперь и доказанных фактах!

Фейри обладают телами, чей уровень плотности можно, не прибегая к техническим терминам, описать как нечто более разреженное, чем газообразный объект. Будет в корне неправильно, однако, соответственно приписывать им бестелесность или нематериальность. В своем духе они столь же реальны, как и мы, причем на них возложены важные и крайне любопытные обязанности, связанные с жизненным циклом растений. Намекнем на одну из сторон их деятельности: многим читателям, полагаю, приходилось замечать, что цветы, за которыми ухаживает один человек, долгое время сох-

раняют свою свежесть и красоту, тогда как в ведении другого они живут относительно недолго. Объяснение связано с доброжелательной заботливостью первого и сравнительным равнодушием второго; эти эмоции остро ощущаются духами природы, под чьей непосредственной опекой находятся цветы. Поэтому любовь и нежность цветовода, воспринимаемые духами, немедленно отражаются на состоянии их подопечных.

В отличие от нас, феири не рождаются и не умирают, хотя и у них отмечаются периоды внешней активности и ухода от мира. Родственные скорее хорошо знакомым нам *lepidoptera* или отряду бабочек, нежели линии млекопитающих, они разделяют с первыми ряд вполне очевидных характеристик. Они не наделены или почти не обладают разумом и образом мышления как таковыми, но лишь веселой, беззаботной радостью жизни, которая так ярко подчеркивается их обворожительной ветреностью. Несомненно, крошечные человеческие формы, что они так часто принимают, полностью или по меньшей мере частично объясняются мощным влиянием человеческой мысли, сильнейшей творческой силы нашего цикла.

В ходе исследований в Йоркшире, Нью-Форест и Шотландии, я встречался со многими очевидцами и любителями феири, расспрашивал их и сравнивал их рассказы между собой. Должен отметить, что в большинстве случаев моя роль в публикации фотографий из Коттингли послужила мне наихудшей рекомендацией. Мало кто из числа поклонников феири отнесся к этому шагу благосклонно. Зато упреков, высказанных в самых недвусмысленных выражениях, было не счесть: фотографии вызывали откровенное негодование, о них гово-

рили как о незаконном вторжении и святотатстве. Лишь после долгих и искренних уверений в чистоте моих намерений я смог продвинуться в своих поисках и получить те сокровенные свидетельства, что были затем подвергнуты проверке, сравнивались между собой и взаимно дополнялись, пока не составили картину, которую я описываю ниже.

Роль духа природы в лесах, лугах или садах и в целом в развитии растительности состоит в обеспечении жизненно важного связующего звена между стимулирующей энергией солнца и грубой материей формы. Рост цветка, который мы считаем привычным и неизбежным результатом единения факторов солнца, семени и почвы, был бы невозможен при отсутствии крошечных строителей-фейри. Нам не извлечь музыку из органа, соединив воздух, нагнетаемый мехами, нотную запись композитора и сам инструмент – жизненно важную и столь необходимую связь между ними обеспечивает органист, пусть он и остается невидим; точно так же присутствие духов природы необходимо для развития растения.

ТЕЛО ФЕЙРИ. Тело гнома или феи в обычном состоянии лишено человеческой или любой иной четкой формы; этот факт объясняет многие неясности, связанные с царством духов природы в целом. В нормальном своем состоянии они не обладают определенной формой и могут быть описаны лишь как небольшие, туманные, чуть светящиеся облачка цвета с более ярким искрообразным ядром. Поэтому к ним, как к языку пламени, неприменимо понятие формы. В таком телесном облике они и исполняют свои обязанности,

действуя *внутри* растительной структуры. «Магнетизм» является единственным объяснением, применимым к способу их действия. Они мгновенно откликаются на любые стимулы и, насколько можно судить, подвержены влияниям как превалирующих внешних, физических условий, так и внутренних мыслительных побуждений. Оба этих воздействия в сумме определяют направление их деятельности. Некоторые, наиболее многочисленные, занимаются построением и организацией клеточной структуры; в человеческом облике такие феири сравнительно малы и рост их составляет от двух до трех дюймов. Другие остаются под землей и заботятся исключительно о развитии корней, в то время как третьим препоручена область цвета: они «раскрашивают» цветы, окутывая их своими облачными телами. Похоже, нет никаких признаков того, что труд индивидуальных феири обособлен или отделен от работы других. Все они, видимо, подвижны постоянно действующими и общими для всех влияниями, что заставляет предположить тот же тип инстинктивного побуждения, который мы видим у муравьев и пчел.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОБЛИК. Хотя духов природы следует фактически рассматривать как беспечных созданий, ведущих веселое, радостное и восхитительно свободное существование, в каждом из них, вероятно, периодически просыпается по крайней мере временная индивидуальность, доставляющая им немалое наслаждение. В благоприятных условиях они мгновенно принимают облик миниатюрного человечка, будь этот облик гротескным, как в случае брауни и гномов, или исполнен волшебной грации, как у воздушных фей.

Подобное состояние сохраняется на протяжении некоторого времени: совершенно очевидно, что определенность и сравнительная четкость формы приносит им колоссальное удовольствие. Но внутреннего строения, как можно было бы поспешно заключить, такая форма не имеет. Содержимое тела по-прежнему остается однородным, разве что несколько более плотным, причем «человеческая» форма обычно наблюдается у фейри лишь в свободные от работы часы. Принявший человеческий облик дух пребывает в активном движении – он прыгает, танцует и всем своим видом выражает радостный экстаз, словно этот облик приводит его в искренний восторг. Достаточно понятно, что метаморфозы духов связаны со временем отдыха и игр, пусть их работа и кажется не слишком тяжелой. Если духа в этот момент испугать или потревожить, он сразу принимает более тонкую форму магнитного облака, и это обратное превращение по своей внезапности сходно с переходом в человеческий облик. Неизвестно, чем именно определяется принимаемая форма и каким образом происходит трансформация. Можно предположить здесь влияние индивидуальной или коллективной человеческой мысли, и объяснение, вполне возможно, будет включать это влияние в качестве одного из факторов; но моя задача состоит не в теоретических рассуждениях, а в изложении результатов наблюдений. Ясно одно – форма природного духа объективна в том же смысле, в каком мы прилагаем это понятие к камню, дереву или человеческому телу.

КРЫЛЬЯ ФЕЙРИ. Такой характерный признак, как крылья, трудно представить себе в сочетании с руками.

В этом смысле наиболее близкой к фейри формой является тип насекомого с многочисленными конечностями и двумя или большим числом крыльев. Но крылья фейри лишены сочленений и перепонки и, более того, не используются для полета. Их крылья можно определить исключительно как «истечение эманаций». У некоторых видов, в особенности у сильфид, эти эманации окружают тело, подобно светящейся ауре, чьи волны образуют туманные перья. Мне рассказывали, что ранние и наиболее прилежно изготовленные головные уборы индейцев были вдохновлены эманациями сильфид и весьма их напоминают, хотя даже лучшие из них являются лишь бледными копиями оригиналов.

ПИЦА. Фейри не знают пицци, подобной нашей. Питание, как правило обильное и достаточное для поддержания жизни, поглощается непосредственно путем ритмичного дыхания или биения пульса. При необходимости восстановить свои силы, они время от времени прибегают к магнетическим ваннам. Они наслаждаются ароматом цветов, тогда как неприятные запахи, напротив, их отталкивают. Помимо робости, это одна из многих причин, по которым они обычно избегают человеческого общества: в нем для фейри слишком мало привлекательного и куда больше отвратительного.

РОЖДЕНИЕ, СМЕРТЬ, ПОЛ. Любая оценка продолжительности их жизни неизбежно окажется ошибочной, поскольку фейри нельзя сравнивать с людьми. У них нет рождения или смерти как таковых (в нашем понимании этих терминов), но лишь постепенное проявление

и возвращение к более тонкому состоянию бытия. Этот процесс занимает определенное время – вероятно, годы в приложении к некоторым видам – тогда как их жизнь на более плотном уровне, соответствующем нашему периоду зрелости, может быть сравнима с продолжительностью жизни среднего человека. В связи с этими вопросами, однако, мы не можем сказать ничего определенного, а только отметить факт *постепенного* проявления и возвращения в тонкое состояние. Половые различия, в нашем понимании, у них также отсутствуют, хотя, насколько я могу судить, «тела» их способны к многократному делению, причем происходит это на весьма тонком уровне, недоступном для нашего восприятия. Данный процесс, по всей видимости, соответствует почкованию и клеточному делению у известных нам простейших животных, с той разницей, что в конце цикла отдельные части сплавляются или собираются воедино, образуя более сложную единицу.

РЕЧЬ И ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ. Духи природы ниже уровня силфид не владеют или почти не владеют языком слов. Общение с ними возможно с помощью голосовых модуляций и жестов, что во многом напоминает общение с домашними животными. И в самом деле, человек соотносится с низшими духами природы примерно так же, как с котятами, щенками и птицами. В то же время, многочисленные свидетельства указывают на наличие у них тонального языка звуков. Среди них распространена игра на волынках и флейтах, хотя на слух человека музыка их кажется весьма причудливой – мне не удалось окончательно определить, является ли источником звука инструмент или голос. У духов выс-

ших разрядов эмоциональное развитие сочетается с ментальным, что делает возможным речевое общение. К человечеству в целом они относятся скорее недружелюбно и зачастую враждебно – вероятно, это вызвано нашим полнейшим непониманием тонкостей обходительного поведения. Я начинаю прозревать смысл и цель во «всесождениях» давних времен*. Загрязнение воздуха ненавистно для сильфид и приводит их в ужас. Однажды в беседе о прелестных воздушных созданиях и их труде мне вспомнилось древнее изречение: «Агни (Огонь) – уста богов!» Наши санитарные привычки и погребальные обряды, несомненно, оставляют еще желать лучшего! Один пок-лонник фейри радостно заявил мне: «Как же! Сильфид вам ни за что не сфотографировать – они слишком много о вас знают!» Но если нам удастся установить с ними дружеские отношения, многое окажется для нас доступно, стоит только захотеть!

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ. Препарирование и изучение растительных форм под микроскопом, с какой бы тщательностью ни проводились подобные исследования, остается лишь анализом *следствий*. Таким способом не найти *причин* – ведь при рассечении статуи мы нигде не обнаружим скульптора. Удивительное искусство, явленное в растительном царстве и связанное с формированием, видоизменением и украшением растений, требует труда рабочего, механика и художника. Признав, что эти обязанности исполняют духи природы, мы сможем заполнить туманный пробел между солнечной энергией и исходным материалом. В то время как два куска древесины, соединенные гвоздями,

тотчас указывают нам на дело человеческих рук, мы с привычным изумлением и восторгом созерцаем изысканные формы растительного царства и лишь невнятно ссылаемся, в зависимости от наших взглядов, на «эволюционные процессы» или «длань Божию». Если в нашем мире необходимо связующее звено, оно обязательно должно присутствовать и в царстве растений.

СПОСОБ РАБОТЫ. Мастерство элементарного духа, связующего вместе процессы растительной жизни, без сомнения найдет отголосок в сердце каждого любителя природы, который когда-либо задумывался о закономерностях царства растений. Вывод, пусть и достаточно простой, мы нередко сделать не в состоянии, хотя опыт человеческого труда подсказывает нам очевидную аналогию. Но существуют и определенные различия, поскольку сокрытая работа духов природы во многом составляет полную противоположность нашей. В нашем физическом мире мы работаем с помощью рук и инструментов, причем имеем дело с внешней стороной объектов, обрабатывая и используя поверхность материалов. Прибавление и накопление составляют суть нашего строительного метода. Такими мы созданы, и таков характерный для нас подход к работе. Духи природы работают изнутри, их воздействие направлено из центра вовне. Цель их, похоже, состоит в достижении теснейшей связи с окружением, и потому их деятельность управляется настоящей потребностью наилучшим образом использовать имеющиеся средства. Многообразие природы легко представить результатом этих неустанных усилий по организации средств, находящихся в распоряжении природных духов, которые с

помощью бесчисленных методов добиваются наиболее гармоничной связи с окружением. Краски цветов, мимикрия, сохранение и распространение семян, меры нападения и защиты – тысяча и один способ достичь поставленной цели, вот доказательство наличия разума, действующего через посредников, которые на собственном уровне вступают друг с другом в более или менее антагонистические отношения. Разнообразие и различия так же присущи им, как и человечеству: именно это многообразие форм и обычаев дарит нам столь плодотворный опыт. Возделывая землю и культивируя растения для наших собственных нужд, мы неосознанно трудимся бок о бок с фейри. Самостоятельные усилия духов природы, действующих *без* нашей помощи, порождают лишь дикие цветы и ягоды наших лесов и лугов, в то время как их *сотрудничество* с человеком создает непредставимое богатство культурных злаков, цветов и плодов.

СОЗНАНИЕ РАСТЕНИЙ. Взаимодействие духов природы с сознанием, пронизывающим растительное царство, также представляет собой интересную тему для размышлений, ибо они, как кажется, существуют совершенно раздельно. Их взаимоотношения можно уподобить, соответственно, роли экипажа и пассажиров на судне. Дремлющее или в лучшем случае медленно пробуждающееся сознание растения делает его праздным пассажиром, не более, в то время как духи природы, бодрствующие и деятельные, направляют корабль и держат его на плаву. Путешествие по растительному царству означает рост и развитие и для тех, и для других.

БУДУЩЕЕ. Разумное понимание жизни «маленького народца» и установление с ним добрососедских отношений открывает перед нами весьма заманчивые перспективы. Отринув тьму, мы сможем жить при ярком свете солнца. Простым примером такого сотрудничества может стать воздействие любителя цветов на своих подопечных. Дух природы отзывается на искреннее чувство и расцветает, ощутив доброжелательное внимание и заботу. Не могу сказать, относится ли это исключительно к тем их видам, что связаны с цветами и фруктами, но к ним относится безусловно, и разумная направленность наших усилий, в отличие от былой надежды на эмпирический случай, заставляет воображение рисовать впереди самые грандиозные возможности.

Пробужденное самосознание человечества, сила и решительность мысли в сочетании с добрыми чувствами и деяниями, быть может, позволят нам искупить вековечный долг. Мы неосознанно разделяли эволюционные усилия духов природы, но теперь, полностью сознавая происходящее, мы можем достичь разумного и выгодного сотрудничества – и тогда совместный труд во имя общего блага придет на смену безотчетным экспериментам и слепому эгоизму».

Э. Л. Г.

В теософской литературе, насколько мне известно, наиболее подробные страницы об элементарных силах природы принадлежат епископу Ледбитеру, с которым я познакомился во время путешествия в Австралию; я был глубоко впечатлен его благородной внешностью, аскетическими привычками и замечательными способностями к ясновидению, открывшими ему, как он утверждает, не-

мало тайн. В своем сочинении «Скрытая сторона вещей» он детально описывает фейри различных земель.

В частности, многие свидетели рассказывают о крошечных созданиях, занятых уходом за цветами; духовидец говорит о них следующее:

«Маленькие создания, заботящиеся о цветах, могут быть разделены на два основных класса, хотя в каждый их них входит немалое количество видов. Первый состоит из истинных элементарей: хоть они и прекрасны, но все же представляют собой лишь мыслительные формы и потому в действительности не могут считаться живыми существами. Возможно, мне скорее стоило бы назвать их временно живыми существами – на протяжении своего краткого бытия они и в самом деле весьма деятельны и активны, однако не несут в себе развивающейся и возрождающейся жизни и, выполнив свою задачу, распадаются на части и растворяются в окружающей атмосфере в точности как наши мыслительные формы. Это мыслеформы Высших Существ или ангелов, ведающих эволюцией растительного мира.

Когда у какого-либо Высшего Существа возникает новый помысел, связанный с одним из подопечных растений или цветков, оно часто создает мыслеформу, предназначенную для воплощения в жизнь этой идеи. Как правило, такая мыслеформа принимает вид эфирной модели цветка или крошечного создания, которое ухаживает за растением или цветком во время формирования почек и постепенно выстраивает облик и окраску будущего цветка либо растения в соответствии с замыслом ангела. Но как только деревце вырастает или цветок раскрывает лепестки, работа такого создания завершается, силы его иссякают и оно, как я уже говорил, по-

просту распадается, ибо желание выполнить работу было единственной имевшейся у него формой души.

Существуют и совсем другие маленькие создания; люди частенько видят, как они играют среди цветов, и на сей раз речь идет о подлинных духах природы. Они также разделяются на множество видов. Одна из наиболее часто встречающихся форм, как я говорил выше, очень напоминает колибри и часто с жужжанием кружится вокруг цветов, как собственно колибри или пчела. Эти восхитительные маленькие создания никогда не уподобятся человеку, потому что относятся к совершенно иной эволюционной ветви. Жизнь, ныне текущая в их телах, ранее пребывала в растительном царстве и всходила травами и злаками, например пшеницей и овсом, затем перешла в царство животных и влилась в муравьев и пчел. Теперь она достигла уровня этих крошечных духов природы, а на следующем этапе одухотворит эфирные тела прекрасных фей, живущих на поверхности земли. Затем они станут саламандрами, или духами огня, позднее сильфидами, или духами воздуха, у которых вместо эфирных имеются лишь астральные тела. Еще позднее они испытают различные метаморфозы в великом царстве ангелов».

Говоря о характерных особенностях фейри тех или иных земель, епископ Ледбитер утверждает с уверенностью очевидца:

«Нет большего контраста, чем между оживленными, озорными, оранжево-пурпурными или багряно-золотыми феями, танцующими среди виноградников Сицилии, и теми серо-зелеными, чуть ли не тоскливыми создани-

ями, что задумчиво бродят среди дубов и поросших дроком пустошей Бретани, или золотисто-коричневым «добрым народцем», обитающим на шотландских холмах.

В Англии, по всей видимости, наиболее распространен изумрудно-зеленый вид, который встречался мне также в лесах Франции и Бельгии, в далеком Массачусетсе и на берегах реки Ниагары. Бесконечные равнины Дакоты населены черно-белой разновидностью, с которой я больше нигде не сталкивался, а Калифорния может похвастаться прелестными бело-золотыми феями, также обитающими лишь в этих местах.

В Австралии наиболее часто встречается весьма примечательное создание, сияющее чудесными оттенками небесно-голубого цвета; налицо, тем не менее, заметные различия между эфирными обитателями Нового Южного Уэльса или Виктории и тропиков Северного Квинсленда. Последние имеют большое сходство с феями Голландской Ост-Индии. Ява, как кажется, особенно богата этими грациозными созданиями; обитающие там феи делятся на два резко выраженных вида, причем оба они монохромны. Один из них темно-синий с чуть заметным металлическим отблеском, другой представляет собой настоящий этюд в желтых тонах, блистающий всеми известными оттенками цвета – порой самыми причудливыми, но на удивление гармоничными и привлекательными.

Еще один местный вид опоясан кричащими полосами зеленого и желтого, точно футбольная фуфайка. Возможно, полосатый народец характерен именно для этой части света, поскольку мне доводилось видеть красно-желтых полосатых фей на Малайском полуостро-

ве и зелено-белых по другую сторону пролива, на Суматре. Этот громадный остров может похвалиться чудесным племенем фей бледно-лилового цвета: подобных им я ранее встречал лишь на холмах Цейлона. Южнее, в Новой Зеландии, преобладает темно-синяя окраска с серебристыми прожилками, в то время как на островах Океании встречается серебристо-белая разновидность, которая переливается всеми цветами радуги, словно фигурка из перламутра.

В Индии наблюдаются всевозможные виды, от нежно-розовых с зеленоватым отливом или бледно-голубых с оттенком лимонного фей, обитающих в холмистой местности, и до фей равнин с характерным для них богатым смешением великолепных блестящих красок, почти варварских по своей насыщенности и яркости. В некоторых местах этой изумительной страны я встречал черно-золотых фей, которых можно чаще увидеть в африканской пустыне, а также разновидность, напоминающую статуэтку из блестящего темно-красного металла, похожего на орихалк атлантов*.

Последняя разновидность обнаруживает некоторое сходство с любопытным видом, который кажется отлитым из бронзы и отполированным до блеска; похоже, эти создания избрали своим домом окрестности вулканов, так как до сих пор их видели лишь на склонах Везувия и Этны, во внутренних областях Явы, на Сандвичевых островах, в Йеллоустоунском парке в Северной Америке и в некоторых районах Северного острова Новой Зеландии. Определенные признаки позволяют заключить, что это выжившие представители примитивного типа, являющиеся своего рода переходным звеном между гномом и феей.

В некоторых случаях области, расположенные в непосредственной близости друг от друга, оказываются населены совершенно различными классами духов природы; к примеру, как уже указывалось, для Бельгии характерны изумрудно-зеленые феи, тогда как всего в сотне миль к северу, в Голландии, трудно встретить хотя бы одну из них, а их место занимают степенные темно-фиолетовые создания».

Очень интересен рассказ об ирландских фейри. Говоря об одном из священных холмов Ирландии, автор замечает:

«Приведу любопытный факт: их расселение, похоже, зависит от высоты над уровнем моря, и горные виды почти никогда не пересекаются с равнинными. Хорошо помню, как при подъеме на Сливнамон, один из ирландских холмов, который традиционно считается священным*, я заметил четкие разделительные линии между местами обитания различных типов. Нижняя часть склона, как и окружающая равнина, была населена чрезвычайно деятельным и озорным мелким народцем красно-черного цвета, которым кишит весь юг и запад Ирландии – их особенно привлекают магнетические центры, созданные почти две тысячи лет назад волшебством жрецов древней милезианской расы*, дабы укрепить и сохранить власть над людьми, держа их в плену великой иллюзии. После получаса восхождения, однако, все эти красно-черные сельские дворяне окончательно пропали из виду, тогда как на склонах появилось множество представителей более кроткого, голубовато-

коричневого вида, с давних пор хранящего верность Туата Де Дананн*.

У них имеется своя зона обитания с четко очерченными пределами, и ни один из природных духов какого бы то ни было вида не осмеливается нарушить границы пространства, окружающего вершину, священную обитель великих зеленых ангелов, которые уже более двух тысяч лет охраняют один из центров животворящей силы, связывающей воедино прошлое и будущее в мистической стране Эрин*. Эти огромные фигуры, что превосходят ростом самого высокого человека, цветом подобные первым зеленым росткам весны, нежным, блестящим, мерцающим, неописуемым, смотрят на мир своими чудесными глазами, сияющими как звезды, глядят умиротворенным взором созданий, живущих в вечности, что со спокойной уверенностью знания ожидают назначенного часа. Тот, кому судьба даровала подобное зрелище, полностью осознает всю силу и важность скрытой стороны вещей».

Читателю, желающему более подробно ознакомиться с книгой, я рекомендую обратиться к оригинальному изданию, выпущенному «Theosophical Publishing House». Это сочинение – кладезь знаний, касающихся всех оккультных материй, а изложенные в нем сведения о фейри без сомнения соответствуют тем, что были получены из других источников.

Я изложил читателю все обстоятельства дела, связанного с пятью удивительными фотографиями из Коттингли. Я также привел отчет ясновидящего, который сопро-

вождал девочек во время третьей и безуспешной попытки получить новые фотографии. Я рассмотрел некоторые критические замечания, с которыми нам пришлось столкнуться. Я предоставил читателю возможность самостоятельно оценить значительное число свидетельств о предполагаемых встречах с феями, собранных как до, так и после происшествия в Коттингли. В заключение, я также ознакомил читателя с общей теорией, описывающей роль этих существ в строении мироздания – теорией, предложенной единственной системой мысли, где нашлось для них место. Прочитав и взвесив все соображения, исследователь окажется в таком же положении, что и мистер Гарднер или я сам, и на основе имеющихся сведений должен будет вынести собственный вердикт. Лично я не стану утверждать, что доказательства столь же убедительны, как в случае спиритуалистических феноменов. В вопросе о феях, однако, нам не удастся получить подтверждение нашей правоты от лучших умов научного мира, сравнимых с Круксом*, Лоджем и Ломброзо*. Но и это может когда-нибудь произойти, а в настоящее время, приветствуя новые свидетельства, мы можем смело сказать, что собранных сведений достаточно, чтобы убедить любого разумного человека в том, что загадка фей не может быть сброшена со счетов и что все критические залпы до сих пор не смогли нанести нашим доводам сколь-нибудь заметный урон. Подобную критику также нельзя не учитывать, пока она остается искренней и честной; напротив, ее должны лишь приветствовать те, чьей единственной целью является бесстрашный поиск истины.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ФЕЯМ

**Британский фольклор и «Пришествие фей»
А. Конан Дойля**

Представьте себе немолодую уже даму, которая едет на паломничество в Кентербери вместе с другими конными пилигримами. Ее платье ниспадает тяжелыми складками, из-под которых нет-нет да и покажется ножка в красном чулке (дама схоронила пятерых мужей, но не прочь в шестой раз пойти под венец!). Рядом с веселой кумушкой скачут рыцарь с оруженосцем, аббатиса и нищий студиозус, балагур-мельник и мрачный мажордом. Чтобы скоротать время в дороге, путники рассказывают истории, каждый на свой лад. Доходит очередь и до нашей героини. Она начинает так:

Когда-то, много лет тому назад,
В дни короля Артура (говорят
О нем и ныне бритты с уваженьем),
По всей стране звучало эльфов пенье;
Фей королева со своею свитой,
Венками и гирляндами увитой,
В лесах водила эльфов хоровод
(По крайней мере, верил так народ).
Чрез сотни лет теперь совсем не то,
И эльфов не увидит уж никто*.

* Пер. И. Кашкина и О. Румера.

Да, именно эти слова произносит Батская ткачиха в поэме Джеффри Чосера «Кентерберийские Рассказы», написанной в конце XIV века. Но если чосеровские персонажи жаловались на отсутствие фей, то каково же приходилось англичанам викторианской и эдвардианской эпохи? С одной стороны, они стали свидетелями беспрецедентного прогресса, открытий во всех сферах науки, успешной борьбы за политические права женщин. Но в этом «дивном новом мире» места для древних поверий оставалось все меньше и меньше.

В середине XIX века на жалобу распутницы-ткачихи отзывается скромная гувернантка Джен Эйр: «Маленькие человечки в зеленом покинули Англию лет сто назад <...> И теперь ни в Хэе, ни в окрестных селах не осталось от них и следа. Я думаю, что ни летняя, ни осенняя, ни зимняя луна больше никогда не озарит их игр». Слушая сказки своей нянюшки Тэбби Эйкройд, Шарлотта Бронте полюбила английский фольклор и не раз вспоминала его на страницах своих романов. Сказки были достойны того, чтобы сохранить их, пусть и в отчасти видоизмененной форме. Ностальгия по волшебному миру, желание удержать хотя бы те крохи, которые от него остались, вдохновляли и ее современников – этнографов и собирателей фольклора. «Почти вышли из употребления», «уже мало кто верит», «последние остатки» – этими выражениями пестрят предисловия к сборникам примет и суеверий.

Но постойте! Выходит, что в какой-то момент в прошлом («во времена короля Артура», «лет сто назад», когда-то еще) Британские острова действительно кишели фольклорными существами — если не в реальности, то хотя бы в народном воображении? Славное было время! По отношению к викторианству, Средние века выступают той самой романтической, исполненной

РИЧАРД ДОЙЛЬ. «КОЛЕСНИЦА БАБОЧЕК»

волшебства эпохой. Но и тогда, как показывает Чосер, фейри «отселяли» в еще более глубокую старину. Английский критик XX века Рэймонд Уильямс сравнил вектор ностальгии с движущимся эскалатором, который уносит «добрые старые денечки» тем дальше от нас, чем ближе мы к ним подбираемся. Когда кажется, что мы уже готовы ступить на твердь, вместо нее возникает еще одна движущаяся вниз ступень, и еще одна, и еще. Волшебное прошлое отъезжает вдаль, унося с собой пляски фейри на залитых луною лугах. Тем не менее, ностальгия по волшебству была направлена не только в прошлое, но и будущее, о чем, среди всего прочего, свидетельствует «Пришествие фей» Артура Конан Дойля. Среди панихиды по традиционной культуре то и дело пробивались голоса, уверявшие, что в будущем чудес станет больше, а верования о фейри переродятся и выйдут на новый уровень восприятия. Чтобы лучше понять предпосылки общественной реакции на фотографии из Коттингли и контекст, в котором создавалось «Пришествие фей», следует ознакомиться как с возникновением ностальгии по фейри, так и с ее объектом.

Из предисловий к фольклорным сборникам XIX века напрашивается вывод, что исчезновение традиционной культуры вообще и фейри в частности является следствием индустриальной революции вкупе с быстротечной урбанизацией. Однако удар по народным поверьям был нанесен гораздо раньше. После Реформации в опалу попали не только католические монастыри и латинская месса, но и любые обряды, на которые можно было навесить ярлык «папистские». Например, прежде на Сретение (Candlemas) принято было освящать свечи. После прихожане зажигали их во время торжественной процессии – отсюда и наз-

вание праздника. Этот обычай, как и многие другие, был упразднен. То же касается Великого Поста, во время которого католикам предписывалось воздерживаться от мяса. После установления протестантизма, пост стал личным выбором каждого. Попытку запретить употребление мяса во время Великого Поста предприняла королева Елизавета I, хотя религиозное рвение тут не при чем. Таким авторитарным способом королева хотела поддержать рыболовные промыслы. Ее затея не прижилась, и все вернулось на круги своя. Христианам следовало смирять страсти и молиться, диета же была делом вторичным. Вместе с тем, Жирный Вторник, когда христиане наедались перед затяжным периодом воздержания, утратил свой первоначальный смысл. Веселье пошло на спад.

Интересно, что близость католичества к фейри подчеркивает еще Чосер — сразу после изгнания фей из Англии их место занимают монахи, так что девицам нужно опасаться уже иных распутников:

Теперь и женщины с приходом тьмы
Без страха ночью по дорогам ходят:
Не инкубы – монахи в рощах бродят.

Занимая место «инкуба», монах принимает на себя и функции последнего — получается эдакий гибрид организованной религии и язычества. В гораздо более положительном свете католические священники представляли в фольклоре. Так, встреча с пастором — возможно, из-за его связи с похоронами — считалась несчастливой как для охотников, так и для рыбаков. Повстречав священнослужителя, последние возвращались домой или отказывались выходить в море. Тем не менее, рыбаки с острова Мэн делали исключение

для католических священников. Встреча с ними не грозила бедой, в отличие от столкновения с пастором-протестантом. Считалось, что католики лучше управляют с нечистой силой, так что рядом с ними безопаснее.

Общественная элита была менее терпима. Ассоциации как народных суеверий с католичеством, так и наоборот, католичества с верой в магию, продержались до XIX века. Уже позже католическое прошлое начали воспевать как эпоху рыцарства, а до того, даже во второй половине столетия XVIII-го, отношение к до-реформационной Англии оставалось негативным. По словам ранней феминистки Мэри Уолстонкрафт, отреагировавшей на речь Эдмунда Берка в защиту католичества в революционной Франции, английское прошлое было ни чем иным, как «бесполезным гобеленом, украшавшим грудь готических обломков, и гудящим колоколом, что сзывал на молитвы жирных попов». По мнению как консервативных, так и либеральных деятелей, католичество выступало тем единственным, что отделяло просвещенную Англию от дебрей язычества, будучи при этом наполовину языческим. Английский поэт XVII века Роберт Геррик напрямую связал «старую веру» с религией фейри в шуточном стихотворении «Храм Фейри, или Часовня Оберона». Во время воображаемой экскурсии по эльфийской часовенке, поэт замечает высушенных насекомых, установленных в нишах на манер статуй святых. Как объясняет Геррик, религия фейри смешанная – «наполовину языческая, наполовину папистская». Вопрос о взаимосвязи католичества с язычеством приобретал особенную остроту, когда дело касалось «ирландского вопроса». В своих тирадах противники ирландской независимости выставляли со-

седний остров чем-то вроде живого анахронизма, а его жителей – невеждами, не умеющими отличить истины от вымысла, веры в триединого Бога от небылиц о фейри.

К язычеству Реформация была не менее сурова. Под запрет попали не только католические обряды, но и «языческие суеверия», в частности майский шест. От его откровенно неприличного вида пуритане приходили в ярость, а пляски вокруг майского шеста казались им подобием вакханалии. Народные танцы и музыка в одночасье стали возмутительными, народная магия – служением Сатане, за которое можно было поплатиться жизнью. Новый порядок затронул даже баллады. В середине XVI века Церковь осудила издание баллад и популярных песен. Сборники скабрёзных песенок следовало сжигать по обнаружении. Другой подход заключался в использовании известных мелодий в целях пропаганды: «неприличные» баллады переписывали, под знакомый мотив подгоняли благонамеренные строчки – и свежий гимн готов! Старый посыл баллад заменяли новым, религиозным, почти так же, как некогда католическая церковь привязывала новые христианские праздники к языческим.

Отношение к фейри среди ярых приверженцев новой веры было сугубо отрицательным и формировалось по принципу «кто не с нами, тот против нас». В мире, четко поделенном на черное и белое, дьяволово и Божье, положение фейри изменилось. Хотя во многих традициях происхождение фейри связано с падшими ангелами, низвергнутыми на землю, это генеалогическое древо далеко не единственное. Как скандинавские, так и английские легенды величают их «немытыми детьми Евы», которых праматерь спрятала от Бога, внезапно нанесшего ей визит. Ева попросту не

НИЛЬС БЛОММЕР. «ЛУГОВЫЕ ФЕИ»

успела выкупать свое многочисленное потомство, так что устыдилась и убрала грязных ребятишек с глаз долой. В то время как чистые дети получили благословение, чумазые остались ни с чем. А раз уж они оказались недостойны Божьего взора, то остались сокрытыми навеки. Но хотя в ирландской сказке фейри спрашивают у священника о своих шансах на Спасение и получают отрицательный ответ, они все же не прокляты, просто не благословлены. Фейри населяют лиминальное пространство, балансируя на стыке черного и белого, там, где четко разграниченные цвета сливаются в серый (или уж каким-то невероятным образом превращаются в зеленый).

В балладе о Томасе Рифмаче королева фей повествует о трех дорогах: одна из них, самая приятная с виду, на самом деле ведет в ад. Другая, заросшая терниями, бежит к райским вратам, да только мало кто ее выбирает. Но есть и третья дорога – та самая, что уводит в Волшебную Страну. Таким образом, мир фей оказывается альтернативным по отношению к обеим христианским парадигмам. Это не добро и не зло в теологическом понимании. Волшебный мир существует сам по себе, дразнит и завораживает своей неопределенностью. Именно на этой, третьей дороге, рьяные пуритане поставили кордон. Всем прохожим было велено выбирать одну из двух оставшихся.

Фей, вместе с призраками и ведьмами, насильно присоединили к свите Сатаны. Среди бумаг в приходе Лэмплаг (Камбрия) был обнаружен реестр смертей за период с 1658 по 1663 год. Помимо других, более банальных причин смерти, там значилось:

До смерти напуганы фейри – 3 человека
Околдованы – 4 человека

Утоплены по подозрению в колдовстве – 3 человека
Заведен в пруд блуждающим огоньком – 1 человек

Возможно, клерк таким образом скрашивал скучные часы, занятые подсчетом смертей от дифтерии и родильной горячки. Однако не менее вероятно, что сверхъестественные причины смерти также принимались на веру. Поскольку фольклорные существа обрели демонические черты, общение с ними приравнивалось к колдовству. Так, в 1576 году в колдовстве обвинили англичанку Бесси Данлоп, а в 1588 году по такому же обвинению осудили Элисон Пирсон. Обе женщины дали показания, что принимали помощь от фейри и несколько раз встречались с королевой фей. Хотя обвиняемые утверждали, что использовали свои способности исключительно на благо общины, обеих сожгли на костре.

Период со второй половины XVI до середины XVII века стал эпохой активной охоты на ведьм в Англии и Шотландии. В то время как Церковь насаждала суровые постулаты веры, простой люд рад был свести счеты с недругами, отомстить за старинные обиды, проучить заносчивых соседей. Показательной в этом отношении является история Анны Гюнтер, которая в 1604 году заявила о своей одержимости нечистым духом. С девушкой случались припадки, она теряла слух и зрение, голодала неделями, кидалась на родню, и, что страшнее всего, сотнями изрыгала булавки. В своих несчастьях Анна обвинила трех соседок, однако в ходе затяжного процесса выяснилось, что против них девушку настраивал ее отец, Брайан Гюнтер. За несколько лет до того, во время игры в мяч, он пырнул ножом родственников одной из обвиняемых, и между семьями началась война. Чтобы нанести удар соседям, Гюн-

тер использовал родную дочь – заставлял ее вдыхать дым от горящей серы, избивал ее и втыкал в нее булавки. Запуганная Анна не смела никому рассказать, что творится у нее дома. Конфликты между односельчанами были первопричиной и многих других ведовских процессов. Воистину, вред от фольклорных существ не может сравниться с тем злом, которое способен причинить сосед через дорогу.

За религиозной революцией последовала еще одна, научно-техническая, которая нанесла традиционным верованиям сокрушительный удар. Мир уподобился часам, некогда заведенным Богом-механиком. Мерное тиканье заглушило песни фей. Новое рациональное мышление не оставило места для волшебства. В эпоху Просвещения отпала необходимость запрещать обряды и верования на законодательном уровне. Достаточно было высмеять их как удел глупцов. Отношение к суевериям напоминало реакцию седовласого ученого мужа, нашедшего свою детскую погремушку – иногда смущение пополам со снисходительностью, порой откровенная насмешка. Рациональному субъекту не должно возиться с игрушками и слушать сказки. Он обязан стремиться к развитию интеллекта, познанию окружающего мира, накоплению капитала.

Эти предписания распространились и на детей, которых, по мнению историка Филиппа Арьеса, еще недавно считали «маленькими взрослыми», отличными от своих родителей разве что ростом. Негативное отношение к роли сказок в воспитании юного поколения заметно, например, в трудах Марии Эджворт, писательницы конца XVIII-начала XIX века. В современной ей Англии влияние «низкой» культуры на элитную было по-прежнему сильно. Посредниками между селом и городом, между простонародьем и обособлен-

РИЧАРД ДОЙЛЬ. «МУХОМОРЫ И ХОРОВОДЫ ФЕЙ»

ным средним классом, являлись слуги. Няньки рассказывали детям сказки, которые сами когда-то слушали на коленях у матери – о фейри, о боггартах, о черных призрачных псах. Педагогов, даже таких либеральных, как Мэри Уолстонкрафт, смущала столь тесная близость прислуги к детям. Что если няньки и горничные привьют маленьким господам дурные, грязные привычки? Раствление могло быть не только физическим, но и духовным. Сказки, по мнению просвещенных педагогов, будоражили детское воображение, не затрагивая интеллект. Позаимствовав метафору у Эджворт, их действие можно сравнить с ломтем хлеба, густо посыпанным сахаром, который нянька тайком приносит в детскую – пользы для организма никакой, только чувственное наслаждение. Для воспитания маленьких стойков небылицы про фейри не годились, следовало заменить их более прагматичными историями. Так Мария Эджворт и поступила в сборнике рассказов «Помощник родителя» (1796). Традиционные сказочные мотивы здесь трактуются в более практическом ключе: фея-крестная не наградит сироток чудесным подарком, но научит их навыкам, необходимым, чтобы самостоятельно зарабатывать на жизнь. Суевериями же довольствуются только неудачники: «Тот, кто наименее уверен в собственных силах и не надеется добиться успеха своим трудом, всегда наиболее склонен верить гадалкам. Он рассчитывает не заработать, но получить даром. Не доверяя тем, чьими устами говорит здравый смысл, он полагается на тех, кто городит вздор».

Насмешливое отношение к суевериям сквозит в сборниках сказок конца XVIII – первой половины XIX века. Как образец жанра можно рассмотреть «Волшебные легенды и традиции юга Ирландии» Томаса

Крофтона Крокера, опубликованные в 1825-1827 годах. В предисловии и комментариях Крокера встречаются сентенции вроде «Дайте ему [ирландцу] вдоволь спиртного, и он бросит вызов самому дьяволу!» или «на фейри частенько сваливают ответственность за последствия чрезмерно усердного служения Вакху». Создается впечатление, что комментатор едва сдерживает улыбку, пересказывая все эти странные байки своим высокообразованным читателям, которые тоже прыскают в кулак. Впоследствии Уильям Батлер Йейтс раскритиковал Крокера за излишнюю «юморизацию» собранного материала и отношение к ирландцам как к забавным, немного глуповатым, но в целом безобидным чужакам. Ирландская суеверность стала распространенным стереотипом, причем далеко не всегда ее воспринимали со снисходительной усмешкой. Из-за веры в чудеса ирландцев уподобляли детям или древним старикам – т.е. тем категориям населения, которые требуют заботы со стороны людей взрослых и рациональных. Следовательно, о независимости Ирландии не могло быть и речи. Как пишет Джозефина МакДонаг в исследовании «Детоубийство и британская культура», даже в конце XIX века вера в фейри считалась достаточным доводом для надзора за ирландцами: в противном случае, этот «суеверный» народ примется убивать собственных детей, принимая их за волшебных подменшей.

Немецкий социолог Макс Вебер связал рост капитализма с «протестантской этикой», частью которой стала рационализация жизни и упрощение религиозных ритуалов. Процесс, зародившийся во времена Реформации и ускорившийся в эпоху Просвещения, он называл «расколдовыванием мира». Как следствие, вера в сверхъестественное была ослаблена, а магия по-

ТОМАС МЭЙБЕНК. «ДВОР ФЕЙ»

всеместно утратила свое значение. Жизнь становилась все проще. Вечно занятым индивидам уже недосуг было гадать на чайных листьях, присматриваться к уголькам, выпавшим из камина или, дрожа от страха, вслушиваться в уханье филина. А в XX веке газовая плита вытеснила камин, да и филинов становилось все меньше. Природа, будь она зловещей или романтической, отступала на задний план. Но грядущая эпоха машин пугала своей бездушностью. Так, в шуточном стихотворении сам дьявол приходит в ужас от угольной и сталелитейной промышленности Англии:

С вершины Браэрли вокруг
Взирает Сатана,
И молвит: — Ада каждый круг
Милей, чем вся страна! *

Рука об руку с «расколдовыванием» шло разочарование — одновременно избавление от чар и сожаление об их утрате. Чем меньше оставалось зеленого цвета, тем горше становилась тоска. В конце концов, прагматичные, трудолюбивые, затянутые в твид викторианцы спохватились и оглянулись по сторонам. Но фейри поблизости уже не было.

Было бы преувеличением утверждать, что положительное отношение к суевериям стало исключительно продуктом викторианской эпохи. Точно так же не стоит обобщать, утверждая, что до Реформации абсолютно все английские крестьяне верили в фей. Традиционная культура не монолитна, она включает в себя различные точки зрения. Кто-то верил в фей, кто-то нет. Кто-то совал в маслобойку раскаленную кочергу, чтобы отогнать сглазившую масло ведьму, а кто-то взбивал

* Пер. Н. Харса.

масло еще усерднее. То же касается отношения к фольклору в пост-реформационной Англии. Преподобный Роберт Кирк, автор «Тайного содружества эльфов, фавнов и фейри» (1691) — своего рода антропологического исследования фольклорных существ — был современником Исаака Ньютона и Джона Локка. В то время как Мария Эджворт порицала волшебные сказки, Уильям Блейк с полной серьезностью описывал похороны фей, которые подсмотрел в саду: «Я услышал тихие и приятные звуки, но не знал, откуда они доносились. Наконец широкий лист на цветочном стебле зашевелился, а под ним показалась процессия существ, размером и цветом похожих на зеленых и серых кузнечиков, которые принесли покойника на розовом лепестке, похоронили его с песнями и исчезли». Даже в ироничных комментариях Томаса Крофтона Крокера проскальзывает восхищение ирландским фольклором. Приманивая английских читателей экзотикой «живого анахронизма», Крокер вместе с тем доносил до них культурные ценности ирландских информантов. Даже в упоминании о том, что баньши оплакивают исключительно представителей ирландских семейств, слышны отзвуки национализма и сопротивления английской колониальной политике.

Хотя ответная реакция на «расколдовывание» протекала неравномерно и противоречиво, именно в викторианскую эпоху она достигла апогея. Помимо перечисленных выше причин, таких как стремительная индустриализация, этому способствовало множество других факторов. В их число входит «Оксфордское движение», члены которого выступали за возрождение традиционных литургических ритуалов. Католичество уже не казалось пережитком Темных веков и ассоциировалось скорее с эпохой рыцарства. Интерес к

ТОМАС ХИТЕРЛЕЙ. «ФЕЯ, СПЯЩАЯ НА ГРИБЕ»

дореформационной культуре, к старинным обрядам и легендам был замечен и в области изящных искусств. Поэт-лауреат Альфред Теннисон написал «Королевские идиллии» по мотивам артурианских легенд. Члены «Братства прерафаэлитов» искали образ Прекрасной Дамы и стремились запечатлеть его на своих холстах.

Другой отличительной чертой эпохи было новое отношение к детству. Отныне дети уже не считались ни миниатюрными копиями взрослых, ни «сосудами греха», из которых нужно выколачивать злонравие. Идеализация затронула не только детей из среднего класса и выше, с их золотыми локонами и кружевными платяницами, но и маленьких тружеников. Веками дети надрывались в шахтах и на фермах, сновали с лотками по улицам, обслуживали клиентов в борделях, задыхались в каминных трубах. Теперь даже их, самых незаметных членов общества, стало жаль. В 1840 году Парламент запретил забираться в трубы лицам до 21 года, а в 1864 году штраф за эксплуатацию малолетних трубочистов повысили до 10 фунтов. В 1885 году, стараниями журналиста Уильяма Стеда, «возраст согласия» для девочек был поднят до 16 лет – затяжная борьба с детской проституцией увенчалась успехом.

Дети стали восприниматься как существа чистые и невинные, сродни ангелам или феям. В отличие от взрослых, они были гораздо более естественны и близки к природе и волшебным существам, ее населяющим. Именно близость детей к природе сыграла ключевую роль в истории с фотографиями из Коттингли. Кто, как не дети, может узреть фей? Ведь издревле верили, что единорог склоняется перед девственницей и кладет голову ей на колени. Подобное стремится к подобному. Со своими задумчивыми улыбками, струя-

щимися по плечам волосами, в чистых белых платьях, юные кузины из Коттингли сами кажутся гостьями из сказки. Неудивительно, что Конан Дойль беспокоился, когда через три года после публикации фотографий девушки решили повторить эксперимент. К тому моменту они вышли из возраста аутентичности, а «процессы полового созревания часто оказываются губительны для психических способностей».

Ностальгия по феям, таким образом, была хотя бы отчасти ностальгией по детству, причем как по детству мира, так и по своему собственному. Чувство утраты стимулировало желание заполнить эту брешь, сохранить и приумножить остатки традиционной культуры. Еще до появления Питера Пэна в начале XX века, викторианцы скандировали «Я верю в фей» и в своих мечтах устремлялись в страну Небывалию. О феях писали рассказы и стихи, они то и дело появлялись на полотнах живописцев. Правда, интерес к фейри во многих случаях был небескорыстным. Наравне с одалисками или греческими нимфами, фей можно было рисовать обнаженными, не оскорбляя чувства чопорной публики. Так что изображения фей нередко производят впечатление викторианского пин-апа – полногрудые крылатые дамы томно улыбаются зрителям. Совсем иначе образ фей раскрывал Ричард Дойль, дядя писателя. Большой любитель фольклора, он мастерски проиллюстрировал сборник «Сказки народов мира» (1849), а после создал цикл рисунков «В Волшебной Стране — зарисовки из мира эльфов» (1869). Крылатые или бескрылые, но неизменно крошечные и одетые в красные колпачки, фейри на его рисунках устраивают гонки на улитках, играют в прятки вокруг мухомора, разоряют птичьи гнезда. Глядя на забавы

РИЧАРД ДОЙЛЬ. «НОЧНОЙ ТРИУМФАЛЬНЫЙ
МАРШ КОРОЛЯ ЭЛЬФОВ»

этих сорванцов, невозможно сдержать улыбку. Рисовал фей и Чарльз Алтамонт Дойль, отец сэра Артура. Учтивая, что писателя с детства окружали изображения фей — причем именно миниатюрных, со стрекозиными крылышками, точь-в-точь как на фотографиях из Коттингли — стоит ли удивляться, что в зрелом возрасте он бросился на защиту своих любимых существ?

К первой половине XIX века относятся такие знаменитые труды в области фольклора, как собрание сказок братьев Гримм (1812) или «Менестрели шотландских окраин» (1802-1803) Вальтера Скотта, но именно во второй половине столетия начался настоящий бум в области фольклористики. Традициям каждого графства был посвящен как минимум один фольклорный сборник, а то и несколько. В такие сборники входили местные суеверия и приметы, описания календарных праздников, образцы устного народного творчества, заговоры и рецепты народной медицины, сказки и легенды. К концу XIX века относится важнейший проект в области изучения песенного творчества: по другую сторону Атлантики американский фольклорист Френсис Чайлд собрал золотой фонд английских и шотландских баллад, известных в наши дни как «баллады Чайлда». Собираательство фольклора не было мужской прерогативой, в этой области засверкала плеяда женских имен. Леди Джейн Уайльд, мать Оскара Уайльда, накопила огромное количество ирландских суеверий и легенд. Мари Тревельян сохранила для нас валлийские приметы и мельчайшие детали повседневной жизни. Сара Хьюитт издала сборник девонского фольклора.

Довольно часто фольклористы подчеркивали универсальные аспекты английских народных верований. Истоки обычаев из «нетронутых уголков страны» ис-

кали в античной мифологии или Ветхом Завете, чтобы тем самым повысить статус первых: после многовековых притеснений, местным суевериям нужны были сильные союзники вроде Библии. Но даже такое покровительство казалось недостаточным для возрождения традиционной культуры. Отсюда атмосфера пессимизма, которая пронизывает комментарии фольклористов к собранному материалу. В качестве образца, рассмотрим хотя бы сборник «Народные сказки Бреффни» (1912) под редакцией Бамптона Ханга. Предисловие начинается с описания старого барда, чья народная мудрость превосходит напускную ученость элиты. Несмотря на свой опыт и знания, бард испытывает чувство отчуждения, поскольку «повальная образованность отняла у него слушателей: мальчишки теперь читают о приключениях на суше и на море, а девочки вздыхают по героям с мраморно-белыми лицами и черными, как уголь, усами». Аргументы, характерные для эпохи Просвещения, перевернуты здесь с ног на голову: уже грамотность предстает в отрицательном свете, в то время как народные верования возводятся на пьедестал. Тем не менее, сам этнограф не представляет, как вернуть фольклору его былую значимость. Пожалуй, единственный способ – это взять на себя функции барда и сохранить для потомков его истории в печатном виде. Но тогда устное народное творчество уже перестанет быть устным, следовательно, утратит значительную долю аутентичности. По иронии судьбы, на последних страницах этого сборника напечатана реклама «новых романов за 6 шиллингов» с такими завлекательными названиями, как «Героиня из бронзы» или «Мужской мир» — вот они, конкуренты старого

ДЖОН АНСТЕР ФИЦДЖЕРАЛЬД.
«КРОЛИК СРЕДИ ФЕЙ»

барда! Есть от чего впасть в отчаяние.

Но далеко не всегда ностальгия по фейри устремлялась в прошлое. «Пришествие фей» Конан Дойля лишний раз подтверждает, что отношение к объекту ностальгии варьировалось от пессимизма до радостного ожидания. Многие из современников Дойля верили, что на смену эпохе бездуховности и рваческого накопления богатств придет новая эра. В ней найдется место любви и волшебству, а фейри станут ее глашатаями. Подобные мнения были распространены в теософской среде. Основными постулатами теософии в том виде, в котором ее преподносила Елена Блаватская, было объединение различных вероисповеданий и создание «универсальной религии», но без догматики и на условиях непосредственного общения с божеством. Фольклористы этого направления синтезировали мистицизм с традиционными английскими верованиями. Более того, они настаивали на реальности фольклорных существ, утверждая, что при соблюдении определенных условий с ними можно наладить контакт.

Мистицизмом увлекался и Артур Конан Дойль, что отчасти объясняет его аргументы в «Пришествии фей». Воспитанный в католической семье, он еще в молодости отказался от религии, но позже проявил интерес к спиритуализму. Это религиозно-философское течение, зародившееся в США в середине XIX века, зиждилось на вере в загробную жизнь и сулило своим adeptам возможность общения с духами умерших. Как впоследствии объяснял Конан Дойль, спиритуализм «полностью убирает страх смерти». Работая врачом в Саутси, он читал труды мистиков и оккультистов, посещал спиритические сеансы. В 1893 году он даже вступил в

британское Общество психических исследований, организацию, изучавшую потусторонние силы во всем их многообразии. Фактически, то были первые «охотники за привидениями». Хотя поначалу Конан Дойль относился к оккультным практикам с долей скептицизма, череда трагедий в личной жизни сделала из него завязанного спирита. Во время Первой мировой войны погиб его шурин и близкий друг Малькольм Леки, в 1918 году от тяжелого ранения и последовавшей пневмонии скончался его сын Кингсли. Двумя годами ранее умерла его мать. Чтобы вновь услышать дорогие ему голоса, сэра Артур зачастил к медиумам, а его жена Джин, поначалу осуждавшая увлечение мужа, сама начала записывать послания от мертвых. Именно в таком состоянии духа Конан Дойля застали известия о фотографиях фей из Йоркшира. Будучи к тому времени одним из столпов спиритуализма, неутомимым лектором и автором статей и книг о потустороннем, Конан Дойль не мог устоять. После некоторых колебаний и консультаций с фотографами-экспертами, сэра Артур признал подлинность снимков и научно обосновал существование «маленького народца».

Теософия вдохнула оптимизм в собирательство фольклора. Этнографы новой волны уже не оплакивали увядание фольклора, но считали его стойким и вездесущим, особенно в сельской местности. Одним из таких этнографов можно назвать Уолтера Эванс-Венца, автора книги «Вера в фей в кельтских странах» (1911). Уроженец Соединенных Штатов — колыбели спиритуализма — он посвятил много времени исследованию фольклора Британских островов. Считая народные верования объективной реальностью, Эванс-Венц жалел городских жителей, которые оказались отчужденны-

ЧАРЛЬЗ АЛТАМОНТ ДОЙЛЬ.
«ЭЛЬФИЙСКИЕ ПТИЦЫ»

ми как от природы, так и от самих себя: «Великое множество горожан гордится своей свободой от «суеверий» и снисходительно посмеивается над бедными селянами, которые по-прежнему верят в фейри. Но поступая так, горожане забывают, что со всем своим материалистическим прогрессом, со всеми многообещающими научными данными, со всеми завоеваниями в сфере экономики и коммерции, они сами давно уже утратили естественность».

Ему вторил Уильям Батлер Йейтс, считавший веру в фей проявлением ирландского самосознания. Вместо дремучего невежества, народные суеверия в описании Йейтса становятся полноценным инструментом для познания окружающего мира. Веры в фей не нужно стыдиться – ею следует гордиться, поскольку у нее есть веские основания. Фейри не только существовали, но и существуют. И не только в потусторонних мирах, но и в материальной, повседневной жизни. Они где-то там, за тем холмом. Вытяни руку – и прикоснешься к их курточке! Другое дело, что разглядеть фейри под силу не каждому, хотя истинные ирландцы видят их постоянно. Йейтс находит их в скромном жилище старой сказительницы: «Нашим новомодным убеждениям нет места под бурой соломенной крышей, на которой желтеет очиток. Совсем недавно я гостил в ее коттедже на склоне Бен Балбена, грелся у торфяного огня, угощался лепешками и расспрашивал о ее друзьях – фейри, что населяют зеленый, поросший боярышником холм за ее домом».

Если считать фольклор объективной истиной, то народные сказители из невежд, потчующих небылицами ребятню, превращаются в медиумов, в духовных наставников. У них можно учиться познанию мира. Они

ДЖОН АНСТЕР ФИЦДЖЕРАЛЬД.
«КОТ И ФЕИ»

помогут расширить горизонт человеческих возможностей. Их мнениям, в том числе и о существовании фейри, нельзя не доверять. Не только личные качества сказителей и целителей, такие, например, как ясно-видение, но и их близость к природе в который раз подтверждает их правоту. Защищая фотографии фей от нападок скептиков, Артур Конан Дойль утверждал, что фотографу-любителю из крошечной деревушки не под силу провести лучших лондонских экспертов. Ведь в старинной йоркширской деревне в принципе невозможен обман, ее пасторальность неразрывно связана с аутентичностью. Раз уж исход фей был вызван утилитарным отношением к окружающей среде и презрением к народным обычаям, то духовная трансформация общества вкупе с новым взглядом на природу и почтением к хранителям традиций может поспособствовать их возвращению.

Теперь, когда мы выяснили, *почему* ностальгировали викторианцы, можно задаться вопросом – а *по чему* они ностальгировали? Что из себя представляют фейри в английском фольклоре? Чем они привлекательны?

Упоминания о фейри встречаются практически во всех сборниках фольклорных материалов из различных английских графств, в том числе и Йоркшира, где находилась деревня Коттингли. Почти в каждом сборнике фейри посвящена отдельная глава – как, впрочем, и другим фольклорным существам вроде привидений и ведьм. У читателей поневоле создается впечатление, что в том же Йоркшире фейри или существ-

вовали на самом деле, или же в них, по крайней мере, очень активно верили.

Называли их по-разному. Английское слово «фейри» (fairies) происходит от французского «faerie», обозначающего волшебную страну, населенную феями («faie»). В свою очередь, старофранцузское слово «fae» или «faie» («fée» в современном французском) берет начало от латинского «fata» - парка, богиня судьбы. Довольно часто в народной речи XIX века фейри именуется «Pharisees», т.е. фарисеи. Современная фольклористка Жаклин Симпсон объясняет это тем, что в английских диалектах (в частности, в сассекском) окончания множественного числа удваивались – например, «ghostses» вместо «ghosts» или «fairises» вместо «fairies». Таким образом, фейри перепутали с библейскими фарисеями. Не менее распространены эвфемизмы, связанные с запретом обращаться к фейри по имени, дабы не навлечь их гнев. В Шотландии их называли «добрыми соседями», даже когда обсуждали их мелкие или крупные пакости. Среди других эвфемизмов встречаются «дети сумерек», «прекрасный народец», «маленький народец», «народец холмов», «добрые люди», «сокрытые люди», «тихий народец», «благословение своей матери», «они», «они сами», «подземные жители» и т.д. Популярным обозначением фейри в Ирландии было «gentry» – мелкопоместное дворянство, джентри. В комментариях к роману «Замок Рекрент» (1800), Мария Эджворт упоминает, что при виде пылевого вихря ирландцы бормотали «Доброй вам дороги, господа», будучи уверены, что это фейри переезжают с одного холма на другой. За непочтительность «добрый народец» мог покарать.

АРТУР РЭКХЕМ. «ФЕИ ССОРЯТСЯ С ПТИЦАМИ»

(Иллюстрация к «Питеру Пэну»)

О происхождении фейри — как, впрочем, и человеческой цивилизации — выдвигались самые разнообразные теории. Как говорилось выше, в одной из традиций фейри считались немытыми детьми Евы. Согласно другим гипотезам, в фейри превратились мятежные ангелы, низвергнутые с небес. В Корнуолле верили, что души некрещеных младенцев превращаются в «писки», местную разновидность фейри. Выдвигалась и более «антропологическая» версия: фейри называли потомками древних обитателей Британских островов. Эта темнокожая, невысокая раса вынуждена была скрываться под землей от захватчиков, да так там и осталась. Правда, многие фольклористы, включая Томаса Крофтона Крокера, выводили происхождение фей из бутылки с виски.

В дополнение к неопределенности в названиях и генеалогии, размер фейри также не является постоянной величиной. Бытует распространенное мнение, что миниатюризация фейри началась с произведений Шекспира или же вовсе возникла в XIX веке, когда образ феи с прозрачными крылышками стал наиболее распространенным. Похожего мнения придерживался Дж. Р.Р. Толкиен. В эссе «О волшебных сказках» он проводит параллели между образом «цветочно-мотыльковых» фей и тенденцией к рационализации, характерной для Нового Времени. Вытеснение фольклора из английской культуры привело к уменьшению размеров фольклорных существ. Чтобы уместить их на том крошечном пространстве, которое оставила им эпоха Просвещения, фейри пришлось сделать маленькими, забавными, безобидными. Другим источником «цветочных фей и эльфов с крылышками и усиками, как у бабочек», по его мнению, были поэмы XVII века, в частности, «Нимфида» Майкла Драйтона. Как ут-

верждает Толкиен: «Прежде в Волшебной Стране действительно были существа небольшого (хотя вряд ли такого уж маленького) роста, но в целом для тамошнего народа небольшой рост не характерен. Мне кажется, что применительно к Англии волшебные существа маленького роста (эльфы или феи) в значительной мере – плод литературного вымысла».

Нетрудно заметить, что Толкиен не на шутку разозлен как одомашниванием образа фей, так и его коммерциализацией (хотя, судя по реакции на фотографии из Коттингли, «цветочные феи» многих устраивали). Праведный гнев заставляет Толкиена отвергнуть низкорослость фейри, которая, тем не менее, является неотъемлемой частью фольклора. Английскими фейри и впрямь можно проиллюстрировать популярный ныне идеал «культурного разнообразия»: фейри бывают любых размеров и расцветок кожи. Совсем крошечные тоже встречаются. Например, в шахтах Корнуолла наравне с горняками трудились дружелюбные существа, стуком предупреждавшие о грядущих обвалах. По словам очевидцев, ростом они были не больше куклы, зато одеждой и повадками походили на шахтеров. Чтобы не разозлить их, приходилось соблюдать определенные табу — не свистеть под землей и избегать крепких словечек, а также не рисовать нигде знак креста. Перекусив, шахтеры оставляли своим подземным знакомцам немного хлеба.

Упоминание о маленьких фейри встречается в песнях, например, в балладе номер 38 из антологии Френсиса Чайлда: по словам певца, встреченный им волшебный человечек был самым крошечным из всех, когда-либо виденных. Чайлд разместил эту балладу между «Томасом Рифмачом» (номер 37) и «Там Лином» (номер 38). В обеих балладах у фей обычный

человеческий рост. Более того, королева фей из баллады о Томасе Рифмаче так прекрасна, что поначалу герой принимает ее за Деву Марию. В других народных песнях «рыцарь-эльф» соблазняет человеческих девиц – вряд ли такие любовные подвиги можно ожидать от существа размером с большой палец (хотя как знать!). Эванс-Венц писал, что все опрошенные им ирландские ясновидцы описывали сидов как прекрасных созданий ростом с человека или даже выше. Один из информантов поведал ему о переливчатом существе ростом в четыре метра.

Что же касается облика фейри, то не все они порхали на крылышках. Вдобавок, к категории «фейри» относят и таких фольклорных существ, как русалки, гномы, тролли и т.д., а ведь разница между русалкой и гномом весьма значительна. Не следует забывать и о том, что фейри могут с легкостью менять свое обличье и наводить на смертных чары — так называемый «гламур» (glamour), хотя это слово теперь ассоциируется скорее с глянцевыми журналами. Благодаря «гламуру», реальность кажется прекраснее, чем она есть на самом деле (к глянцевым журналам это тоже, впрочем, относится). Например, английская сказка повествует о повитухе, которую пригласили принять роды у очаровательной дамы, проживавшей в уютном домике. Как только малыш, тоже милый, появился на свет, повитухе велели натереть ему глаза мазью. Случайно или нарочно, но женщина прикоснулась перепачканным пальцем и к своему глазу. Только тогда она поняла, что те, кого она принимала за приличных людей, на самом деле и не люди вовсе! Находилась она не в коттедже, а в промозглой пещере, с потолка кото-

РИЧАРД ДАДД. «ЛОГОВО ФЕЙ»

рой капала вода. А господа, пригласившие ее принять роды, на поверку оказались уродливыми и тощими тварями, одетыми в лохмотья.

Именно в таком неприглядном виде фейри часто предстают в английских сказках. Гномы, брауни, лепреконы и другие разновидности фейри кряжисты и низкорослы, с бурыми сморщенными лицами. Иногда фейри разгуливают голышом или в лохмотьях, иногда — в нарядах зеленого или красного цвета. Причем так называемые «красные колпаки» (Red Caps) достигают желаемого цвета одежды с помощью натурального красителя — человеческой крови, в которую они окунают свои головные уборы. Встречаются упоминания о фейри обычного человеческого роста, но с зеленой кожей. В XII веке в Саффолке жнецы наткнулись на мальчика и девочку в зеленых одеждах и с зеленой же кожей. Дети не понимали английского, но, пожив среди людей некоторое время, поведали, что родом они из подземных чертогов и случайно отбились от остальных фейри. Со временем их кожа побледнела и стала напоминать человеческую. Пригожие фейри также не редкость, особенно если расширить эту категорию и включить в нее тех же «селки» — мифических людей-тюленей, что скрывают свои прекрасные человеческие тела под звериной шкурой.

Внешний вид фейри, их повадки и взаимоотношения с людьми весьма интриговали англичан XIX — начала XX века. Однако в наследство от эпохи Просвещения фольклористам досталась неудержимая тяга к классификации, необходимость разделять фей на виды и подвиды, оценивать их физическое (метафизическое?) строение и размах крыльев. Нужно было непременно выяснить, в чем разница между пикси и гномами, гоблинами и лесными эльфами. Как и в

точных науках, в собирательстве и анализе фольклора таксономия приобрела ключевое значение. Неудивительно, что Конан Дойль и цитируемые им авторы уделяют столь пристальное внимание описанию физических параметров фейри, а также анализу волшебных рас и их иерархии. Проблема этого подхода заключается в том, что из-за региональных вариаций и индивидуальных предпочтений народных сказителей, образ фейри в фольклоре вырисовывается неоднозначным, расплывчатым, слишком сложным, чтобы подогнать его под четко обозначенные стандарты. То же относится к английским суевериям как таковым: к примеру, в XIX веке повсеместно встречается поверье о том, что на свадьбу следует надеть что-нибудь голубое, а вот в Йоркшире голубой считался несчастливым цветом. Кажется, что фольклор насмехается над самой идеей классификации!

Тем не менее, основываясь на шотландских и ирландских верованиях, фейри относили к «благому» либо «неблагому двору» (от диалектного «seelie» — «благой, благословенный, добрый, приносящий удачу»). К первому племени принадлежали фейри, творившие добро и помогавшие людям, ко второму, соответственно, злонравные и вороватые создания. Как писала собирательница ирландского фольклора леди Грегори: «Среди сидов есть две расы. Представители первой высоки, прекрасны и беспечны, любят веселиться и подшучивать... Зато существа из второй расы мелкие, злобные и толстопузые». Интересно, что добрые фейри наиболее похожи на людей, в то время как их подлые собратья приобретают анималистические характеристики. Отношение к людям является мерилом в классификации фейри, которые не рассматриваются сами по себе, но исключительно в контексте

ДЖОН АНСТЕР ФИЦДЖЕРАЛЬД.
«ПОХОРОНЫ ФЕИ»

взаимодействия с человеческим обществом. Впрочем, и в антропологии еще не прижился культурный релятивизм — что уж говорить об изучении фей?

Дополнительную классификацию фейри предложил Уильям Батлер Йейтс, разделив их на «одиночных» и «бродячих». Одиночные фейри селятся поодиночке в каких-нибудь заброшенных уголках и могут нанести серьезный вред путешественнику. В целом, они скорее враждебны к людям. К этой категории, помимо прочих существ, относились лепреконы и баньши. «Бродячие» получили такое название из-за привычки путешествовать большими группами. Бродячие фейри проживают в организованных сообществах, их местобитанием являются холмы и курганы, внутри которых — если как следует прислушаться — звенит их музыка и смех. Они любят петь, устраивать конные прогулки и танцевать на полях, оставляя за собой те самые круги, в появлении которых нынче обвиняют НЛО. Для фейри, живущих в сообществах, характерна определенная иерархия, с правителями и подчиненными. Всем известны Оберон и Титания, король и королева фей, из пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь». Высокопоставленные фейри упоминаются и в устном народном творчестве, в частности, в балладе о Томасе-Рифмаче или схожей балладе «Нянька королевы эльфов» (номер 40 в сборнике Чайлда). Иерархия фейри отражает представления рассказчиков о классовом обществе, точно так же, как «Пришествие фей» Дойля несет печать современной ему расовой политики — так, смуглые, более крупные прислужники охраняют изящных белокожих эльфов (см. главу VI).

Хотя фантастическое пространство в сказках отграничено от бытового, довольно часто они накладываются друг на друга, и волшебство врывается в пов-

седневную жизнь. Фейри функционируют как посредники между сказкой и миром людей. Народные сказители XIX века часто описывали случаи столкновения с фейри. Возможно, они сами не встречали «маленький народец», просто наслушались о нем от двоюродного дедушки, который в тот момент был слегка подшофе. Тем не менее, в реальность фейри они верили. В Уэльсе поговаривали, что фейри приходят на рынок так же часто, как простые смертные. В отличие от людей, они не торгуются и не сплетничают с соседями, а втихомолку уносят мясо и овощи, оставляя на прилавке деньги. Как и у любых покупателей, у них есть любимые торговцы, к которым они навещаются постоянно. Верования о фейри затрагивают все области повседневной жизни, от выпечки хлеба до брака и деторождения. Вот несколько таких суеверий:

— Перед тем, как выносить из дома мясо или рыбу, ее нужно посыпать солью, чтобы продукты не достались фейри.

— Если посадить в саду наперстянку (foxgloves), это привлечет фейри. Народная этимология трактовала название цветка как folks' glove, т.е. «перчатка эльфов».

— Если терновник, дуб и ясень растут близко друг к другу, значит, здесь обитают фейри.

Те мелкие домашние неприятности, в которых обвиняли ведьм, считались проделками фейри. Приходилось оставлять проказникам угощение, а иначе из «добрых соседей» они могут стать недобрыми, а уж враждовать с фейри не хотелось никому. Такую войну людям ни за что не выиграть! Этнографы приводят образцы местных деликатесов, которыми жители Бри-

танских островов потчевали «народец холмов». К примеру, на острове Мэн им ставили миску с «коури». Чтобы приготовить эту нехитрую кашу, овес вперемешку с шелухой замачивали на ночь, затем варили до загустения, остужали и снова варили, на этот раз с молоком. Блюдо получалось незатейливое, но феэри его очень уважали. В других краях они были более разборчивы и требовали отборнейшие яства – если хлеб, то белый, если кашу, то с весомым куском масла. В случае отказа, феэри не стеснялись выразить свое неудовольствие. Классическая история об их мести звучит примерно так: какая-нибудь сердобольная старушка имела обыкновение оставлять «добрым соседям» миску сливок и буханку белого хлеба. Вот те и разбаловались. Но в коттедже сменились жильцы, а новая хозяйка оказалась скуповатой – угостила феэри всего лишь черным хлебом да селедкой. Тогда разгневанные феэри ухватили ее за ноги и потащили вниз по лестнице, громогласно возмущаясь.

Наиболее зловещим занятием феэри было как похищение человеческих детей, вместо которых в люльке оставляли подмышка-уродца, так и угон в рабство самих кормящих матерей. В первом случае, феэри вынуждали вернуть дитя путем дурного обращения с подмышком. Того следовало высечь крапивою, вынести на мороз, бросить на навозную кучу или, в качестве щадящего варианта, заставить проговориться о своем истинном возрасте. К сожалению, подобные поверья нередко приводили к насилию над детьми с задержками в развитии. Чтобы предотвратить похищение младенцев, вокруг колыбели махали Библией, рисовали у изголовья крест, клали рядом серебро или

ДЖОН АНСТЕР ФИЦДЖЕРАЛЬД.
«ФЕИ У ОКНА»

железо, прославившие лучшим средством от нечистой силы.

Молодым матерям не советовали появляться на улице до церемонии очищения в церкви (churching), ведь сразу после родов женщина становилась желанной добычей фейри. Те могли увести ее в волшебные холмы и использовать в качестве кормилицы для своих отпрысков. В «Собрании старинной ирландской музыки Петри» приводится удивительная колыбельная «Seo Nu Leo». Песня примечательна своей двойной функцией: с одной стороны, пленная женщина укачивает ребенка, повторяя припев. Судя по тому, что нянька заключена в волшебном холме, ребенок является отпрыском фейри, а колыбельная для фейри — само по себе явление удивительное. С другой стороны, певица дает о себе знать прачкам, пришедшим к ручью стирать белье. Все так же нараспев, она рассказывает, что ее похитили фейри, и объясняет, как можно вызвать ее из плена.

Интересно, что фейри покушались не только на женщин и детей, но и на стариков. Если у пожилого человека ни с того, ни с сего менялся характер, причем не в лучшую сторону, поговаривали, что его подменили фейри. Добрую и заботливую бабушку они забрали в свою страну, а на ее место подсунили какую-то мегеру. В таком случае, домочадцы шли на перекресток дорог и терпеливо дожидались пылевого вихря. Поймав немного пыли, они осыпали ею подозреваемого подменьша и, приободренные, ждали, когда же им вернут похищенную родственницу.

Вместе с тем, фейри часто приносили пользу — помогали по хозяйству или же благодарили за услуги. В ходу были истории вроде следующей: однажды к пахарю подошло крошечное светловолосое существо и

попросило починить хлебную лопату. В качестве награды, существо посулило горячий пирог, а от пирога кто откажется? Пахарь заменил треснувший черенок лопаты, а несколько минут спустя в борозде у его ног появился дымящийся пирожок – фейри работают быстро. Вестморлендцы похвалялись «чашей фейри». Согласно легенде, дворецкий из поместья Месгрейвов как-то раз наткнулся на фей, отплясывавших у колодца. Фейри восторженились и тут же исчезли из виду, оставив волшебную чашу. В наши дни она хранится в лондонском Музее Виктории и Альберта. Эта стеклянная ваза с узорами из эмали, вероятно, была изготовлена в Алеппо и привезена из крестового похода. Но по части романтичности даже крестовые походы уступали легендам о фейри.

Возможно, читатель лишь посмеется над истовой верой в фейри. Не нужно быть экспертом, чтобы заметить искусственность «фей из Коттингли». Точно так же, увлечение Артура Конан Дойля теософией и спиритизмом кажется парадоксальным. Тогда как его герой, безупречный логик Шерлок Холмс, доказывал, что в Сассексе не водятся вампиры, сам автор от всей души желал, чтобы они там водились! А если не вампиры, то феи, и если не в Сассексе, то в Йоркшире. Разобщенность взглядов персонажа и автора просто в голове не укладывается! Как шутил Г. К. Честертон, Конан Дойлю следовало написать продолжение детективных историй в духе спиритизма и вернуть читателям Шерлока Холмса, на сей раз в виде «мрачного и отталкивающего призрака». В известном смысле, Конан Дойль выполнил наказ: в романе «Страна туман-

нов» (1926) он заставил уверовать в спиритические истины само воплощение науки, профессора Челленджера. А расследование «дела фей из Коттингли» так напоминает новое приключение Холмса, с теософом Гарднером в роли верного Уотсона и сэром Артуром в качестве сыщика с Бейкер-стрит! Что поделаешь – Конан Дойлю и его современникам феи были попросту необходимы. Чем еще залечивать раны от Великой Войны? Где искать исцеление?

В описании эльфийских забав, Джеффри Чосер упоминает «*manu a grene mede*» — «зеленые луга», где творилось волшебство, где так уместны были пляски эльфов. Подобное живительное пространство есть и у Шекспира – так называемый «Зеленый мир», описанный английским критиком Нортропом Фраем. Здесь герои отдыхают, чтобы потом с новыми силами схлестнуться с реальностью. В своем «Зеленом мире», населенном феями, нуждались викторианцы и эдвардианцы (и, судя по популярности романов-фэнтези, нуждаемся и мы с вами). Даже если такого мира и вовсе не существовало, он все равно обязан был существовать. Пускай не сейчас, а когда-то, пускай не здесь, а среди изумрудных холмов, на месте которых теперь изрыгают густой дым фабрики. А если он был, то, возможно, еще удастся разглядеть его в бликах солнца на воде, расслышать в шелесте дубовой листвы, которая, согласно валлийским поверьям, нашептывает пророчества друидов. Ведь именно вера делает фей реальными. Даже тех, что вырезаны из детского альбома и пришили к листьям травы.

Избранная библиография

Addy, Sidney Oldall. Household Tales with Other Traditional Remains: Collected in the Counties of York, Lincoln, Derby, and Nottingham. London: D. Nutt, 1895.

Ashliman, D.L. Fairy Lore: a Handbook. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2006.

Briggs, Katharine Mary. The Vanishing People: A Study of Traditional Fairy Beliefs. London: B.T. Batsford, 1978.

Chaucer, Geoffrey. «The Wife of Bath's Prologue and Tale». The Riverside Chaucer. Boston: Houghton Mifflin, 1984.

Chesterton, Gilbert Keith. The Collected Works of G. K. Chesterton: The Illustrated London News, 1926-1928. San Francisco: Ignatius Press, 1991.

Croker, Thomas Crofton. Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland. Delmar, New York: Scholars' Facsimilies and Reprints, 1983.

Damon, Samuel Foster. A Blake Dictionary. Hanover, NH: University Press of New England, 1988.

Doyle, Arthur Conan. The Coming of the Fairies. Lincoln: University of Nebraska Press, 2006.

Edgeworth, Maria. «Castle Rackrent». Castle Rackrent and Ennui. New York: Penguin Classics, 1992.

Edgeworth, Maria. Practical Education. New York: Harper & Brother, 1855.

Evans-Wentz, W[alter].Y[eeling]. The Fairy-Faith in Celtic Countries. New York: University Books, 1966.

Henderson, Lizanne, and Edward J. Cowan. Scottish Fairy Belief: a History. East Linton: Tuckwell Press, 2001.

Herrick, Robert. «The Fairy Temple; or, Oberon's Chapel». Poems of Robert Herrick: A Selection from Hesperides and Noble Numbers. Ed. Thomas Bailey Aldrich. New York: The Century Co., 1900.

Hunt, Bampton. Folk Tales of Breffny. London: Macmillan, 1912.

Killip, Margaret. The Folklore of the Isle of Man. Totowa, New Jersey: Rowman and Littlefield, 1976.

Laing, Jeanie M. Notes on Superstitions and Folk Lore. Brechin, 1885

McDonagh, Josephine. Child Murder and British Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Porter, Enid. The Folklore of East Anglia. London: B.T. Batsford Ltd., 1974.

Rowling, Marjorie. The Folklore of the Lake District. London: B.T. Badsford Ltd., 1976

Simpson, Jacqueline, and Steve Roud. A Dictionary of English Folklore. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Simpson, Jaqueline. The Folklore of Sussex. London: B.T. Badsford Ltd., 1973.

Stashower, Daniel. Teller of Tales: the Life of Arthur Conan Doyle. New York: Macmillan, 2001.

Williams, Raymond. The Country and the City. New York: Oxford University Press, 1973.

Weber, Max. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: The Talcott Parsons Translation Interpretations. New York: W.W. Norton & Co., 2009.

Wollstonecraft, Mary. «The Vindication of the Right of Men». The Vindications. Ed. D.L. Macdonald and Kathleen Scherf. Ontario: Broadview Press, 2001.

Yeats, W[illiam] B[utler], ed. Fairy and Folk Tales of Ireland. Gerrards Cross: Colin Smythe, 1988.

Бронте, Шарлотта. Джен Эйр. Москва: Правда, 1988.

Карр Дж. Д., Пирсон Х. Артур Конан Дойл. Москва: Книга, 1989. – (Писатели о писателях).

Толкин Дж. Р. Р. «О волшебных сказках». Приключения Тома Бомбадила и другие стихи из Алой Книги. Москва: ИнВектор, 1992.

Чертанов, Максим. Конан Дойл. Москва: Молодая гвардия, 2008. – (Жизнь замечательных людей).

Чосер, Джефффри. Кентерберийские рассказы. Москва: ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы, 1946.

Комментарии

«Эти феи вызывают у любого фольклориста сильнейшее эстетическое сопротивление. Они кажутся воплощением тех фей в газовых накидках, с крылышками бабочек, что мы видим на иллюстрациях в детских журналах» – писала знаменитая английская исследовательница фольклора Кэтрин Бриггс. «Дополнительной проблемой являются люди, которые привлекли внимание к этому случаю. Э. Л. Гарднера, Джеффри Ходсона и Артура Конан Дойля можно назвать людьми со странностями»*.

Разумеется, историю фей из деревушки Коттингли можно, если воспользоваться словами самого Конан Дойля, рассматривать как «самую изощренную и искусную мистификацию, какой от начала времен подвергалась публика» – розыгрыш, чьей жертвой пала далеко не самая здравомыслящая кучка спиритов, оккультистов и теософов.

С другой стороны, история эта представляет собой любопытнейший срез культурного воображения эпохи в той его плоскости, где сошлись распространенные эзотерические течения (прежде всего спиритуализм и теософия) и различные интерпретации накопленного массива знаний о фольклоре, резкие социальные сдвиги и популярная культура, замешанная на оккультизме чувствительность поздних викторианцев и научный прогресс.

В этом затянувшемся происшествии, наконец, можно увидеть и одно из шерлокианских по сути приключений сэра Артура Конан Дойля: недаром в «Пришествии фей» он так часто употребляет слово «расследование» и просит Э. Л. Гарднера изучить на месте все обстоятельства «дела» фей, точно Холмс, отправляющий Уотсона в Баскервилль-холл:

* Briggs Catharine. *The Fairies in Tradition and Literature*. London-N.Y., 2002. С. 300.

«Вы будете присылать мне подробные отчеты, – сказал Холмс. – В самый критический момент – а он неминуемо наступит – я буду руководить вашими действиями»*.

Немеркнущая слава творца Шерлока Холмса, впрочем, в деле о феях сыграла с Артуром Конан Дойлем дурную шутку: слишком уж велик казался контраст между рациональным разумом Холмса и иррациональной готовностью его создателя поверить в очевидную фальшивку**. «Мне давно кажется, что склад ума сэра Артура ближе к Уотсону, чем к Холмсу» – язвительно заметил Г. К. Честертон. «Бедный Шерлок Холмс окончательно сошел с ума?» – вопрошало одно из американских изданий. Журнальные карикатуры изображали витающего в облаках писателя с прикованным к нему и весьма недобрым фактом детективом. «Уж если вы верите, что повсюду вокруг кишат эльфы, маленькие люди и гномы, должен ли я верить в доктора Уотсона, пестрые ленты и прочие выдумки? Да ну!» – писал в ироническом стихотворении Д. Уилрайт.

Всего этого нет в книге, как нет в ней и упоминаний о том, что феи из Коттингли нанесли сокрушительный удар по репутации Конан Дойля и отвратили от него даже ряд друзей-спиритуалистов. Потомки снисходительней современников – за строками «Пришествия фей» сегодня для нас встают и рыцарственная отвага сэра Артура, и его неумная жажда познания, и страстная экологическая проповедь.

Нет в книге, по естественным причинам, и истории разоблачения «мошеничества», начинавшегося как вполне невинный фотографический эксперимент Элси Райт и Френсис Гриффитс. Эта история растянулась на шестьдесят лет, и на ней стоит остановиться подробнее.

* Конан Дойл Артур. «Собака Баскервилей». *Полное собрание произведений о Шерлоке Холмсе в одном томе*. М., 2007. С. 694.

** Сравнение «логических процедур» Холмса и Конан Дойля в применении к истории с феями см. в статье Faivre Antoine. «Sir Arthur Conan Doyle et les esprits photographiés». *Ethnologie française*. 2003. № 2. Tome XXXVII. С. 623-632.

КОНАН ДОЙЛЬ И ШЕРЛОК ХОЛМС

Карикатура из журнала «Punch»

Хотя Конан Дойль продолжал упоминать о фотографиях в своих лекциях и печатных трудах, интерес к снимкам в достаточно скором времени сошел на нет. В 1930 г. писатель умер; героини «дела Коттингли» к тому времени успели исчезнуть из поля зрения публики. Элси Райт перебралась в Америку, после жила с мужем, инженером Френком Хиллом, в Индии и вернулась в Англию в 1947 году. Ее кузина Френсис Гриффитс в 1928 г. вышла замуж за Сиднея Уэя (Way), поселилась в Рамсгейте и подарила мужу сына и дочь.

Интерес к феям из Коттингли не смогли пробудить ни две книги Ходсона, «Феи за работой и на отдыхе» (1925) и «Царство фей» (1927), ни книга Гарднера «Феи. Фотографии из Коттингли и их продолжение» (1945), получившая уничижительный отзыв в «Журнале Общества психических исследований». Лишь в 1965 году Элси сумел разыскать журналист из газеты «Дейли экспресс»; последовали две статьи, означившие возрождение «дела Коттингли». Едва ли приходится сомневаться, что в этом возрождении сыграло свою роль и начавшееся распространение эклектической философии New Age, впитавшей многие элементы расхожей эзотерики, и в особенности викканство с его вниманием к «малому народцу». Уже в 1971 г. Элси появилась в телевизионной программе BBC «Nationwide» («На всю страну»). Она вела себя уклончиво и отказалась «поклониться на Библии» в подлинности фотографий, но заявила, что отец ее не имел никакого отношения к снимкам и что «это были фотографии вымышленных картинок, созданных нашим воображением». В 1976 г. корреспондент Йоркширского телевидения и будущий политик-лейборист Остин Митчелл взял интервью у Элси и Френсис на берегу того самого ручья в Коттингли, где были сфотографированы феи. Митчелл утверждал, что для изготовления снимков могли использоваться картонные фигурки – однако обе женщины решительно отрицали факт подделки*.

* Полный список публикаций и эфирных передач 1960х-1970 гг. о феях из Коттингли см. в: Owen, Alex. «'Borderland Forms': Arthur Conan Doyle, Albion's Daughters, and the Politics of the Cottingley Fairies». *History Workshop*, 1994. № 38. С. 81.

Затем наступил черед истинных откровений. В 1978 г. на фотографии обратил внимание Джеймс Ранди, бывший иллюзионист и профессиональный разоблачитель «паранормальных» явлений и псевдонаучных открытий. Вместе с сотрудниками Комитета научных исследований паранормальных явлений (американской организации, объединяющей многих известных ученых, философов, писателей и т.д.) он увеличил фотографии и заявил, что они являются грубыми подделками и что феи были подвешены на ниточках. Свои наблюдения Ранди впоследствии изложил в книге «Вздор! Ясновидящие, экстрасенсорное восприятие, единороги и другие заблуждения» (1982). В частности, он писал: «Этот случай демонстрирует все классические промахи таких расследований. Легкое верие, полуправда, преувеличения, прямая ложь, выборочные сведения о фактах, жажда верить и щедрая доза простейшей глупости смешиваются с самой порочной логикой и самыми ложными знаниями, какие только можно найти».

Элси Хилл подняла Ранди на смех.

«Что за дикая идея! Если бы мы подвесили их на ниточках, их снесло бы ветром. У ручья всегда ветрено» – сказала она репортеру из «Йоркшир пост». «И еще одно, там не было никаких ветвей. Пришлось бы подвешивать фей к облакам».

Тем временем на ВВС с успехом прошла телевизионная постановка пьесы Д. Кейза «Феи» (1978), основанной на «деле Коттингли». Но над феями вновь сгустились тучи – в том же году плодовитый автор-окультист Фред Геттингс выпустил книгу «Призраки в фотографии. Необычная история спиритической фотографии»: в ней он писал, что феи из Коттингли на самом деле представляли собой вырезанные из картона фигурки. Мало того, Геттингс нашел и источник изображений фей – рисунок Клода А. Шеппертона к стихотворению Альфреда Нойеса «Заговор фей», опубликованному в 1914 г. в сборнике «Подарочный альбом принцессы Мэри». По странному совпадению, в этом же сборнике был напечатан и рассказ Конан-Дойля*.

* Smith, Paul. «The Cottingley Fairies: The End of a Legend». *The Good People: New Fairy-love Essays*. Lexington, 1997. С. 395.

В 1983 г. бомба наконец взорвалась. Под заголовком «Коттингли – наконец-то правда» журналист и социолог Джо Купер опубликовал в журнале «The Unexplained» («Необъяснимое») сенсационную статью. Кузины, писал он, сами признались в подделке! Купер рассказывал, как Элси изобразила фигурки фей, используя для вдохновения рисунок из «Подарочного альбома», как девочки вырезали их с помощью острых портняжных ножниц (в 1917 г. мать Френсис подрабатывала шитьем в Бредфорде), как прикрепили фигурки к ветвям и к земле шляпными булавками и сделали снимок, а затем утопили фигурки в ручье*.

По словам Элси и Френсис, последняя часто видела возле ручья фей и других фейри. Элси было куда труднее разглядеть фей, но она «тонко чувствовала атмосферу и мистику природы». К несчастью, мечтательная Френсис часто оказывалась в ручье и возвращалась домой в мокром платье, что всякий раз заканчивалось суровым нагоняем от взрослых. Френсис плакала и уверяла, что ходит к ручью смотреть на фей.

Элси страшно жалела кузину. Так и родилась идея розыгрыша – она хотела приободрить Френсис и заодно проучить родителей, ведь те говорили, что увидеть фей попросту невозможно.

Купер был хорошо знаком с Элси и Френсис и писал, что получил их признание в интервью, но дочь Френсис, Кристина Линч, излагает совершенно иную версию. По ее словам, Френсис попросила Купера помочь ей в написании мемуаров; однажды тот случайно увидел ее заметки, поспешно уехал и вскоре опубликовал разоблачительную статью**.

«Обман разрушил ее жизнь. Она чувствовала, что предала фей» – сказала Кристина.

Терять больше было нечего, тем более что виднейший эксперт в фотографическом деле, редактор «Британского журнала фотографии» Джеффри Кроули, начал публиковать в этом

* Cooper Joe. «Cottingley: At Last the Truth». *The Unexplained*. 1982. № 117. С. 2338-40. См. также: Cooper Joe. *The Case of the Cottingley Fairies*. London, 1990.

** «Cursed by the Fairies». *Sunday Express*. 2009. May 10.

издании серию статей под общим заголовком «Поразительное дело фей из Коттингли», где подверг снимки всестороннему научному анализу*. В марте 1983 г. Элси написала Кроули письмо с признанием (оно было опубликовано 1 апреля), а в интервью, напечатанном 19 марта в «Йоркшир пост», откровенно заявила: «Это был розыгрыш. Феи были фальшивкой. Пришло время в этом сознаться».

«После того, как в историю с феями поверил Конан Дойль, мы не осмелились признаться – он был таким известным человеком и нам не хотелось выставлять его на посмешище» – добавила она**.

Казалось, все было кончено, и тем же вечером «Йоркшир ивнинг пост» оплакала «конец легенды». В 1986 году в возрасте 78 лет умерла Френсис, два года спустя скончалась Элси, дожившая до 87 лет. Стеклопластиковые пластины, фотографии и камеры были распроданы с аукционов***.

В девяностых, правда, о феях вспомнил Голливуд. Фильм Чарльза Стурриджа «Сказка о феях. Истинная история» (1997) отличался поистине звездным составом: роль Гарри Гудини исполнил Харви Кейтель, Конан Дойля воплотил на экране Питер О'Тул, эпизодическую роль сыграл Мел Гибсон. Почти одновременно вышел и британский фильм «Фотографируя фей» (1997), очень трогательная лента Ника Виллинга (по

* Crawley Geoffrey. «That Astonishing Affair of the Cottingley Fairies». British Journal of Photography, 1982-1986.

** В статье, напечатанной в «Таймс» 4 апреля, Элси высказалась еще определенной: «Для него было бы ужасно, если бы его уничтожили две деревенские девочки».

*** Коллекция Кроули, включавшая фотографии, две камеры, первое издание «Пришествия фей» и письмо, в котором Элси признавалась в фальсификации, была продана в 1998 г. Национальному музею кино, фотографии и телевидения в Бредфорде за 14,000 фунтов (несмотря на более высокое предложение со стороны актера Мела Гибсона). В том же году на аукционе «Сотбис» за 21,620 фунтов была продана коллекция стеклянных пластинок и подписанный Конан Дойлем экземпляр «Пришествия фей»; в 2001 году на лондонском аукционе анонимный покупатель приобрел за 6,000 фунтов ряд стеклянных пластинок и негативов.

одноименному роману Стива Силадже) с Беном Кингсли в одной из главных ролей.

Но история о феях из Коттингли не завершилась и этим триумфом массовой культуры. В начале 2009 г. в популярной телепрограмме BBC, посвященной антиквариату, появилась дочь Френсис, Кристина Линч. То была уже престарелая, 78-летняя женщина, которая в 1988 г. похоронила мужа, одного из лучших ирландских онкологов. Кристина показала ведущему камеру Френсис и ряд снимков, которые тот оценил в 20-30,000 фунтов.

Несколько месяцев спустя Кристина выпустила в свет мемуары матери, озаглавленные «Воспоминания о феях из Коттингли»*. Включенные в книгу письма свидетельствовали, что отношения между кузинами отнюдь не были безоблачными. В одном из них Френсис пишет: «Я ненавидела эти фотографии с 16 лет, когда мистер Гарднер вручил мне букет цветов и стал упрашивать меня сесть рядом с ним на подиуме. Я поняла, что покоя мне не будет, если я куда-нибудь не спрячусь».

По словам Кристины Линч, это происшествие случилось на лекции Гарднера в Шрюсберри, куда переехала Френсис. «Ну все, довольно! Больше не желаю иметь со всем этим ничего общего» – решила Френсис**.

Когда-то кузины поклялись никому не выдавать секрет фей из Коттингли. Шестьдесят лет Френсис хранила молчание, пока не узнала о том, что Элси рассказала ее сыну о подделке. Именно тогда она решила написать воспоминания.

«Моим любимым местом была ветка ивы. Там я сидела и наблюдала. Чаще всего появлялись маленькие зеленые человечки. Затем появлялись феи, некоторые с крыльями, некоторые без» – пишет она.

* [Griffiths Frances]. *Reflections on the Cottingley Fairies: Frances Griffiths - in Her Own Words: With Additional Material by Her Daughter Christine*. [Belfast], 2009.

** Clayton Emma. «Memoir Brings a Fairytale to Life». *Bradford Telegraph & Argus*. 2009. August 3.

ТОМ БРАУН. «ФЕИ В НАШЕМ САДУ»

Описание первой встречи Френсис с фейри живо и несколько подозрительно напоминает рассказ Вайолет Твидейл из книги Конан-Дойля:

«В первый раз, когда я что-то увидела, лист ивы начал сильно трястись, хотя не было никакого ветра. Я заметила маленького человечка: он стоял на ветке, держась рукой за черенок листа и, казалось, от чего-то им отмахивался. Он был одет во все зеленое»*.

Постепенно она стала замечать все больше фей и других крошечных существ:

«Это были самые настоящие феи. Некоторые были крылаты, другие без крыльев... Как-то раз они грелись в солнечном пятне на берегу... Все казалось таким мирным и дружелюбным... Иногда они подбирались поближе, на расстояние всего нескольких дюймов, но я никогда не пыталась вмешиваться в их жизнь. Я так к ним привыкла, что совсем не обращала на них внимания, если они не делали ничего необычного».

Френсис была убеждена в подлинности загадочного пятого снимка, изображавшего «колыбель фей» – фотографии Е в списке Конан Дойля. Каждая из кузин приписывала себе честь удачного снимка. Френсис утверждала, что сделала его случайно, пока Элси возилась со своей камерой:

«Был сырой субботний день и мы просто гуляли с фотоаппаратами, а у Элси ничего не было готово. Я увидела, как эти фейри собираются в траве, направила на них объектив и нажала на спуск».

В отличие от нее, Элси настаивала, что на всех пяти фотографиях изображены вырезные фигурки (хотя и не отрицала реальности фей как таковых). Кроули, редактор «Британского журнала фотографии», в свое время объяснял возникший эффект «непреднамеренной двойной экспозицией вырезных фигурок в траве» – по его мнению, «обе дамы могли вполне искренне верить, что каждая из них сделала этот снимок»*.

* Здесь и далее цит. по: Cooper Joe. «Cottingley: At Last the Truth». *The Unexplained*. 1982. № 117. С. 2338-40.

* Письмо в редакцию «Таймс», опубликованное 9 апреля 1983 г.

Спиритуалисты и прочие «друзья фей», несомненно, предпочтут объяснение Френсис: для них пятая фотография служит непреложным доказательством существования фейри. Не составит труда собрать множество современных рассказов о встречах с фейри, в том числе и в Коттингли – члены исследовательской экспедиции в деревню, названной этими энтузиастами фейри «Tinkerbell '86», видели «темных духов земли» и слышали разговоры и «колокольчики фей». Другие считают «маленьких зеленых человечков» пришельцами из космоса и связывают их с НЛО*.

«Для многих фейри вовсе не исчезли. Собственно говоря, идея ухода фей из нашего мира и угасания веры в них может рассматриваться как неотъемлемая часть комплекса преданий о фейри» – пишет Кэрол Силвер**. «Фей – в которых никогда полностью не верили – всегда уходят, но никогда не исчезают навсегда».

Для тех же, кто подобно агенту Фоксу Малдеру из *X-Files*, «хочет верить», приведем слова Купера из давешней разоблачительной статьи:

«Существуют ли феи? Можно ли их сфотографировать? Ясно только одно – фотографии из Коттингли не могут служить доказательством существования фей. Каждый из нас должен сам решить, действительно ли люди, рассказывающие о встречах с феями, видят фей или просто их воображают».

* Silver Carole G. *Strange and Secret Peoples: Fairies and Victorian Consciousness*. N.Y., 1999. С. 192, 210-212.

** *Ibid.*, с. 192.

С. 8. **Мистером Гоу, редактором журнала «Light»...** – «Light» («Свет») – старейший спиритуалистический журнал Англии, основанный в 1881 г., позднее официальный орган Лондонского спиритуалистического союза, в настоящее время издается лондонским Колледжем психических исследований. Видный шотландский спиритуалист и поэт Дэвид Гоу (ум. ок. 1939) был редактором журнала в 1914-1930 гг.

С. 8. **Мисс Скатчерд** – Речь идет о Фелиции Скатчерд (1862-1927) – английской спиритуалистке, авторе многочисленных публикаций по спиритуалистическим вопросам и довольно известном медиуме.

С. 11. **Эдвард Л. Гарднер ... Теософского общества (ложка Блаватской)...** – Теософское общество было основано Е. П. Блаватской (1831-1891) и ее последователями в Нью-Йорке в 1875 г., в конце 1890-х и начале 1900-х гг., после смерти Блаватской, раскололось на несколько групп. Здесь подчеркивается, что Э. Л. Гарднер (1870-1970) принадлежал к изначальному Теософскому обществу, которое в описываемые годы возглавлялось А. Безант (1847-1933). В различное время Гарднер состоял президентом и членом Исполнительного комитета английского отделения Теософского общества, оставил много теософских сочинений.

С. 14. **Мэй Боули** – Мэй Боули – британская художница, иллюстрировала детские книги, работала в открытке. Ср. ее письмо с мнением Гарднера: «Тот факт, что две молодые девушки сумели не только увидеть фей, что делали и другие, но впервые материализовать их в такой степени плотности, что позволила запечатлеть их образы на фотографической пластинке, означал возможное наступление нового цикла эволюции» (цит. по: Smith Paul. «The Cottingley Fairies: The End of a Legend». *The Good People: New Fairy-lore Essays*. Lexington, 1997. С. 382).

С. 14. **В письме говорилось, что я чрезвычайно заинтригован вопросом о феях...** – Конан Дойль, в частности, писал: «Меня весьма заинтересовали фотографии «фей», которые станут эпохальными, если мы проясним все обстоятельства... Случилось

так, что я в настоящее время пишу статью о феях и собрал массу свидетельств. <...> Мы все Вам обязаны, ведь Вы известили мир об этом событии» (Cooper Joe. *The Case of the Cottingley Fairies*. London, 1990. С. 32).

С. 15. **Подделок «психического» свойства...** – Имеются в виду поддельные фотографии духов, эктоплазмы и пр. спиритических явлений. См. также прим. к с. 79.

С. 17. **Мне очень не хотелось бы столкнуться с денежными требованиями...** – В первом же письме к Гарднеру Конан Дойль писал: «Я готов заплатить любую разумную сумму, скажем 5 фунтов, за право перепечатать фотографии; это неплохой способ формально получить на них авторские права и в Европе, и в Америке, что и должен сделать отец, как мне кажется» (см. Cooper, *op. cit.*, с. 32). В письме от 30 июня 1920 г. Конан Дойль предложил А. Райту 5 фунтов (или пятилетнюю бесплатную подписку) за право эксклюзивной публикации фотографий в рождественском номере журнала «Стрэнд» (см. прим. к с. 25) и дополнительные 5 фунтов в случае перепечатки статьи в США, однако в дальнейшей переписке денежные вопросы не упоминались; Э. Л. Гарднер подчеркивал, что семья Райт «не получила никакого денежного вознаграждения». Имеются сведения, что за «вторую серию» фотографий кузины получили вознаграждение в 20 фунтов каждая в виде облигаций военного займа. Приведем также мнение современного автора Александры Оуэн: «Не Райты искали выгоды от происшествия в Коттингли: Гарднер бесплатно получил от Артура Райта авторские права на снимки и использовал их в лекциях по всей стране; Конан Дойль воспользовался ими для прибыльных статей в «Стрэнде», книги и последовавших лекционных турне; Снеллинг, фотограф, торговал отпечатками с негативов, получая треть доходов, а остальное делилось между Конан Дойлем и Гарднером, причем первый забирал себе львиную долю» (Owen, Alex. «'Borderland Forms': Arthur Conan Doyle, Albion's Daughters, and the Politics of the Cottingley Fairies». *History Workshop*, 1994. № 38. С. 77). Впрочем, объективность нередко изменяет этой исследовательнице-феминистке, которая обвиняет Конан Дойля во всех смертных грехах, в том числе «империализме» (с. 61), «маргинализации» кузин из Коттингли, «при-

своении» аутентичной картины их детства и девичих мечтаний во имя собственных спиритуалистических целей (с. 78-79) и т.п.

С. 17. *Сэра Оливера Лоджа...* – Сэр Оливер Д. Лодж (1851-1940) – видный британский физик, писатель, один из пионеров радио. В конце 1880-х гг. увлекся спиритическими исследованиями, изучал телепатию, явления призраков, феномен посмертной жизни, в 1901-1903 гг. был президентом лондонского Общества психических исследований. Написал ряд книг о спиритическом общении со своим сыном Раймондом, павшим на фронте Первой мировой войны; некоторые спиритуалисты критиковали эти труды как субъективные.

С. 17. *В холле клуба «Атенеум»...* – «Атенеум» – знаменитый интеллектуальный клуб в Лондоне, основанный в 1824 г. Членами клуба в различные годы были У. Черчилль, Ч. Дарвин, В. Скотт, А. Конан Дойль, Ч. Диккенс, Т. С. Элиотт, Р. Киплинг, Г. Спенсер и многие другие выдающиеся политики, писатели и ученые.

С. 18. *Детьми из рабочего класса...* – Это описание не совсем соответствует истине. До 1917 г., когда мать Френсис, Анни Гриффитс, переехала к своей сестре Полли Райт, семья Гриффитс жила в Кейптауне (Южная Африка), позднее в популярном курортном городке Скарборо; отец Френсис был полковым сержант-майором. Элси Райт также повидала мир, поскольку с четырех до восьми лет жила с родителями в Канаде, а ее отец был одним из самых уважаемых жителей Коттингли, что придавало обеим девочкам «несколько более высокий социальный статус» (Owen, *op. cit.*, с. 71-72). Ниже Конан Дойль пишет о семье Райт как о «вполне образованных людях» (с. 35).

С. 18. *Яснослышание* – Яснослышание – в спиритуализме и др. течениях, способность слышать звуки на любом расстоянии без помощи органов слуха, воспринимать голоса людей прошлого и будущего, астральные звуковые послания и т.п.

С. 21. С «Autotype Company» и с большим фотографическим предприятием Иллингворта... – «Autotype Company» – британская компания, возникшая в 1864 г.; специализировалась в области автотипии, а с первого десятилетия XX в. и фотогравюры, в настоящее время производит материалы для цифровой печати и пр. Фирма «T. Illingworth & Co., Ltd.» с начала XX в. была одним из крупнейших в Англии производителей фотобумаги, в 1919 г. была приобретена «Илфордом».

С. 24. Я уже предпринял попытку завязать отношения со старшей из девочек, послав ей книгу... – В письме к Элси Райт, датированном 30 июня 1920 г., Конан Дойль писал: «Дорогая мисс Элси Райт, я видел чудесные фотографии фей, снятые Вами и Вашей кухней Френсис; давно уже ничто не вызывало у меня такое любопытство. Завтра я пошлю Вам одну из своих книжек – я уверен, Вы еще не настолько повзрослели, чтобы перестать увлекаться приключениями. Скоро я еду в Австралию, но надеюсь, что прежде смогу побывать в Бредфорде и полчаса побеседовать с Вами. Мне так хочется все услышать. С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, Артур Конан Дойль. Мне рассказал обо всем мистер Гарднер».

С. 25. «Strand Magazine» – Английский ежемесячный журнал «Стрэнд» (по названию одной из главных улиц Лондона), издавался с конца 1890 до март 1950 г. В первые десятилетия XX в. тираж журнала достигал 500,000 экз. В свое время «Стрэнд» приобрел невероятную популярность благодаря публикациям рассказов и повестей А. Конан Дойля о Шерлоке Холмсе.

С.26. Снимок Элси, где она показывает свою руку – Некоторые эксперты выражали сомнение в том, что рука Элси Райт на фотографии принадлежит ей, т.к. кисть казалась слишком крупной; Элси объясняла это тем, что у нее «длинные пальцы» (см. ниже в тексте). Гораздо позднее Френсис ссылалась на «перекос камеры», тогда как некоторые спиритуалисты говорили о «психическом удлинении» пальцев Элси (Cooper Joe. «Cottingley: At Last the Truth». *The Unexplained*. 1982. № 117).

С. 26. **Иллингворты говорят...** – В своем заключении представитель компании Ф. Ренвик, говоря также от имени коллег, заметил: «Я уверен, Сторр и Блох согласны с тем, что имеются некоторые свидетельства подделки» (Smith, Paul. «The Cottingley Fairies: The End of a Legend». *The Good People: New Fairy-lore Essays*. Lexington, 1997. С. 385). Фактически, как справедливо указывает ниже Гарднер, безоговорочно подтвердил подлинность фотографий лишь Гарольд Снеллинг.

С. 28. **Из камеры «Мидж»...** – Фотоаппараты «Мидж» выпускались в 1904-1920 гг. лондонской компанией «W. Butcher & Sons», позднее «The Houghton-Butcher Manufacturing Co. Ltd.» (до Первой мировой войны фотоаппараты этой компании фактически производились в Германии). У Артура Райта была камера «Midg No. 1».

С. 28. **Соприкоснулась с теософским учением...** – По свидетельству Д. Купера, как Полли Райт, так и Анни Гриффитс (мать Френсис) посещали собрания Теософского общества в Бредфорде (Cooper Joe. *The Case of the Cottingley Fairies*. London, 1990. С. 11). На одном из заседаний летом 1919 г., посвященном «малому народу», она показала собравшимся фотографии фей, после чего они были размножены, продемонстрированы на теософском конгрессе в Харроугейте (см. с. 52) и, соответственно, привлекли внимание Гарднера.

С. 30. **Подготовил новые негативы...** – По воспоминаниям Гарднера, его инструкции Снеллингу были следующими: «Оригиналы должны оставаться в полной неприкосновенности. С них следует изготовить контактные позитивы, и негативы с них могут быть скорректированы или улучшены для получения хороших отпечатков, но не более, никакой ретуши или иной обработки; также необходимо изготовить две стеклянные картины для волшебного фонаря» (см. Smith, *op. cit.*, с. 382). См. также с. 20.

С. 31. **Prima facie** (лат.) – на первый взгляд.

С. 32. Я работал над статьей о феях (которую благополучно завершил)... – Упомянутая статья под названием «Свидетельства о существовании фей» с приложением двух фотографий, снятых в Коттингли летом 1920 г., была напечатана в марте 1921 г. в журнале «Стрэнд» и составила главу VI «Пришествия фей».

С. 32. Мыслительных формах... – Мыслительные формы или мыслеформы – в западном оккультизме XX в. манифестации духовной энергии, которые могут принимать образы и формы материальных объектов; описаны под таким названием А. Безант и Ч. Ледбитером (см. прим. к с. 123) в книге «Thought Forms» (1901).

С. 34. Этим людям стали бы докучать письмами и визитами... – В письме к А. Райту от 3 августа 1920 г. Конан Дойль писал: «Я изменил все имена и географические названия. Мы всегда можем выпустить кота из мешка, но если он уже выберется, обратно его не загонишь. Предвижу 100 шарабанов в день, если об этом прознает пресса. Поэтому мы предполагаем опубликовать только фотографии трехлетней давности, на которых [девочек] не так легко узнать. Если о деле известно Вашим соседям, Вы поступите умно, попросив их вести себя осторожно».

С. 34. С одной пластинкой внутри... – Поскольку «одна» или «единственная» фотопластинка неоднократно упоминается в тексте, стоит пояснить, что в камеру «Мидж» можно было одновременно зарядить 12 пластинок, которые удерживались на месте металлическими зажимами; после нажатия спуска экспонированная пластинка опускалась в светонепроницаемый отсек на дне камеры, в целом имевшей вид чемоданчика.

С. 46. Ирис умеет рисовать и в свое время даже придумала несколько моделей украшений... – Элси Райт («Ирис») оставила школу в возрасте 14 лет и обучалась в Бредфордском колледже искусств (Cooper, *op. cit.*, с. 22).

С. 47. **Новый Лас-Касас...** – Бартоломе де Лас-Касас (1484-1566) – испанский священник, историк, защищавший коренное население Америки от зверств испанских колонизаторов, автор «Краткого отчета о разрушении Индий» (изд. 1522) и монументальной «Истории Индий» (изд. 1875).

С. 48. **Газета «Truth»... презрительными и презрения достойными статьями** – Речь идет о газете «Truth» («Правда»), издававшейся в Сиднее в 1890-1958 гг. и отличавшейся любовью к скандалам. В номере от 5 января 1921 г. газета писала: «Для настоящего объяснения этих фотографий фей не требуется понимание оккультных феноменов, а просто-напросто понимание детей».

С. 48. **«Westminster Gazette»** – «Вестминстерская газета» (1893-1928) – в описываемые годы либеральная «клубная» лондонская газета; хотя аудиторией издания являлись джентльмены, отдыхавшие в клубах в послеобеденные часы и тираж его был небольшим, газета пользовалась значительным влиянием в политических кругах и считалась примером образцовой редакторской работы.

С. 51. **Коттингли Бек ... в реку Эйре** – Beck (англ.) – ручей. Эйре – река в Йоркшире длиной примерно 114 км.

С. 51. **Мисс Элси Райт** – Здесь и далее будет использоваться настоящая фамилия Райт, вместо «Карпентер», как в статье, поскольку семья сняла свои возражения (*Прим. авт.*).

С. 60. **В лондонской «Evening News»...** – «The Evening News» («Вечерние известия») – ведущая вечерняя газета Лондона, адресовалась широкой публике. В середине 1910-х гг. тираж газеты достигал 600,000 экз.

С. 61. **Романиста Халливелла Сатклиффа...** – Халливелл Сатклифф (1870-1932) – в свое время довольно популярный и пло-

довитый писатель, автор 30 романов, в том числе исторических, большую часть жизни прожил в Йоркшире.

С. 62. Уильямом Райли, автором романов «Уиндиридж»... – Уильям Райли (1866-1961) – известный писатель, проповедник-методист; свой первый роман «Уиндиридж» (изд. 1912) написал в возрасте 40 с лишним лет; роман разошелся тиражом в 300,000 экз. После выхода книги сотни загородных коттеджей по всей Англии были названы «Уиндиридж» по имени описанного в романе.

С. 62. Верхнего Эйрдейла и Уорфедейла – Эйрдейл – долина реки Эйр в Йоркшире; Уорфедейл – долина реки Уорфе в Йоркшире.

С. 63. Майор Холл-Эдвардс, известный исследователь радия... – Джон Холл-Эдвардс (1858-1926) – британский медик, один из пионеров радиологии, возглавлял рентгеновские отделения ряда больниц. В 1908 г. его левая рука была ампутирована в результате контакта с радиоактивными веществами. Видный фотограф-любитель, Холл-Эдвардс получил свыше 50 медалей за достижения в фотографии и был избран почетным членом Королевского фотографического общества.

С. 69. Морис Хьюлетт... «John O'London»... – Морис Хьюлетт (1861-1923) – английский поэт, писатель, автор многочисленных исторических романов. Отметим, что Хьюлетт и сам верил в фейри и в своей автобиографической книге «The Lore of Proserpine» (1913) описал множество встреч с фейри, дриадами, нимфами и т.д. – прекрасными, но часто пугающими созданиями. «John O'London» - литературный журнал, издававшийся в 1919-1954 гг., до Второй мировой войны считался ведущим журналом такого рода в Англии; тираж издания достигал 80,000 экз.

С. 72. «Punch» – «Панч» – прославленный британский юмористический и сатирический журнал, издавался в Лондоне в 1841-1992 и

1996-2002 гг. Назван по имени фольклорного персонажа (см. прим. к с. 93).

С. 73. Эпохи возникают сами по себе, а не создаются по чьей-то воле... – Хьюлетт обыгрывает название статьи А. Конан Дойля в рождественском номере журнала «Стрэнд» (1920), ставшей главой II «Пришествия фей». Статья была озаглавлена «Сфотографированы феи. Эпохальное событие, описанное А. Конан Дойлем».

С. 79. Я располагаю немалым опытом в вопросах воплощения образов в психической фотографии и влияния мысли на эктоплазмические картины... – Эктоплазма – В оккультизме и особенно спиритуализме XIX-XX вв. – загадочная вязкая субстанция, выделяемая организмом медиума; «эктоплазмические картины» – образы, фигуры, изображения и т.д., материализуемые медиумом с помощью эктоплазмы. Гарднер считал, что Френсис Гриффитс обладала избытком «несвязанной» эктоплазмы, с помощью которой происходила материализация фей. Конан Дойль не только пытался изучать феномен эктоплазмы, но был также одним из основателей и первым вице-президентом «Общества изучения сверхнормальных изображений», просуществовавшего с 1918 по 1923 гг. и изучавшего фотографии духов, сделанные медиумами, снимки призраков и т.п. В 1920 г. общество сообщило, что «после многих проверок и исследования тысяч фотографий, [члены общества] единогласно пришли к заключению, что на чувствительных фотографических пластинках были запечатлены результаты, полученные сверхнормальным образом ... в таких условиях, которые несомненно исключают возможность фальсификации». История с феями из Коттингли практически совпала с громким разоблачением английского спиритуалиста Уильяма Хоупа (1863-1933) и его поддельных «фотографий духов» в 1922 г.; Конан Дойль отказался поверить в обман и в книге «В защиту фотографий духов» (1922) выдвинул сложную теорию заговора против Хоупа.

С. 81. Не менее серьезно, чем пигмеев Центральной Африки... – Это сравнение покажется не таким уж удивительным, если вспомнить, что пигмеи (о которых писали еще античные авторы от Гомера до Плиния) веками считались в Европе мифическими суще-

ствами и дебаты по поводу их существования продолжались в научной среде вплоть до открытия пигмеев ака в Центральной Африке ботаником и путешественником Георгом Августом Швайнфуртом в 1870 г.

С. 82. *Глупости, против которой, по словам Гете, даже боги бессильны...* – Фраза, нередко приписываемая Гете, на самом деле принадлежит Ф. Шиллеру (1759-1805): «Mit der Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens» - «С глупостью даже боги борются бессильны» («Орлеанская дева», акт II).

С. 84. *Фотоаппарат «Камео»* – Камео» – серия компактных фотоаппаратов с раздвижным мехом, производившихся компанией «W. Butcher & Sons».

С. 85. *Миниатюрными сверх-Павловыми...* – Подразумевается великая русская балерина Анна Павлова (1881-1931), которая в 1914 г. обосновалась в Англии и сыграла значительную роль в развитии британского балета.

С. 88. *Главным препятствием были для нас перемены в самих девочках...* – Гарднер позднее писал по этому поводу: «Девочки вновь были вместе в долине, условия казались в точности теми же, что и раньше – но, хотя духи «выходили» и приближались к девочкам, они отказывались пользоваться аурой Френсис для проявления своих форм. Они почти сразу же отступали с выражением недовольства. Это, определенно, все, что я могу сказать. Мое предположение, которое я изложил сэру Артуру, заключалось в том, что фотографии мы, скорее всего, не смогли получить в связи с достижением [девочками] половой зрелости. Не имелось достаточно плотного материала требуемого характера или, точнее говоря, материал был неприемлем, но на этом я должен поставить точку» (Owen, *op. cit.*, с. 74).

С. 88. *Друг, которого я назову мистером Сарджентом* – Речь идет о видном оккультисте, теософе и мистике Джеффри Ход-

соне (1886-1983), считавшемся ясновидящим. В числе более 50 книг, написанных Ходсоном – «Феи за работой и на отдыхе» (1925) и «Царство фей» (1927). Ходсон вернулся из Коттингли совершенно убежденным в правдивости кузин и наличии в долине фей; так, он писал: «Я лично убежден в искренности обеих девушек, сделавших эти фотографии. Я провел несколько недель с ними и их семьей, и я уверен в истинности их ясновидческого дара, в наличии фей, точно таких же, что были сфотографированы в лощине Коттингли, и в полной честности всех заинтересованных сторон» (Magnusson Magnus. *Fakers, Forgers and Phoneyes: Famous Scams and Scamps*. [Edinburgh], 2005. С. 104). Согласно ряду источников, Ходсон до самой смерти продолжал верить в реальность своего духовидческого опыта в «Долине фей» и, несмотря на разоблачения, считать фотографии из Коттингли подлинными: Элси и Френсис, считал он, объявили их поддельными только потому, что устали от бесцеремонного внимания прессы (Keidan Bill. *An Assessment of Mr. Hodson's Life's Work*. KatinkaHesselink.net, retrieved Nov. 2010).

С. 90. **«Апельсины и лимоны»** – Традиционная английская детская игра, напоминающая игру в «ручеек» и сопровождающаяся пением одноименной песенки, в которой обыгрывается звучание колоколов Лондона.

С. 90. **Лансье** – Лансье (Lancers Quadrille) – Английский бальный танец, завоевавший популярность в Европе с середины XIX в. Исполняется четырьмя парами, расположенными в виде каре. Название танца буквально означает «кадриль уланов».

С. 90. **Некоторые из них, взявшись за руки, образовали арку...** – Следует отметить, что здесь и далее видения Ходсона, в частности описания танцев фей, забав прочих фейри и т.д., обнаруживают разительное сходство с несомненно хорошо знакомой этому духовидцу викторианской и эдвардианской иконографией фейри; одним из наиболее известных художников, посвящавших свои картины и рисунки феям, был дядя Конан Дойля, Ричард Дойль (1824-1883). «Прекрасные викторианские художники, изображавшие фейри, более других повлияли на создание иконографии британской Страны фей» – отмечает Оуэн. «В годы «бума», а именно в 1840-

1870 гг., такие художники, как Ричард Дадд, Джозеф Ноэль Патон, Д. А. Фицджеральд и Ричард Дойль, а также те, что в целом не ассоциировались с «живописью фейри», как например Эдвин Ландсир и Фредерик Гудалл, создали множество полотен, изображавших жизнь фейри. <...> В картинах, которые предвосхитили или отразили идеи прерафаэлитов, они рисовали фигурки фейри на фоне или непосредственно внутри детально изображенных ландшафтов, что создавало напряженный и сильный, почти визионерский эффект. «Приди на эти желтые пески» Дадда (1842), «Примирение Оберона и Титании» Патона (выст. 1847), «Сон» Фицджеральда (1857) являются примерами картин, где изображен сонм летающих, танцующих фей, окружающих Оберона и Титанию или фигуру спящего человека; рядом с ними другие фейри: гоблины, эльфы, шаловливые карлики, пухлые чертенята, а также более гротескные и деформированные фигуры» (Owen, *op. cit.*, с. 52).

С. 93. Кружение «Большого колеса» в Эрлс Коурт... – Так называемое «Большое колесо» обозрения в лондонском районе Эрлс Коурт было построено для выставки «Империя Индии» и открылось для публики в июле 1895 г. До закрытия аттракциона в 1906 г. на колесе высотой 94 м. успели прокатиться более 2.5 млн. человек. «Большое колесо» было снесено в 1907 г.

С. 93. Панча ... уэльской шляпы – Панч – персонаж традиционного английского кукольного театра, кривоносый и вооруженный палкой горбун в пестром костюме придворного шута, близкий к русскому Петрушке (и восходящий, как и последний, к Пульчинелле, персонажу итальянской комедии дель арте). Уэльская шляпа – женская шляпка с высокой тульей, напоминавшая по форме мужской цилиндр; с первой трети XIX в. получила широкое распространение в Уэльсе.

С. 104. Леди Гленконнер – Имеется в виду леди Памела Гленконнер (1871-1928), писательница, принадлежавшая к аристократическому и интеллектуальному кружку, известному как «Souls» («Души»). С юных лет увлекалась спиритизмом, утверждала, что получала спиритические послания от своего сына Эдварда, погибшего в 1916 г. в битве на Сомме. Среди ее книг следует отметить

«Земной сосуд. Рассказ о посланиях духов в виде книжных шифров» (1921).

С. 105. **Преподобный С. Баринг-Гулд** – Сабин Баринг-Гулд (1834-1924), английский священник, писатель, антиквар, фольклорист и агиограф, собиратель исторических курьезов и фольклора, чрезвычайно плодовитый автор. Широкую известность получили такие его труды, как «Книга оборотней» (1865), «Любопытные мифы Средневековья» (1866) и «Жития святых», монументальное произведение в 16 томах (1872-1877).

С. 106. **Вайолет Твидейл** – Вайолет Твидейл (1862-1936) – британская писательница, убежденная спиритуалистка, опубликовавшая более 30 книг по «психическим» вопросам, в том числе известное сочинение «Призраки, которых я видела, и другие психические впечатления» (1920).

С. 108. **Мистер Терви из Борнмута, чья книга «Начала ясновидения»...** – Винсент Терви (1873-1912) – знаменитый ясновидящий, инженер по профессии, вице-президент Борнмутского общества спиритуалистов, проповедник «активного» (в отличие от пассивно-медиумического) ясновидения. Полное название его книги – «Начала ясновидения. Астральные проекции, ясновидение и пророчества» (1911).

С. 108. **Мы хранили молчание, не разговаривали и не двигались, как часто было у нас заведено...** – Терви, став инвалидом в результате аварии, много лет прожил в одиночестве в своем саду, где проводил долгие часы в чтении и медитации. «Моя болезнь и мои медитации создали или пробудили мои психические дарования» – писал он.

С. 109. **Нью-Форест** – Местность на юго-западе Англии, где сохранились самые крупные неогороженные пастбища и леса; в настоящее время на части территории располагается Национальный заповедник Нью-Форест.

С. 110. **Мистер Том Тиррелл** – «Ткач Том Тиррелл» с севера Англии часто упоминается в трудах Конан Дойля о спиритуализме как пример ясновидческого дара; в частности, писатель рассказывает, как тот однажды наслаждался картинами, повернувшись спиной к стене, на которой они висели.

С. 112. **Экклесбурн Глен** – крутое ущелье близ Гастингса в Восточном Сассексе; помимо природной красоты, привлекающей сюда многих любителей пеших прогулок, местность известна реликтовыми лесами и находками останков динозавров.

С. 115. **Саут Даунс** – Саут Даунс (South Downs) – район меловых холмов на юге Англии, занимающий часть Хемпшира и Сассекса, ныне национальный заповедник.

С. 115. **Миссис Льюис ... «Страннее вымысла»...** – Имеется в виду книга Мэри Л. Льюис, много писавшей о фольклоре Уэльса, под названием «Страннее вымысла. Рассказы о малоизвестных сторонах фольклора и веры в призраков» (1911).

С. 115. **Р. Кирка ... «Тайное содружество»** – Роберт Кирк (1644-1692) – шотландский священник из прихода в Эберфойле; полное название его сочинения, предположительно написанного в 1691 г. – «Тайное содружество эльфов, фавнов и фей» (первое изд. 1815). С именем Кирка связана одна из наиболее живописных легенд о феях и призраках; приведем ее в изложении Вальтера Скотта: «Когда мистер Кирк шел однажды вечером в своей ночной рубашке на Дон-ши, или гору фей, в окрестностях усадьбы приходского священника, он почувствовал что-то, похожее на апоплексию, которую несведущий человек принимает за приближение смерти, тогда как более понимающие знают, что это обморок, вызванный влиянием сверхъестественных существ, чьи границы он нарушил. После церемонии похорон родственнику явился призрак в облике преподобного Роберта Кирка и приказал ему идти к Грэму из Дюкре <...>: «Скажи Дюкре, – он мой кузен, также как и твой, – что я не умер, но захвачен в плен фейри и для моего освобождения остается только один шанс. Когда ребенок, которого моя жена родила после

моего исчез-новения, примет баптистскую веру [в действительности – «будет окрещен»], я появлюсь в комнате, и если Дачрей бросит мне в голову нож или кинжал, который у него в руке, я смогу вернуться в человеческое общество, но если этой возможностью пренебречь, я пропаду навсегда». Дачрей понял, что должно быть сделано. Церемония прошла, и, когда все сидели за столом, призрак мистера Кирка стал явственно виден, но Грэм Дачрей, к своему удивлению, не смог выполнить договора, потому что боялся, что мистер Кирк спокойно «покорился своей судьбе в стране фейри», и эльфы заявили ему, как океан бедному Фалконеру, который погиб в море, после того как написал знаменитую поэму о кораблекрушении: «Ты отрицал нашу мощь – будь же нашей добычей» (Скотт Вальтер. *Письма о демонологии и колдовстве*. М.-СПб., 2002. С. 132-133). По местному поверью, фейри заточили дух Кирка в большую сосну, которую до сих пор можно видеть в лесу на вершине Дон-ши.

С. 117. ***Истинным ирландским историям о призраках*** ... «***The Larne Reporter***» – «Истинные ирландские истории о призраках» – книга Сент-Джона Д. Сеймура и Гарри Л. Нелигана (1914). «***The Larne Reporter***» – газета, издававшаяся с 1865 г. в ирландском портовом городе Ларн.

С. 119. «***Странник в духовных мирах***» ... ***мистер Фарнезе*** – Эта книга была издана под именем «Франчецо Фарнезе», комбинации имени автора (означенного как «А. Фарнезе») и духа итальянца Франчецо, который, по словам автора, продиктовал ему текст.

С. 120. «***Лилии, что цветет уединенно***»... – Цитата из наиболее известного стихотворения английского поэта Томаса Грея (1716-1771) «Элегия на сельском кладбище» (1750): «Как часто лилия цветет уединенно / В пустынном воздухе теряя запах свой» (пер. В. Жуковского).

С. 122. ***Питера Пэна***... – Питер Пэн – персонаж ряда книг шотландского писателя Дж. Барри (1860-1937), мальчик, который не хочет взрослеть; автор письма намекает на многочисленных фей в

этих книгах: Питер знакомится с ними в Кенсингтонских садах, у него есть подруга и помощница, знаменитая фея Тинкербелл (Динь-Динь) и т.д.

С. 122. **Заповеди «Будьте как дети»...** – Обыгрывается библейская цитата: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мат. 18:3). В то же время, автор письма вновь намекает на книги Дж. Барри о Питере Пэне, где феи описываются как осколки младенческого смеха и говорится: «Феи есть везде, где есть дети».

С. 123. **Епископа Ледбитера...** – Речь идет о виднейшем и скандальном теософе Чарльзе У. Ледбитере (1854-1934), сподвижнике А. Безант и авторе многочисленных эзотерических книг и статей, «открывшем» теософам Кришнамурти. В теософской среде Ледбитер считался ясновидящим и занимался оккультными исследованиями космоса, «тонких» миров и человеческой эволюции. В 1916 г. был посвящен в епископы основанной им же совместно с Д. Веджвудом Либеральной католической церкви.

С. 124. **Из Пила... Сен-Марк... Грибский замок, живописный дом сэра Холла Кейна...** – Пил – портовый город на острове Мэн с единственным на острове кафедральным собором, Сен-Марк и Гриба – деревни на острове. Грибский замок – дом в виде замка 1849 года постройки, где жил известный писатель сэр Томас Холл Кейн (1853-1931).

С. 124. **Церковь Св. Триниана** – Недостроенное здание XII-XIV веков близ деревни Гриба на острове Мэн; по местным поверьям, здесь обитал буггейн – огромное и злобное волосатое существо.

С. 125. **Шетландцев** – Имеются в виду шетландские пони, небольшие пони родом с Шетландских островов, одна из самых маленьких пород пони.

С. 127. **Камерой «2А Брауни»** – «Брауни» – чрезвычайно популярная линия камер компании «Истман Кодак», отличавшаяся дешевизной и простотой в использовании. Камеры «2А Брауни» выпускались в США с 1907 по 1936 г.; уже к 1921 г. было произведено свыше 2.1 млн. таких камер. Стоит упомянуть, что камера получила такое название в честь забавных фейри-брауни канадского литератора и художника П. Кокса (1840-1924).

С. 129. **Нарциссы вида «фазаний глаз»** – Позднецветущие нарциссы с большими белыми лепестками и желтой, окаймленной красным чашечкой.

С. 130. **Рочдейлском кооперативе...** – Рочдейлские потребительские кооперативы, во многом основанные на идеях социального реформатора Р. Оуэна (1771-1858), начали появляться в Англии со времен неудачной забастовки ткачей в Рочдейле в 1844 г.; с 1860-х гг. распространились также в Австралии и Новой Зеландии.

С. 131. **Уступали им стол...** – Подразумевается стол для спиритических сеансов.

С. 131. **Замка Бларни...** – Замок Бларни – средневековый замок на месте каменного укрепления XIII в., возведенный в середине XV в. властями из династии Маккарти.

С. 136. **Музыка мистера Кольриджа-Тэйлора** – Сэмюэл Кольридж-Тэйлор (1875-1912) – весьма популярный в свое время британский композитор-креол, прозванный «африканским Малером», автор ряда камерных произведений, кантат, баллад и т.д.

С. 136. **Пердиту из «Сна в летнюю ночь»...** – Видимо, оговорка рассказчицы: Пердита – героиня шекспировской трагикомедии «Зимняя сказка», а не комедии «Сон в летнюю ночь», хотя именно в последней фигурируют эльфы, феи, властители царства фей Оберон и Титания и т.д..

С. 136. **Миранда** – героиня пьесы Шекспира «Буря».

С. 137. **Джону Льюису, редактору «Psychic Gazette»...** – Точнее, «International Psychic Gazette» («Международная психическая газета»), издание, основанное Д. Льюисом в 1912 г. В своем завещании Конан Дойль отписал 100 фунтов Льюису и дополнительные 50 фунтов на нужды «Psychic Gazette».

С. 146. **«Всесожжениях» давних времен...** – Всесожжение – в Библии название особого рода жертвоприношения, при котором жертва сжигалась полностью и части ее не поступали священнослужителям или жертвователю.

С. 153. **Орихалк атлантов** – Орихалк (буквально «горная медь») – неизвестный либо мифический металл или сплав, упоминаемый у Гесиода, Платона и многих других античных авторов; по Платону, орихалк испускал «огнистое блистание» и был использован для облицовки стен акрополя Атлантиды.

С. 154. **Сливнамон... считается священным...** – Сливнамон (Slievenamon, ирл. Sliabh na mBan) – гора в ирландской провинции Мунстер, которая считалась местом обитания женщин-фей и является центром многочисленных легенд, связанных с деяниями мифического воина и мудреца Финна Мак Кумала (Фингала).

С. 154. **Милезианской расы...** – Милезиане или «сыновья Миля» – мифическая раса, пришельцы из Испании, завоевавшие Ирландию и ставшие предками современных ирландцев.

С. 155. **Туата Де Даннан** – Туата Де Даннан (ирл. Tuatha De Danaann) или «племена богини Дану» – мифические правители Ирландии, по легендам владевшие волшебными чарами; потерпев поражение в битве с сыновьями Миля, получили при разделе земель власть над подземным миром Ирландии.

С. 155. **Стране Эрин...** – Эрин – древнее поэтическое название Ирландии.

С. 156. **Круксом...** – Сэр Уильям Крукс (1832-1919) – видный британский химик и физик, первооткрыватель таллия. С 1870 г. занялся научными исследованиями сверхъестественных феноменов (таинственные шумы и стуки, левитация, появление призраков и светящихся объектов и т.д.), вступил в Общество психических исследований и до конца жизни оставался убежденным спиритуалистом.

С. 156. **Ломброзо...** – Чезаре Ломброзо (1835-1909) – итальянский психолог и криминолог, создатель теории криминальной наследственности, прошедший путь от материализма до спиритуализма, о чем он рассказал в книге «После смерти – что?» (1909).

Настоящий перевод выполнен по изданию: Doyle Arthur Conan. The Coming of the Fairies. New York: George H. Doran Company, 1922.

Все фотографии и подписи к ним (предположительно составленные Э. Л. Гарднером), означенные знаками &&, взяты из оригинального издания книги. Фотография Коттингли Бек на с. 75 сделана П. Глаззардом.

Оглавление

Предисловие	6
Пришествие фей	
I. С чего все началось	7
II. Первый опубликованный отчет	31
III. Отзывы на первые фотографии	48
IV. Вторая серия	78
V. Наблюдения ясновидящего в долине Коттингли	90
VI. Независимые свидетельства о феях	100
VII. Некоторые новые случаи	122
VIII. Теософский взгляд на фейри	139
<i>Екатерина Коути. Ностальгия по феям</i>	158
К о м м е н т а р и и	207
Книги издательства Salamandra P.V.V.	238

Книги издательства Salamandra P.V.V.

Джозайя Флинт. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинта о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полиции и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Борис Херсонский. Новый Естествослов. 154 с., илл.

Новая книга известного поэта, автора более десяти поэтических сборников, содержит вариации на тему Естествослова-Бестиария и представляет собою поэтические переложения средневековых текстов.

Роман Шмараков. Под букowym кровом. 208 с., илл.

В этой книге доктор филологических наук и прекрасный переводчик античной поэзии Роман Шмараков представляет свои прозаические опыты – семь изысканных и стилистически безупречных новелл, действие которых переносит читателя из древней Греции в Германию XVIII века, Италию времен Ренессанса и Россию «дворянских гнезд» века девятнадцатого.

Книги серии «Gemma magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма»:

Райские цветы, помещенные в седми цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» - таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX

веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древнего славенского языческого баснословия, собранного из разных писателей, и снабденного примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древнего славенского языческого баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Книги серии «Библиотека авангарда»:

Владимир Гольцшмидт. Послания Владимира жизни с пути к истине. 85 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. I).

Первое современное издание произведений «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта (1891? – 1957), поэта, агитатора, культуриста и одного из зачинателей жанра артистического перформанса.

Основатель московского «Кафе поэтов» и создатель памятника самому себе, авантюрист и йог, ломавший о собственную голову доски во время выступлений, Гольцшмидт остался легендарной фигурой в истории русского футуризма.

Филиппо Томмазо Маринетти. Битва у Триполи (26 октября 1911 г.), пережитая и воспетая Ф. Т. Маринетти. 97 с., карта, илл. (Библиотека авангарда: Вып. II).

Основатель итальянского футуризма, неистовый урбанист и певец авиации и машин Филиппо Томмазо Маринетти – на фронте итало-турецкой войны. Книга поэтической прозы «Битва у Триполи» в полной мере отразила как литературное дарование, так и милитаристский пафос итальянского футуриста. Переведенная на русский язык эгофутуристом и будущим лидером имажинизма В. Шершеневичем, «Битва у Триполи» не переиздавалась с 1915 г. и давно является библиографической редкостью.